

**МНЕ
ПРАВИТСЯ
ТВОЯ
ЛОЖЬ**

от автора бестселлеров по версии New York Times

**СКАЙ
УОРРЕН**

Оригинальное название: *Skye Warren «Love the Way You Lie» (Stripped #1), 2016*

Скай Уоррен «Мне нравится твоя ложь» (Обнажённые #1), 2017

Переводчик: *Иришка Дмитренко*

Алина Ширяева-Тищенко

Сверщик: *Иришка Дмитренко*

Редактор: *Елена Теплоухова,*

Ольга Горшкова.

Обложка: *Врединка Тм*

*Лес чуден в снежной пелене,
Но нас в другой ждут стороне,
И на покой не скоро мне,
И на покой не скоро мне.*

Роберт Фрост

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Раньше я думала, что есть вещи, которые никогда не смогла бы сделать. Никогда не раздеваться за деньги. Никогда не торговать своим телом. Никогда не трахаться с незнакомцем, чтобы просто выжить. Я бы никогда не стала этого делать, это слишком низко.

Я бы предпочла умереть.

Но не так просто умереть, лечь и просто позволить этому случиться. Не сопротивляться. Не добраться к поверхности за воздухом, когда ты тонешь. Это почти невозможно. И я лучшее тому доказательство. Живой пример того, как низко человек упал бы, если ему придется. Если он в достаточном отчаянии.

Если он смотрел на черный ствол пушки, считая свои вздохи.

Я задерживаю дыхание и наношу красную помаду на губы, которая так резко контрастирует на фоне припудренной бледной кожи. Мои глаза уже подведены тяжелым золотым контуром и мерцающими тенями. Незнакомка в зеркале смотрит на меня, моргая широко распахнутыми глазами. Она не выглядит грустной. Или одинокой. Ее испуг не заметен, потому что макияж делает свое дело.

В среду вечером в раздевалке пусто. Даже закуски за полцены не могут привлечь внимание к клубу в середине недели. Никто не будет танцевать сегодня вечером. Вот почему я здесь. Потому что должна быть здесь. Как и Кэнди, которая сейчас на сцене. И Лола, работающая на этаже. Мы делаем то, что должны делать. Считаем наши вдохи.

Я стою и потряхиваю своими крыльями, убеждаясь, что они все еще на месте, прикреплены к лифчику. Это будет продолжаться, пока я не сниму его. Песня становится все громче и быстрее, и я знаю, что это скоро закончится. Я следующая. *Мне повезло.*

На самом деле повезло. Я точно знаю, что альтернатива есть.

Возвращаю свои трусики на место, убеждаясь, что они закрывают важные части. На данный момент. Трусы является общим термином для клочка ткани, предназначенной разорваться, когда я их дерну.

Поворачиваюсь и застываю. Мое дыхание переходит в свист. Блу стоит в дверном проеме, прислоняясь к нему. Его толстые накаченные руки, длинная футболка, татуировки, покрывающие кожу. Их можно рассмотреть. Он бывший военный, но то, что было чувством чести, для него давно в прошлом. Хотя у него еще есть дисциплина. И власть, и сила. Он работает вышибалой в клубе.

Как долго он наблюдает за мной?

Я не обращаю внимания на дрожь, которая скользит вниз по моей спине. Игнорирую его, когда иду в сторону двери. Возможно, он не будет двигаться и позволит мне пройти. Может быть, он не будет докучать мне. А может, свиньи будут летать.

Он хватает меня за руку.

Еще лучше. Не то, чтобы я могла проскочить мимо, не задев его. Я делаю много вещей, но не являюсь самоубийцей. Его рука на мне, а я стою и чувствую мурашки, ползущие вверх и вниз по моей коже. Но не смотрю ему в глаза. Я не люблю видеть в них темноту. Вместо этого смотрю мимо него, в темный коридор.

— Даже не здороваешься?

Он пахнет дымом, потом и алкоголем. Сейчас только восемь часов вечера.

Сохраняю голос твёрдым.

— Привет.

— Это звучит не очень дружелюбно. У тебя проблемы? Разве я тебя чем-то обидел?

Боже, мне это не нужно. Песня почти закончилась. Могу пропустить свой выход, поэтому нервничаю. Я не должна этого допустить. Коридор за его спиной пуст. Вряд ли кто-то помог бы, даже если и увидел происходящее. Иван является владельцем стрип-клуба, наряду с владельцами другого противоправного дерьма в городе. Он ушел некоторое время назад, хотя Блу — просто вышибала, но получает полную свободу действий. По крайней мере, он делает достойную работу, защищая нас, девушек.

Даже если он и мудака.

— У меня нет проблем с тобой, — говорю я.

Блу тянет меня ближе до тех пор, пока мое тело практически вплотную не приближается к его, но все равно я не буду смотреть ему в глаза. Он не платит за это. Никто не платит. Они раскошеляются, чтобы коснуться меня, причинить мне боль. Трахать меня. Но они не платят за то, чтобы я смотрела им в глаза, поэтому я и не смотрю.

Его рот расположен вблизи моего уха, и я могу чувствовать бороду, когда он разговаривает.

— Тогда почему бы тебе не доказать это. Покажи мне, какой дружелюбной ты можешь быть.

Грубо отвечаю.

— Я следующая.

Его хватка усиливается, и я уже представляю синяки. Дома в душе, я смываю с себя вонь этого места, позор, но не могу смыть темный силуэт его пальцев там, где они давят на мою кожу. Он отпечатывается на мне, становясь частью меня, к моему горлу подступает желчь.

— Я следующая, — повторяю шепотом.

Даже Блу не хочет злить сильных мира сего. Я вижу отблеск сожаления в его глазах. Он отпускает меня.

— Позже, Прелесть.

Я вздрогнула, хотя это мое имя. Не настоящее, но это то, как они называют меня здесь.

Это то, кем я здесь являюсь.

Он отходит в сторону, и я спешу вниз по темному коридору. После длительной практики я проворнее на каблуках, чем босиком. Огни по обеим сторонам коридора и система освещения для того, чтобы во время прогулки чувствовать себя гламурно или, может быть, чтобы убедиться, что мы не споткнёмся на наших шпильках. Для тех, кто чувствует себя в стрип-клубе не на своем месте, освещение лучше, чем темнота, пыльные углы и стыд. Это напоминает мне взлетно-посадочную полосу, но не в стриптизерской терминологии, а реальную полосу для самолетов с огнями по обеим сторонам, чтобы направлять меня. В любой момент я могу уехать. Могу освободиться.

Я должна верить, что это единственный способ, чтобы продолжать жить.

И я жду своего выхода. В ловушке. Обратная сторона бесплатной жизни.

Я стою за кулисами. Двадцать лет назад этот уголок был наполнен рабочими, костюмерами и исполнителями, ожидающими своего сигнала. Но сейчас есть только я. Дрожу под кондиционером. Музыка полностью затихает.

Кенди сползает назад, ее кожа блестит от пота и блескок, пахнет алкоголем и вишней. Она самая красивая девушка здесь, за исключением следов от уколов на ее руках и черноты под глазами, которую она слишком часто и так умело прячет под толстым слоем макияжа. Звучат первые ноты моей песни.

— Удручает, — говорит она мне, поправляя бретельки своего лифчика.

Она никогда не была поклонницей выбранной мною песни. По-видимому, блюз является скучным.

— У нее хороший бит, — говорю я, но она права. Конечно это так. Кенди наверняка зарабатывает больше, чем многие здесь, Лола тоже зарабатывает больше меня. Но если я не могу танцевать классику, то, по крайней мере, я выберу то, что хочу слышать.

Она смеется.

— Хороший бит? Ты все еще думаешь, что это о танцах?

Я качаю головой, но улыбаюсь. Она производит на людей впечатление распутной школьницы с косичками. С ее жвачкой и популярными песнями, которые она обожает. Она называет это брендингом.

— О чем же тогда?

— О трахе конечно. — Потом она пошла по коридору, направляясь в раздевалку.

Моя улыбка начинает угасать, когда я смотрю ей вслед. Что может удручать больше, чем трах?

Я прохожу через занавес уже после того, как звучат первые аккорды моей песни. Но этого, кажется, никто не замечает. Кенди говорит о трахе. Как о голом существе на продажу. Не о танцах. Ставлю одну ногу перед другой и раскачиваю бедра все быстрее с каждым шагом. Черный атласный бюстгальтер. Трусики из черной ленты. Это темно и сексуально, но банально. Предпочитаю, чтобы меня не запоминали. Я бы хотела забыть.

Первые мгновения на сцене я всегда ослеплена.

Яркие огни, дым. Стена звука, я почти касаюсь ее пальцами, словно она пытается удержать меня, толкает обратно и защищает от того, что происходит дальше. Я привыкла к

танцам, свисту, успеху и захватам рук настолько, насколько смогла. Но до сих пор не могу привыкнуть к этому моменту — быть ослепленной, чувствовать себя незащищенной.

Тянусь к шесту и, находя его, раскачиваю свое тело вокруг него таким образом, что небольшой клочок ткани на моей попке взлетает вверх, открывая людям, сидящим рядом со сценой, вид на мою задницу. Я до сих пор не могу сделать ничего из-за света. Перед глазами темные пятна.

Улыбка уже давно становится фальшивой. Она — реквизит, как и четырехдюймовые каблучки и крылья, которые с треском падают на сцену.

Сломлены.

Несколько человек хлопают за моей спиной.

Теперь все, что остается на моем теле — это тонкая атласная ткань. Я хватаюсь за шест и с головой погружаюсь в мою рутину, кружась вокруг и соскальзывая, а потом начинаю все заново. Перестаю чувствовать, словно я пробежала марафон. Это лучшая часть — наслаждаться жжением в моих мышцах, скольжением по металлическому шесту, холодного по сравнению с моей кожей. Ритм песни раздражает. Это не балет. Обычная рутина. Что-то цельное, ведь очень немногие вещи в жизни являются прочными.

Я заканчиваю с шестом и начинаю работать на сцене, двигаясь по кругу таким образом, чтобы собрать чаевые. Снова начинаю видеть, едва различая темные силуэты в креслах.

Их немного.

У стены расположился постоянный клиент. Я узнаю его. Чарли. Он подбрасывает пятидолларовую купюру на сцену, и я медленно наклоняюсь, чтобы поднять её. Подмигиваю Чарли за его вклад. Когда я выпрямляюсь, то вижу человека с другой стороны сцены.

Его спина сгорблена, одна нога вытянута, а другая — под его стулом, но я все равно могу сказать, что он расслаблен. Нет напряжения в его длинном теле. Есть сила.

Это заставляет меня нервничать.

Я отворачиваюсь и трясусь своим задом перед противоположной стороной зала даже несмотря на то, что там почти никого нет. Это всего лишь вопрос времени, когда я должна снова встретиться с ним. Но мне не нужно смотреть на него. Он не платит за то, чтобы я смотрела ему в глаза.

Тем не менее я не могу не заметить его кожаные сапоги и куртку. Неужели он ездит на мотоцикле? Похоже, что это грубая кожа. Предназначенная для плохой погоды. Ее не пробьешь обычным ударом кулака.

Песня подходит к концу так же, как и моя работа, но я рада этому. Что-то в этом парне смущает меня. Ничего примечательного. Руки, ноги, понимающая улыбка — это то, в чем они нуждаются. Мышцы помнят, что делать. Но мне не нравится, как он смотрит на меня.

Настойчиво наблюдает за мной. Настойчивость означает ожидание.

Она подразумевает планирование.

Я тянусь назад и расстегиваю свой лифчик. Использую одну руку, чтобы покрыть мою грудь, пока бросаю лифчик вглубь сцены. Я изображаю смущение в течение нескольких секунд, но вдруг мне становится очень неловко. Словно я делаю больше, чем просто показываю свою грудь незнакомым людям. Показываю ему. И пока я стою, прижимая ладони к своей груди, дыхание быстро ускоряется. Его настойчивость ощущается словно жаркое пламя.

На этот раз я слушаю ритм. Снова опускаюсь вниз и освобождаю грудь, обнажая ее в задымленном воздухе и открывая голодным взглядам. Около сцены начинают свистеть.

Чарли держит еще пять долларов. Я раскачиваюсь над ним и выгибаю ногу таким образом, чтобы он мог засунуть купюру в мои трусики. Чувствую его горячее, влажное дыхание на своей груди. Он приближается, но не касается меня. Это Чарли. Он даёт чаевые и следует правилам. Самый лучший клиент.

Я даже не смотрю в противоположную сторону комнаты. Если новый парень и держит чаевые, то мне все равно. Он не похож на парня, который следует правилам. Я не знаю, почему думаю о нем, позволяю ему влиять на меня. Может быть, моя стычка с Блу сделала меня более пугливой, чем обычно.

Все, что мне осталось сделать — это финал у шеста. Я могу пройти через это.

Эта часть танца не настолько тяжелая. И не такая длинная. Все, что мне действительно нужно сделать, это обвить шест, подчеркивая свою обнаженную грудь, и сделать вид, что я трахаю его.

Вот что я делаю, когда чувствую. Ощущаю его.

Я — практичная. Мне приходится такой быть. Но есть то, что я чувствую. Эти покалывания на моей шее отдаются внутри меня, предупреждающие звоночки раздаются в моей голове, когда я рядом с одним из *них*. Рядом с *копом*. Мои глаза сканируют конец зала, но я вижу тени. Есть ли коп среди них и ждет ли он, что кто-то взорвется? Облава планирует дойти до конца?

Мой взгляд падает на парня возле сцены. Он? Он совсем не похож на копа. И не ведет себя как полицейский. Но я не доверяю внешности или чувствам. Все, чему я могу доверять — это сигнал тревоги в моей голове: выбраться, выбраться, выбраться.

Я едва могу втянуть достаточно воздуха. Есть только дым и нарастающая паника. Кровь мчится по венам, ускоряя мои движения. *Коп*. Я чувствую, это словно какое-то шестое чувство.

Возможно, он ощущает, что я интуитивно чувствую его. И наклоняется вперед в своем кресле.

В один момент сердце замирает, а наши взгляды встречаются. Я могу видеть его лицо. *Красивая*.

Читаю по его губам. Всё, что я слышу, это музыка.

Больше не слышу свою песню, но это не имеет значения. Это неважно, потому что здесь полицейский, и мне надо выбираться. Даже если моя интуиция ошибается, лучше уйти.

Так безопаснее.

Но я никогда не буду в безопасности.

Мое последнее движение в танце должно быть сексуальным и дерзким. Как бы я сделала, завершая балетное выступление, но получается вульгарно. Оно едва удаётся мне в этот раз. Получается грубый рывок головы и плеч. Потом убегаю со сцены вниз по коридору. Я должна работать на соседнем этаже, наблюдая за тем, кто хочет приватный танец или выпить, но не могу этого сделать. Направляюсь в раздевалку и одеваю футболку, спортивные штаны. Я скажу им, что мне становится плохо и необходимо уйти пораньше. Они будут недовольны, и мне, вероятно, придется заплатить за это и отдать часть моих чаевых, но вряд ли им захочется, чтобы меня вырвало на клиентов.

Я бегу к двери и почти врезаюсь в Блу.

Он снова стоит в коридоре. На этот раз даже не двигаясь. В его взгляде заметна дополнительная настороженность. И что-то еще — веселье.

— Куда собралась? — спрашивает он.

— Я...у меня болит живот. Мне нехорошо. — Я прохожу мимо и молюсь, чтобы он не двигался.

Блу дотрагивается до следа на моей щеке.

— О, мне вызвать врача? — его рука притягивает меня за плечо. — Я не хочу, чтобы случилось что-то плохое.

Прижимаю свою сумку как можно ближе к груди. Стараюсь не обращать внимания на скрытую угрозу в его словах и движениях. Я действительно чувствую себя больной, но бросаться на него, безусловно, не стоит.

— Пожалуйста, мне нужно идти. Я не шучу. Сделаю это позже.

Он понимает, о чем я говорю. Что именно я сделаю лично для него. Я в таком отчаянии, что даю ему свое обещание. В таком отчаянии, что готова пообещать ему все, что угодно. Блу достаточно долго преследовал меня, поэтому я знаю, что это достойный приз. Уверена, что он достаточно унизит меня, но я в глубоком отчаянии.

— Пожалуйста, дай мне уйти. — Голос дрожит, и мне даже больно произносить слова. Он чувствует, насколько сильно напряжено мое тело, словно я собираюсь согнуть стальную балку. Понимает, что что-то давит на меня.

Сожаление вспыхивает на его лице. Или из-за моего отказа, или от того, что он вынужден унизить меня. Но на этот раз он не отпускает меня.

— Про тебя спрашивает клиент. Он хочет приватный танец.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В то время, когда туристов было больше, чем торговцев наркотиками, «Гранд» был театром. Тогда вы могли спокойно прогуливаться, и вас бы не ограбили. В театре ставили спектакли, балет и одно небезызвестное магическое шоу, в котором мужчина погиб от неисправного бутафорского пистолета. За годы существования шоу посетителей становилось всё меньше и меньше. И эта часть города опустела. Попытки оживить театр так и не удались, потому что достойные и состоятельные люди, которые могли и хотели потратить деньги на билеты, уже не хотели ходить по этим улицам.

Сейчас здание является бледной оболочкой былой славы — выцветшие обои и декоративные металлические вставки с облезлой золотой краской. Темный, прокуренный этаж заполнен столами и стульями. В глубине есть балкон, но он закрыт для посетителей.

Комнаты для приватных танцев располагаются на том месте, где раньше продавались билеты.

Там нет дверей. И стен. Переднее стекло перегородки разбито, и только бархатные шторы на латунных стержнях прикрывают их.

Первую комнату занимает Лола. Вспышка красной ткани и длинная грива волос между занавеской говорит мне о многом. Я узнаю ее позы на полу и мягкие стоны, за которые клиент платит больше, чем за танец.

Вторая комната пуста.

Третья комната располагается дальше всех от основного зала. Самая темная. Различима только тень человека, сидящего в кресле. Я всего лишь хочу убраться отсюда, но Блу стоит позади и толкает меня, и единственный способ получить пространство — это войти внутрь.

Я проскальзываю мимо тяжелой бархатной шторы и жду, когда же мои глаза начнут

привыкать и адаптироваться. Еще до того момента, как они полностью привыкают, я уже знаю, что это будет он. Не Чарли, такой безопасный и соблюдающий правила. Другой человек. Новый. Некто со странной напряженностью во взгляде.

Ранее я видела только очертания его куртки. И ботинки, образующие ту же позу: одна нога согнута, а другая под стулом. Он непринужденно сидит на неудобном деревянном стуле. И наблюдает за мной. Конечно, он делает это. Это то, за что он платит.

— Что это будет? — спрашиваю я.

— А что в меню? — он отвечает, и я знаю, что это означает. Дополнительные услуги. То же самое, что сейчас делает Лола. Больше, чем просто танец. Он выглядывает из тени с вызовом, словно Чеширский кот, улыбаясь глазами и губами. Ему не хватает только фиолетовых полосок.

И если он действительно полицейский, то может арестовать меня только за то, что я должна ему предложить. Копы обязаны совершать внеплановые выезды в свободное время. Но я уже знаю, что полицейские не делают то, что должны. Очень хорошо это знаю.

Я уже прячусь от одного.

— Танец, конечно. — Согласно прайсу я работаю пятнадцать или тридцать минут. Никому не нужно больше. Они либо идут в ванную дрочить, либо кончают в свои штаны.

— А если я хочу большего?

Теперь, когда мои глаза привыкли, и я стою ближе к нему, то замечаю татуировки у основания его шеи и на запястьях. Они, вероятно, захватывают его руки и грудь. На ладонях также видны чернила, но я не могу разобрать, что же изображено.

Его черная рубашка достаточно тесная, и я вижу его фигуру: широкую грудь и плоский пресс. Под рубашкой есть цепь или украшение. Я могу видеть только силуэт, но это заставляет меня хотеть потянуть за ткань и выяснить, что же там скрыто.

Он носит его как вторую кожу, словно это броня, а он — Боец. Я не могу представить, что он ходит в полицейский участок в синей рубашке. Он не коп. Но то чувство, которое возникло на сцене, вновь появляется. Я ощущаю, что его интерес с сексуальным подтекстом. Чувствую его подозрительность. Инстинкты говорят мне, что он находится здесь для чего-то большего, чем приватный танец. Я не могу позволить себе не прислушиваться к ним.

— Большого не будет, — категорически заявляю я.

Он фыркает, явно недовольный. Но не похоже, что он собирается форсировать события или жаловаться Блу.

— Тогда танец.

Право. Вот почему я здесь. Это не разочарование, но появляется тяжесть в животе. От мужчин я не жду ничего, только установленную плату. Начинаю танцевать, медленно двигая бедрами, а руками трогая грудь. Я за миллион миль отсюда. Лежу на спине, глядя на ночное небо и ощущая хрустящую траву под ногами.

Это почти работает, но мне нужно приблизиться к нему. Залезаю на него, расставляю его ноги и встаю между ними, затем подтягиваюсь к спинке кресла и трясую грудью перед его лицом. И когда я делаю это, то чувствую его запах. Он пахнет... не как дым. Не как пот.

Он пахнет как моя мечта: травой, землей и чистым воздухом.

Я застываю над ним, мое тело сжимается, а грудь все еще дрожит от остаточного импульса.

— Что-то не так? — спрашивает он.

И его голос. Боже, такой грубый и низкий. Он, вибрируя, скользит вдоль скрипучего

деревянного стула и бетонного пола по моим ногам. Этот голос перемещается по воздуху и щекочет мою кожу. Мы не соприкасаемся, но я могу ощущать его.

Мне трудно глотать.

— Ничего, сладкий.

— Тогда садись.

Он имеет в виду меня, сидящую на его коленях. Прикосновение. Это противоречит официальным правилам. А неофициально — это одна из самых скучных вещей, которые происходят в этой комнате.

— А что, если я не хочу?

Одно его большое плечо приподнимается, и он тяжело вздыхает.

— Я тебя не заставляю.

Слышу недосказанность, которая повисает в воздухе.

Вероятно, мне следует отказать ему. Коп или нет, но он сбивает меня с толку. Это опасно. А если в здании находится какой-нибудь другой коп, то это еще более рискованно.

Но я по какой-то причине теряю равновесие и падаю на него в неуклюжей позе, он сидит, не двигаясь, пока я сползаю его телу и сажусь на колени, чтобы быть с ним на одном уровне. Руками обхватывает мое тело, и я оказываюсь в ловушке. В любую секунду он может начать лапать меня. Достать свой член и трахнуть меня, как и другие. Это было бы не впервые.

Но он остается сидеть в том же положении, его руки сильные, но нежные. Объятие. Это объятие.

Иисус. Сколько времени прошло с тех пор, как мужчина обнимал меня? Просто так, нигде не прикасаясь, и чтобы его член при этом не был внутри меня? Давно.

Мое горло першит.

— Что дальше? — спрашиваю снова, в этот раз предлагая что-нибудь из меню. Реальное меню — это секс и боль, как и все остальное, что он любит.

— Я бы хотел прикоснуться к тебе, — говорит он, а его дыхание ощущается напротив моего виска.

Знаю, что это не все. Мы даже не договариваемся о цене, но я соглашаюсь спокойно и безропотно.

Смотрю в его глаза и чувствую что-то знакомое. Откуда я его знаю?

Сотни человек приходят сюда. Они для меня ничто, и все же я не могу отделаться от мысли, что запомнила бы его, если бы он пришел в любую другую ночь. Не могу избавиться от чувства, что видела его раньше. Встречалась с ним. Знаю его.

Я должна бояться. И я боюсь, но меня интересует татуировка на тыльной стороне его руки. Что она означает? Но появляются и другие моменты для удивления, особенно когда его рука дотрагивается до меня.

Он не начинает с моей груди или задницы. Не с тех очевидных мест, которые так важны для них. Одной рукой он проводит по шее и вдоль по спине. Сердце интенсивно колотится в груди, почти добровольно разрываясь. Я не могу свободно вздохнуть. Для меня это место неожиданно становится важным и уязвимым. Таким небольшим и всего лишь от одного бережного прикосновения его руки. Как это возможно, что у него такие большие руки?

Он скользит другой рукой по подбородку, приподнимая мое лицо. Смотрит мне в глаза. Я не могу отвести взгляд. Его глаза темные и бездонные, сверкающие, словно далекие звезды.

— Как тебя зовут? — бормочет он.

Хонор.

Почти произношу его, но это не то имя, которое я здесь ношу. Кроме того, мое имя объявляют, когда я выхожу на сцену. А он не похож на того, кто такое забывает, но после своего вопроса сжимает мою шею чуть сильнее, но осторожно, хотя и с легкой угрозой. Может схватить меня в любую секунду. Он знает это. Я знаю это. Блу, который ждет за дверью, тоже знает это, но всё сводится к доверию.

И я ему доверяю.

— Хани, — шепчу я.

Он повторяет моё имя так, словно раньше никогда его не слышал

— Хани.

Мой взгляд опускается на его рот, он жесткий. Суровые мужские губы и щетина, легкой тенью покрывающая его подбородок.

— А тебя?

— Тебе лучше не знать моего имени. — Его губы изгибаются в полуулыбке.

Я верю. Но именно эти слова заставляют меня довериться ему еще больше.

— Мне лучше не сидеть у тебя на коленях.

И не раздеваться для странных мужчин каждую ночь. Я предполагаю, что поезд уже ушёл. Его веки опускаются, выражая что-то вроде благодарности.

— Ты можешь называть меня Кипом. — Должно быть, он видит, что я ему не верю, потому что тихо смеется. — Это мое настоящее имя. Не то, что Хани.

Я вздрагиваю от неожиданного удара, но чего он ожидает? Правду?

Правды нет. Хани не является моим настоящим именем, но меня так называют каждый день, поэтому я чувствую себя все меньше и меньше Хонер Моретти. Становлюсь прозрачной, словно призрак. Иллюзорной. Это то, что скрывается во мне. Ненастоящее имя делает меня невидимой.

Он смягчается, видя выражение моего лица.

— Это сокращенно от Киплинга.

Именно в этих нескольких словах он дает мне что-то. Что-то личное. И реальное. То, что является редкостью в этом клубе. Во всем мире. Это заставляет меня хотеть большего. Я вижу старые кости, повсюду торчащие из земли. Хочу копнуть глубже, чтобы раскрыть больше правды.

— Как и Редьярда Киплинга?

Его брови приподнимаются, хотя он и пытается скрыть это. Но я это замечаю.

— Ты удивлён, что стриптизерша читает стихи? — спрашиваю я.

— Нет.

— Лжец. Хотя я не злюсь. Девушки здесь выживают. Мы карабкаемся на поверхность. Это не оставляет свободного времени для чтения.

— Значит, твои родители были его поклонниками?

— Только моя мать, насколько я знаю. — У него печальная улыбка, по-моему, я обезоружила его. Это доказывает то, что он пришел сюда с оружием.

— Я рад, что Киплинг, а не Редьярд.

Мне нравится этот способ. Более открытый. Менее угрожающий. Это расслабляет меня, и я провожу руками вниз по его груди.

— Ты вырос на рассказах о Маугли и Балу?

— До тех пор, пока я не устал от них, — говорит он. — У меня была большая книга, сейчас такую можно найти только на распродаже старых вещей. Желтая бумага и плетеная веревочка на развороте.

— Это звучит мило. — Мои руки опускаются ниже к твердой плоскости в нижней части его пресса. Стриптизерши часто болтают со своими клиентами. Некоторые из них приходят не только для прикосновений. Они хотят поговорить и пофлиртовать. Использовать нас вместо психотерапевтов, а затем трахнуть. Разговоры заменяют прелюдию.

Внушаю себе, что именно поэтому я и говорю с этим человеком. А не по какой-либо другой причине. Не потому, что я хочу.

— Это продолжалось, — говорит он, — некоторое время. Я был потерян в ней. Хотел уйти жить в джунгли.

— А потом ты вырос и понял, что уже там находишься.

Его улыбка приятная, но хитрая. Ему нравится это.

— Это то, где мы находимся? Джунгли?

— Грунт сделан из бетона, а деревья полны стекла. Но есть и змеи. И охотники.

— Я думал, что это лишь история, — говорит он.

— Это мощный рассказ.

Он о жизни и смерти. О выживании. Есть не так много вещей, которые могут меня запереть в комнате, в основном это чтение. И танцы. Я оказываюсь в другом мире, подальше от той жизни, но по-прежнему остаюсь верной себе. Все еще провожу большую часть времени за чтением и танцами.

И я все еще заперта, но уже по-другому.

Он выглядит слишком любопытным.

— А какая история у тебя? — бормочет он.

— Банальная история. Неблагополучная семья. Я сбежала. Стала стриптизершей. — Пожимаю плечами. Это облегченная версия правды.

Неудовлетворенный моим ответом, он хмурится, и глубокая морщина пролегает между бровей. Это заставляет его выглядеть моложе, а щетина и развязное поведение могут указывать на его размер. Не похоже, что он жалеет меня. Но выглядит загадочно. Словно хочет что-то выяснить.

VIP зал действительно является миниатюрой «Гранда». И его колени — это моя сцена. Я чувствую твердость его бедер под своей задницей. Сажусь с расставленными ногами, держа руки перед собой. Мой подбородок приподнят и полностью открыт дню него. Здесь темно, но освещение спроектировано таким образом, что он может видеть мое тело с близкого расстояния. Но он — исключение, потому что смотрит не на него. Его взгляд направлен на мои глаза, и я почти перестаю дышать из-за дикости, мелькающей в его взгляде.

И мне необходимо переключить это внимание от себя.

— Что же ты хочешь, Кип? Что тебе нравится? — темные ресницы скрывают глаза.

— Я бы хотел узнать твое настоящее имя.

— Это не продается. — Я по-прежнему не понимаю, по какой причине даже задумывалась о том, чтобы сказать ему. Он почти ускользает. И является сывороткой правды для меня, а это опаснее всего.

— Хани...

— Я здесь, потому что ты мне платишь, — я из последних сил пытаюсь его оттолкнуть. Отчаянно пытаюсь скрыть. — Не забывай этого.

Он смотрит на меня, и я вижу то, как его взгляд становится твердым. Замечаю ветви и колючки, растущие между нами, и чувствую шипы там, где они касаются меня. Он не хочет испытывать неприязнь ко мне. Ненавидеть меня. Не знаю почему, но я ощущаю холод и чувство пустоты в своем животе от его взгляда. И я готовлюсь.

— Ты хочешь знать, что мне нравится? — его глаза неторопливо блуждают по моему телу. Затем он смотрит в мои глаза. — Я хочу трахнуть тебя, Хани. Вот чего я хочу.

Мои глаза закрываются. Что это за чувство внутри меня? Облегчение? Отвращение? Чувство благодарности. Он хочет трахаться так же, как и любой другой парень. И находится здесь не для того, чтобы разоблачать мою личность и тащить меня обратно. Он просто хочет кончить.

— Это не продаётся. Я здесь для того, чтобы танцевать и трясти сиськами. Тереться ими об тебя. Вот и все.

Он сужает глаза. Ему не нравится моя грубость. Знает, что это мое оружие, при помощи которого я лишь обороняюсь, и он не пострадает. Но это заставляет его сопротивляться. В нем есть что-то дикое. Если сейчас он оказался бы в джунглях, то нет никакой уверенности, что он будет мальчиком. У него гораздо больше шансов быть пантерой. Опасный. Хищник.

— Руки или рот, выбор за тобой.

— Я же сказала, что нет.

— Эти номера не только для танцев. Я знаю это не хуже тебя.

Да, эти номера не только для танцев, но это не значит, что я готова делать больше. В этом нет необходимости, особенно если мужчина плохо относится ко мне, данное правило ввел для нас Иван. Искаженная форма защиты. Начинаю отстраняться, но его рука сжимает мой затылок. Неподвижно замираю.

— Я не причиню тебе вреда, — тихо произносит он.

Страх бежит по моим венам. Он уже причиняет вред, держа меня здесь, хотя я хочу уйти. — Тогда как ты называешь это? — шепчу я.

— Удерживаю тебя. ненадолго. Это то, для чего ты здесь, не так ли?

Боже. То, что он говорит, звучит вполне разумно. Но это не так. Я знаю. Если бы это был любой другой человек, то я бы вырвалась и убежала из комнаты. Позвала бы Блу. Я уже далека от человека, с которым недавно разговаривала о поэзии и детской мечте, но все еще могу простить ему то, что он делает. Это один и тот же человек, светлый и темный, лепесток и шип.

— Отпусти меня, — произношу я колеблющимся голосом.

— Руками или ртом? — повторяет он.

Я закрываю глаза. Они горят от непролитых слез. Не хочу плакать. Слезы действуют на подобных ему мужчин как красная тряпка на быка. Тем не менее, его руки скользят по моему телу удивительно нежно. От моего пресса и до...

— Что ты делаешь? — я рывком вскакиваю, но его рука удерживает меня за бедро.

Его темные глаза пронзают меня.

— Если ты не можешь решить, то это сделаю я.

— Я не собираюсь сосать у тебя, — говорю я, чувствуя себя маленькой и теряющей контроль над ситуацией.

— Я этого и не предлагаю, — он проводит одной рукой между моих ног. Тыльной стороной кисти скользит по моей киске. — Я хочу трахать тебя пальцами. Играть с клитором, пока ты не кончишь. А, может быть, я буду скользить по твоей киске, пока ты не

будешь плакать так громко, чтобы услышал весь клуб, а? Выбор за тобой, Хани.

Весь воздух выходит из меня. Я не знаю, почему меня это шокирует. То, что он предлагает, менее грязное, чем минет. Но у меня никогда не было мужчины, желающего получить нечто подобное от меня. Обычно они берутся у моей груди, а потом кончают. Я должна отказать ему так, как делала это раньше. Блу меня не поддержит. Но Иван меня защитит.

Но часть меня заинтересована этим предложением.

— Почему?

— Обычные причины. — Веселье мелькает в его глазах

Это сумасшествие, и мой смех сейчас такой же ненормальный.

— Я не собираюсь кончать, ты же это знаешь.

Он обдумывает мои слова и поворачивает руку, обхватывая моё лоно. Не ждет, пока мы обсудим цену. Или моего разрешения. Я позволяю ему. О Боже. Он находит мой клитор и нежно кружит по нему большим пальцем.

Ласкает мозолистыми руками мою киску снова и снова. Медленно. Сосредоточенно. Так, словно изучает меня, помечая моё тело.

— Я хотел прикоснуться к тебе с тех пор, как только впервые увидел тебя на сцене. Я плачу тебе, и мне похуй. Собираюсь трогать пальцами эту красивую пи*ду, пока ты не кончишь в моих руках. Буду продолжать, пока ты не станешь скользкой, и мои джинсы не промокнут от твоих соков, а запах секса не начнет витать в воздухе.

Я смотрю на него в легком шоке, как будто никогда не слышала таких грязных слов или не была свидетелем подобных действий. Словно я не слышала слов, произносимых в таком порядке. Моё тело реагирует, становясь узким и влажным для него. Я думаю, что на самом деле смогу кончить для него.

— Нет. — Шепчу я.

Но его пальцы не прекращают гладить меня. Еще чуть-чуть, и они проскользнут внутрь меня.

— Вот что я жажду ощутить вокруг моего члена. Не руки или рот. Я хочу сок из твоей киски. Когда ты кончишь, я погружу пальцы вглубь твоей влажной, прекрасной киски. Покрою свой член твоими соками, как это было бы, если бы я трахал тебя без защиты.

Представляю себе этот момент: его возбужденный и толстый член, блестящий от моей влажности. Он огромен, как и его большие руки и тело.

В конце концов, меня привлекают не только его пальцы напротив моего клитора. И даже не темный, притягательный блеск в его глазах. Меня влечет чистый, древесный аромат, исходящий от него. Я прислоняюсь ближе к нему, утыкаюсь носом в его шею и, глубоко вдыхая, кончаю.

Остаюсь на месте, прижимаясь к нему и находя утешение в его твердом теле. Он является горой, а я — тенью, которая заполняет каждый уголок пещеры.

Реальность возвращается ко мне вместе со смущением. И путаницей. Я никогда не кончала в этой комнате. В этом здании. Не позволяла ни одному человеку делать это так медленно, обходиться настолько бережно, а рукам так нежно блуждать по моему телу. Боже, я даже не мастурбирую в этом стриптиз-клубе, месте, в котором прячусь.

Я скрываюсь в нем и сейчас.

Как ему удастся делать это со мной? Еще час назад я никогда не видела этого человека, даже не думала о том, что могу возбудиться в этой омерзительной комнате. Грубая, слегка

заросшая щетиной кожа не кажется мне успокаивающей до этого момента. Он меняет меня, учит желать большего, чем просто выжить.

Опасность.

— Хорошо? — спрашивает он грубым голосом.

Возможно, он и может сказать, что я эмоциональна. Но если думает, что я чувствую себя мертвой изнутри только для того, чтобы иметь возможность выполнять свою работу, то он ошибается. Лола очень сильная, и она делает работу, ничего не чувствуя. Кенди так же делает это, хотя ей и нужны наркотики, чтобы управлять собой. Но я не считаю себя бесчувственной. Помню все — каждое оскорбление и прикосновение. Каждый член. Теперь я запоминаю и его член тоже.

Это не самое страшное.

— Как ты хочешь? — мой голос дрожит, но его это не останавливает.

Пальцы лежат на моей киске неподвижно, и это позволяет мне прийти в себя. Он погружает свой палец в меня, там, где я все еще чувствительная и влажная. Затем поднимает руку к моему рту. Одно прикосновение, и образ моего возбуждения на губах уже разогревает все нервные окончания. Его голова опускается, и я знаю, что будет дальше. Но не отворачиваю лицо. И не говорю ему, что поцелуи не продаются.

Даю попробовать ему свои губы. Он слизывает мою влажность медленным движением языка, которое заставляет меня задыхаться. В полной мере использует мои губы. Его язык толкается внутрь, раскрывая меня. Рука на моём затылке остается единственным якорем в тот момент, когда его губы накрывают мои.

Этого слишком много. Слишком интенсивно.

— Как ты хочешь? — в этот раз я требую. Мне нужно знать. Потому что мне просто необходимо остановить эту странную близость, которая усиливается с каждым произнесенным словом и нежным прикосновением.

— Чего ты боишься, милая?

Мои глаза расширяются. Откуда он знает?

Может быть, он не настолько проницателен. Возможно, все мужчины, приходящие сюда, видят мой ужас, но это их не заботит до тех пор, пока я заставляю их члены стоять.

— Как ты хочешь меня? — мой голос охрип в мольбе. — Это всё, что я могу дать. Возьми это.

Его челюсть напрягается.

— Я хочу тебя такой. Открытым угощением. Которое ждет меня, чтобы я мог делать все, что захочу.

Его рука снова проникает в мою киску, и я чувствую облегчение. Но и разочарование. Мне больно от того, что он перестал меня целовать, потому что мне нравятся его поцелуи. Но я знаю, что, скорее всего, это больше никогда не повторится. Не сегодня. Никогда. Но это к лучшему. Я не должна к этому привыкать.

Он собирает еще больше влаги из моей киски и наносит ее сначала на один сосок, а затем и на другой. Я дрожу под его прикосновениями. На самом деле меня просто трясет. Потому что я знаю — дальше произойдет то же самое, что он ранее проделал с моим ртом.

Притягивая меня таким образом, что моя грудь оказывается перед его лицом. Он слизывает влагу с моего соска и продолжает его посасывать, я начинаю стонать. Затем он таким же образом лечит другую грудь.

Не могу ничего сказать. Не могу требовать ответа, как же он меня хочет. Затем он еще

раз проникает в меня пальцами, очень глубоко, и словно вытягивает всю влагу, которую только может найти. Я сжимаюсь вокруг его пальцев и слышу его частое дыхание.

Он не размазывает возбуждение по моему телу, не в этот раз. Медленно он вытаскивает член из штанов. Такой же твёрдый, как я себе и представляю. И большой. С капелькой смазки на конце. Он работает кулаком по всей его длине, словно смешивая моё возбуждение со своей влагой, выступившей на члене.

Я не могу ничего сказать, но мне надо. Как он хочет меня? Я знаю ответ на этот вопрос, поэтому сползаю на пол. Он холодный, пыльный и влажный одновременно, неудобный для моих коленей. Здесь более комфортно. Безопасно. Потому что это для продажи. Секс — это поле боя, и этот бетонный пол удерживает мою оборону.

— Как тебя зовут? — его голос низкий и отчаявшийся. Но это не может быть правдой. Ему ничего не надо от меня. Он мог бы пойти в бар. С его волевой челюстью и накаченным телом у него большой выбор. Любая девушка прыгнула бы на его байк, и я подозреваю, что так уже бывало. И все же он здесь.

Может заплатить за мой рот. Он даже может оплатить мои оргазмы. Но не получит моего имени.

— Хани.

Он смеётся немного грубо и с горечью. Но его глаза все понимают. Они мягкие и нежные, когда смотрят на меня сверху вниз.

— Милая маленькая лгунья.

Но когда я наклоняюсь, чтобы взять его член в рот, он отталкивает меня. Хватает его, ни хера себе, на нем до сих пор пятна моей смазки. Он объезжает себя быстро и жестко, словно наказывая.

В отличие от меня, с собой он торопится. Самостоятельно стремится к финишной линии, руки и бедра находятся в состоянии войны, но он напрягается и кончает, изливаясь в свою руку, а я просто стою перед ним на коленях и смотрю.

Он падает на стул, по-настоящему расслабляясь. Не напряженным и настороженным. Он не такой, каким я ощущала его ранее. Теперь он становится животным в состоянии покоя, львом, развалившимся на скале и купающимся в солнечных лучах, только в этом случае камень — это скрипучий деревянный стул, накренившийся под его весом. Даже если солнце — это мерцание ламп дневного света. Это первобытно.

Но все равно красиво.

Его глаза закрыты. Голова откинута назад.

И почему-то именно сейчас я сейчас хочу назвать ему своё имя. Беззвучно, одними губами произношу его, но он не может этого видеть. Не знаю, почему я никогда не скажу ему... Не хочу, чтобы кроме него меня увидел еще кто-нибудь. Чтобы меня узнали. Из-за этого я не должна чувствовать себя одиноко.

Но он не знает меня. Он здесь не для того, чтобы меня спасти.

Настороженно вздыхает. Он насыщен...и благодарен.

— Иди сюда, — говорит он.

И прежде, чем я успеваю выполнить его просьбу, он поднимает меня к себе на колени. Расставляет мои ноги в стороны и целует меня, наши языки медленно и томно соприкасаются.

Я отталкиваюсь от него и отступаю назад. Пока не могу поймать баланс, но это не важно. Раскрываю бархатный занавес, собираясь бежать. Он не заплатил, но мне плевать.

— Какого черта? — спрашивает Блу, хватая меня за руку.

Но я вырываюсь на свободу и бегу. Мне безразлично, что же происходит позади. Мне наплевать на Кипа и на то, что я больше никогда его не увижу.

Лучше, если я откажусь сейчас.

Читаю дневник своей матери, который она написала до своего ухода. Так я узнала о ее романе с охранниками. Больше, чем с одним, хотя один из них и был тем человеком, который её убил. Она думала, что любит его.

И собиралась оставить отца.

В этом дневнике я увидела ее билет в Тэнглвуд, Западная Вирджиния. И два слова, нацарапанные на билете — «Гранд». Я никогда не слышала о нем раньше, но именно он стал своего рода Полярной звездой для меня. Будучи подростком, я должна была остаться со своей семьей.

Я знала, куда должна идти, когда сбежала.

Но я не знала, что это был стрип-клуб до того момента, пока не приехала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Незнакомка смотрит на меня из зеркала.

Черные стринги и красная помада. Это мой костюм, но иногда кажется, что он мне не нужен. Я прячусь уже достаточно долго, поэтому теперь это кажется самым обычным делом. Мои зеленые глаза, черные волосы и бледная кожа — тоже костюм. Использую их, чтобы замаскироваться, и когда я раздеваюсь, то превращаюсь в очередной комплект, состоящий из сисек и задницы. Насколько глубоко впитается в меня этот костюм?

Но есть ли что-нибудь под ним?

Я больше не уверена.

Лола пересекает комнату, приближаясь ко мне. Я наблюдаю за ее отражением в зеркале, она присаживается на мой туалетный столик. На ней какой-то красный кожаный лиф на ремешке, который открывает больше кожи, чем скрывает. Выглядит сексуально и почти дико.

— Что случилось? — спрашивает она.

Я моргаю.

— Что ты имеешь в виду?

— Не прикидывайся дурой. Это прерогатива Кенди. Я знаю, что тебя что-то беспокоит. И знаю, что вчера ты рано ушла. Какой-то парень решил пофлиртовать?

Да, какой-то парень решил позаигрывать. Но такое происходит не в первый раз, и раньше это не оказывало на меня такого влияния. И хорошо, что она не знает, что произошло. Скорее всего, Блу забрал деньги и извинился за меня. Теперь я перед ним в долгу.

— Мне нездоровилось.

На ее лице появляется понимание и сочувствие. От ее сочувствия становится больнее всего.

— Если захочешь поговорить об этом...

Я не хочу говорить о Кипе и о том, как странно то, что он заставляет меня чувствовать. Лола даже не знает причины моего нахождения здесь, кто я и от чего бегу. Хочу сохранить

это и в дальнейшем. Она не знает моих секретов.

— Где Кенди? — спрашиваю я вместо ответа.

— *Если ты захочешь поговорить об этом,* — строго произносит она, — то я здесь. Предложение остается в силе. И вокруг что-то происходит, потому что Кенди сегодня не появилась.

Но мы с Лолой знаем, что это не из-за болезни.

— Она звонила?

— Нет, но ты же знаешь Кенди.

Я действительно знаю Кенди. Не секрет, что она иногда идет домой с парнями, которые обещают ей хорошо провести время, даже если Иван против этого. Знаю, что для Кенди «хорошо провести время» означает алкоголь или наркотики, или то и другое вместе. Это опасная игра, в которую она играет, но я не могу ее судить. Просто беспокоюсь.

— Может быть, мы сможем захватить к ней после смены.

Лола фыркает.

— И попасть под раздачу в этой гребаной мышеловке, в которой она живет? Нет, спасибо. Лучше пусть на меня нападут здесь. По крайней мере, здесь мне платят.

Все девушки живут в дрянных местах, но Кэнди — в самом худшем из них. Часть потолка в коридоре отвалилась, и на лестницах всегда сидят какие-то ребята. Это больше похоже на заброшенное здание, которое используют скваттеры. (прим. пер.: скваттеры — лица, незаконно заселившиеся в помещение).

Я даже не могу поверить, что она еще и платит за это.

— Если она не появится завтра, то мы сходим.

— Лучше бы она показалась завтра. Иван уже злится.

Черт, черт, черт.

Тугой узел страха затягивается в моем животе. Иван — наш босс, и второй самый страшный человек из тех, с кем я когда-либо сталкивалась. Возможно, Блу не настучал на меня. Иван не часто бывает здесь, поэтому странно, что он появляется после того, как я ушла пораньше, поведя себя странно с клиентом, и убежала, не забрав деньги. Но даже, если причина его прихода не во мне, я все равно могу попасть в беду. Сейчас он здесь.

Я напряглась в ожидании. Может, у него есть информация для меня.

— Иван здесь?

— Только что говорила с ним в его кабинете, — Лола подмигивает мне, — о, разве я не сказала? Он хочет тебя видеть.

* * *

Если в клубе «Гранд» темно, как в грязном аквариуме, то офис в подвале напоминает черное морское дно. Он находится так низко, что дневной свет туда просто не попадает. Перила помогают мне не скатиться вниз по лестнице. Я добираюсь до небольшой лестничной площадки, стучу в дверь и жду.

На стене висит картина с изображением «Гранда». Когда-то кирпичная кладка была более глубокого, потрясающе красного цвета. По непонятной для меня причине картина остается яркой, даже будучи погребенной в этом подвале. Но кирпич, из которого сделано здание, выцвел. Он потемнел и напоминает высохшую кровь. Руины — это все, что осталось от здания.

Проходит минута прежде, чем я слышу голос Ивана.

— Входи.

Когда я открываю дверь, то вижу полную противоположность тому, что находится за дверью кабинета. Здесь нет прожекторов, которые ослепляют меня. Лишь тусклое спокойствие, через которое мне предстоит пробраться. Ремонт в помещении не закончен. Здесь по-прежнему виден бетонный пол и открытые вентиляционные люки в потолке. Я бы не удивилась, если бы нашла человека, прикованного цепями в углу. Темница.

Здесь никогда не было цепей. Зато есть мое разбушевавшееся воображение.

Или хорошее воспоминание другого места и другого времени.

— Мистер Коста, — начинаю я.

— Садись, — произносит он, не отрывая взгляда от бумаг, лежащих перед ним.

Не уверена, что такая маленькая лампа может давать достаточно света для того, чтобы разглядеть бумаги, которые он читает. Затем его взгляд устремляется на меня, и приходит понимание. Его голубые глаза, похожие на прожекторы, заставляют меня чувствовать себя разоблаченной.

— Как ты, Хани?

Пытаюсь унять дрожь.

Наша первая встреча произошла из-за того, что я пришла к нему за одолжением. Мне нужна была информация. Почему моя мать планировала приехать сюда? Что ожидало ее здесь? Небольшая часть меня надеялась на то, что она здесь, что мама спаслась каким-то способом.

Иван заставил меня танцевать для него.

Он смотрел на меня бесстрастно. Твердость в его брюках говорила о том, что ему нравилось то, что он видел, но его глаза оставались равнодушными. Он никак не прокомментировал мой вид, не сделал даже попытки прикоснуться ко мне. Вместо этого он высказал пожелание, чтобы я работала в его клубе. Только танцевала. Ни с кем не трахалась. А взамен он будет искать нужную мне информацию. В этом городе у него были самые лучшие связи с нужными людьми.

Он назвал меня Хани. Это имя было похоже на мое собственное, но в действительности означало совершенно противоположное.

Я ненавижу это имя и думаю, что он об этом знает. Это как удар молотка по гвоздю. Каждый раз, когда я слышу его, гвоздь вонзается все глубже и глубже в дерево, причиняя боль.

Думаю, он знает и это.

— Хорошо, сэр, — произношу я.

Он одаривает меня слабой улыбкой.

— Так уважительно. Ты со всеми так любезна?

Да. Я всегда была хорошей девочкой.

— Я не знаю.

Помню, как избегала взгляда Блу. Вспоминаю, как стояла на коленях перед Кипом. Это выглядит уважительно, но в основном мне страшно. Возможно, это одно и то же.

— Ты знаешь, зачем я позвал тебя?

С надеждой я качаю головой.

— Вы нашли что-нибудь?

— Да, — он откидывается на спинку стула и закидывает ногу на ногу. — Но это не

единственная причина, по которой ты здесь. Кое-кто спрашивал о тебе.

Мое горло сжимается настолько сильно, что практически перекрывает поступление воздуха. Уже слышу металлический скрип ворот, запирающих меня там, где я сейчас нахожусь. Он знает больше, чем нужно, а это небезопасно. Но я должна все рассказать ему, чтобы остаться здесь. Мне пришлось открыть ему всю правду для того, чтобы получить нужную информацию. Для того, чтобы обезопасить мою сестру.

Клара.

Если он сказал кому-то еще, то я в полной заднице. Так же, как и она.

— Кто? Когда? Что ты им сказал? — мои слова получаются мягкими, словно дрожащее дыхание. Это все, на что я сейчас способна. Лишь считать свои вдохи и смотреть опасности прямо в глаза.

— Я сказал им, что ты одна из моих девочек, — один из уголков его рта дрогнул. — Сказал, что ты ценна для меня. И надежна. Не так ли?

Сейчас я могу думать лишь об очередном побеге. Но это полная противоположность надежности.

— Да.

Он тихо посмеивается.

— Ты славная. *Хорошая* девушка. И всегда делала то, что мне было нужно. Я хочу вознаградить тебя за хорошее поведение.

Имеет ли он в виду информацию? Защиту? Я здесь из-за первого. Но второе... Боже нам необходима защита. Не могу себе представить, что он обеспечит ее. Неважно, сколько я зарабатываю на сцене, ему ничего не стоит использовать свои силы для моей защиты. Нет, я не могу полагаться на Ивана.

Нас нашли. Мы в опасности.

Мой мозг уже сопоставляет маршруты, по которым мы можем убраться из города. Куда мне идти дальше? Как можно дальше. Вот и ответ.

Так далеко, насколько деньги, заработанные стриптизом, позволят мне это сделать.

Иван выглядит задумчивым.

— Ты здесь в безопасности. Его зовут Кип. И я думаю... — он улыбается, — я думаю, что он хочет трахнуть тебя.

Меня накрывает волной облегчения настолько жаркой и мощной, что я чувствую головокружение. Даже не могу злиться на Ивана за то, что он дразнит меня этим. Это не Байрон. Не мой отец. Просто парень, заинтересованный в стриптизерше — ничего особенного.

— Я танцевала для него.

Глаза Ивана сужаются.

— Интересно. На самом деле, я нашел кое-что, способное заинтересовать тебя. В моих собственных записях. Я выяснил, что тот, о ком ты спрашивала ранее, здесь работал. Охранником. Это было до того, как я купил это место. По моим данным он постоянно трахал всех девушек из своего окружения.

Я содрогаюсь. Это человек, в которого была влюблена моя мать.

— Когда он перестал здесь работать?

Иван ищет дату в бумагах на столе.

Полагаю, что его уволили, и он начал искать работу в другом месте. Мог работать с отцом в другом штате. Он влюбился в мою мать или, по крайней мере, сделал вид. Он

вынашивал план, чтобы украсть драгоценности. И никогда не смог бы проверить это в одиночку. Моя мама помогла ему.

Дело своих же рук.

Через несколько дней отец сказал мне, что она попала в автомобильную аварию, хотя ей не разрешали покидать особняк, как и мне. И, конечно же, не позволяли водить машину самой. Это было явной ложью, но что он скрывал? Ее убийство? Или побег?

Человек, у которого была гордость, мог сказать это для того, чтобы сохранить свою репутацию. А я здесь только из-за надежды. Может быть, она действительно использовала этот билет, чтобы уехать из Лас-Вегаса. Возможно, она все еще жива. Существует возможность того, что она живет со своим любовником в симпатичном домике с запасными спальнями для меня и Клары.

Хорошо, последняя часть — это фантазия. Но что-то есть в этом городе. Драгоценности? Правда? Мне необходимо узнать, сделала ли это моя мать. Выяснить, что же с ней случилось.

— А мама?

Он качает головой.

Нет. Еще нет.

Если я хочу, чтобы он продолжал поиски, мне нужно продолжать танцевать стриптиз.

— Теперь я могу идти? — шепчу я. Знаю, что это слабость. Если бы я была сильнее, то смогла блефовать. И притворилась бы, что мне было наплевать, а затем я ушла бы, взмахнув волосами так, как это делает Кенди.

Я не блефую. Не умею. Все мое тело говорит о напряжении и страхе.

— Зачем мне тебя удерживать? — вопрос лишен невинности. Он не означает, что *«я не удерживаю женщину против воли»*. Он значит, что *«ты для меня — ценна, и я могу тебя использовать»*. Его повседневный тон, словно кусок сыра в мышеловке, чтобы заманить меня внутрь. Я — мышшь в логове льва. Он играет со мной. И лишь вопрос времени, когда он набросится на меня. Но если я выйду из пещеры, то откажусь от возможности обезопасить Клару.

В конце концов, мы нашли бы способ, но у нас нет козырей для борьбы с моим отцом.

Моя грудь сжимается.

— Я делаю то, о чем ты просишь меня. Танцую.

Черт.

В этом он похож на Байрона. На моего отца. Они хотят мое тело. Желают пустые глаза и слабую плотскую улыбку. Они хотят куклу.

Он кивает, принимая мое послушание так, как будто это нечто само собой разумеющееся.

— Я продолжу искать информацию о твоей матери. Но хочу, чтобы ты держалась подальше от Кипа.

Что? Я молча смотрю. Довольно скверно танцевать для людей по щелчку пальцев. Сейчас мне стоит остановиться. Здесь происходит что-то серьезное. Он знает о Кипе, но не любит его? Почему? Иван, кажется, боится. А ведь здесь он самый опасный человек.

Но кто же тогда Кип?

На лице Ивана хищная улыбка.

— Интересно, что он вообще здесь делал, но, судя по всему, ты не промах. Я знал это, когда увидел тебя впервые. Ты была чересчур худой и пришла, нуждаясь в работе. Безусловно

знаешь, как обходиться с жесткими клиентами, не так ли, Хонор?

Я содрогаюсь больше от того, что он использует мое настоящее имя в отличие от остальных.

Не могу отрицать, что находилась в отчаянии. Я бы сделала что угодно для этой работы, но Иван никогда не трахал меня и не прикасался ко мне. Он никогда не наблюдает за моими танцами, кроме первого просмотра, на котором я танцевала для него. В этом отношении мне повезло очутиться здесь. Я могу сказать, когда мужчина оценивает. И если необходимо использовать это, чтобы остаться на ногах, то сделаю это. Если я должна использовать его, чтобы спасти Клару, то пусть так и будет.

В конце концов, это то, что я делаю все это время.

— Я все сделаю, — хотя у меня нет уверенности в том, о чем именно говорю. Об ответах? Об укрытии?

Но он, кажется, знает. Его брови поднимаются.

— Как насчет того чтобы отдать мне свою сестру? — сердце пропускает удар. — Нет? Я так не думаю.

Мне трудно глотать. В действительности ему не нужна моя сестра. Он отчаянно хочет меня.

И он получит.

Я могу сделать это. Разве не тоже самое я сделала прошлой ночью? Но когда я встаю, все совсем по-другому. Потому что я делала это с Кипом потому, что хотела его. Вне зависимости от того, что я говорю себе, чувство страха за закрытой дверью отсутствовало. Во всяком случае, я не боялась его. Чувствовалось лишь желание, и это было страшнее всего.

Сейчас я не чувствую желаний, но знаю, как двигать бедрами, встать на колени и скользнуть рукой по его бедру. Он раздвигает ноги, предоставляя доступ, но мне необходимо больше одобрения, прежде чем я продолжу. Переступить границы с таким человеком как он может быть смертельно опасно.

— Позволь мне, — я шепчу.

Позволь мне коснуться его. Отсосать ему.

Отпусти меня.

Он ловит мой подбородок большим и указательным пальцами, заставляя меня смотреть ему в глаза. Так же, как и Кип прошлой ночью. Но темные глаза Кипа были голодными, теплыми и обеспокоенными.

Иван смотрит с любопытством, как животное во время случки, и это неприятно.

— Если ты отсосешь мне, то что тогда? Выйдешь за эту дверь, и я потеряю одну из лучших своих танцовщиц.

Я вздрогнула, не в силах отрицать истину.

Если сейчас он позволит мне уйти, то я сделаю это. Убегу, как и всегда. Но я понимаю, что он не позволит мне этого. Мой желудок переворачивается.

Иван улыбается.

— Я хочу кое-что гораздо более ценное, чем минет, Хонор. Хочу тебя. Здесь. И на моих условиях. Поэтому не беспокойся о побеге. Я всегда найду тебя. Если только человек, от которого ты бежишь, не найдет тебя раньше.

Встаю, чтобы уйти. Я готова сбежать, если это понадобится. И боролась бы, если бы он заставил меня. Но Иван откидывается на спинку стула, и, по-видимому, это означает то, что он пока отпускает меня. Я спешу к двери.

— О, и Хани?

Останавливаюсь, чувствуя себя малышкой. Он это знает. И нарочно это делает.

— Мы с Кипом знакомы с давних пор. Давай просто скажем, что он не тот человек, с которым тебе бы хотелось трахаться.

О, а с тобой я бы хотела?

Но я лишь кратко киваю, подтверждая его правоту.

— Держись подальше от него, — произносит он.

Это не совет. Это приказ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Представляю себя в автобусе, едущем куда-то далеко. Но стоит мне уйти, Иван сразу же найдет меня. И в процессе поисков не успокоится, пока все не узнают, где меня найти. Я нахожусь в точно такой же ловушке, как и в тот момент, когда уходила из дома. Если останусь здесь и склоню голову, то заработаю больше денег и еще в течение какого-то времени останусь в безопасности... А может и выясню, что же случилось с моей матерью. Разве она не заслуживает правды? И покоя?

Клара заслуживает, это точно. Находка этих драгоценных камней означает покой. Это долгая пытка, но таким образом можно остаться в живых. Выживание — долгосрочная пытка, особенно когда на тебя охотятся опасные люди. И управляют тобой.

Иван приказал мне держаться подальше от Кипа, но я почему-то стою перед бархатным занавесом. Даже надела сегодня свой «боевой комплект». В него входит кружевной черный лифчик и трусики, которые просто умоляют, чтобы их сорвали перед каким-нибудь запыхавшимся парнем в темном углу VIP-зала. Я нервничаю так, словно меня сейчас стошнит. Это не боязнь сцены. Наоборот. Могу танцевать в комнате, заполненной мужчинами. Но лишь одна мысль о том, что я буду находиться с ним наедине в одном тесном пространстве, заставляет мое сердце колотиться.

Оглядываюсь и замечаю, что Блу занят парнем, который был резок с Лолой и слишком приблизился к ней. Я могла бы подождать, пока он закончит, и сказать ему, что Иван запретил видеться с Кипом. Блу не послушался бы подобного приказа. Но на каком-то подсознательном уровне я не хочу, чтобы он вмешивался. Не хочу слушаться Ивана.

А хочу зайти внутрь.

Мои ладони горят. Я знаю, что он будет сидеть, развалившись на стуле и вытянув одну ногу вперед, а вторую согнув и убрав под стул. Знаю, что Кип будет одет в потертые сапоги и кожаную куртку. И уверена в том, как он будет пахнуть — мускусом и опасностью, как соль и специи.

Я появляюсь из-за занавеса, и ухмылка медленно расползается по его лицу. Она напоминает улыбку на первом свидании, одновременно благодарную и немного удивленную. Это свидание должно пройти не в мрачном и сыром VIP-номере, но мое сердце все равно трепещет.

Черт. В этот раз я решаю сделать по-другому.

— Эй, сладкий, — произношу я спокойным и уверенным голосом явную ложь, — рада тебя видеть.

Ему не нужно знать, что мне на самом деле приятно снова видеть его. Или то, что я

считаю его сексуальным.

Улыбка немного блекнет. По-видимому, соблазнительная игра — не то, чего он ожидал. Последний раз я была неуклюжей и неловкой и, что хуже всего, реальной. Но не повторю эту ошибку дважды.

Он изучает меня, словно головоломку. Мне хочется сказать: «*Я самое простое из того, что ты когда-либо видел. И боюсь*». Но вместо этого на моем лице появляется улыбка. Скромная и не настоящая, но этого достаточно. Точно знаю, как при помощи моего макияжа она выглядит в зеркале. Я отдаю ему свое тело на час.

— Что же будет сегодня вечером, сладкий? — спрашиваю я.

Небольшая складка образуется между его бровей. Мои пальцы дергаются. Хочу разглядеть ее. И после этого я бы провела кончиками пальцев над этими густыми бровями, а затем опустила бы вниз по его покрытой щетиной щеке. У меня гладкая кожа, потому что я брею и выщипываю волосы на своем теле. Но его волосы — он весь покрыт этой хренью. Выглядит мягким и грубым, привлекательным и запретным.

— Мы можем поговорить? — спрашивает он тихо.

Это то, чего я боялась. Любезность. Любопытство. Не жди ничего хорошего, когда клиент этого просит. Не происходит ничего хорошего, когда кто-либо этого хочет.

— Мы говорим прямо сейчас, сладкий.

— Иди сюда.

Он вытягивает ногу, давая понять, что хочет меня на своих коленях. Помню эти колени, сильные и горячие бедра подо мной. На этих коленях я получила оргазм.

Не могу так рисковать. Вместо этого скольжу на пол с соблазнительной улыбкой и смотрю на него снизу вверх. Моя грудь покачивается, когда я ползу к нему в небольшом пространстве. Двигаюсь как кошка, которая успевает потереться о него, прежде чем ее пнут. Его взгляд блуждает по моему телу, задерживаясь на каждой части и не в силах выбрать, где остановиться. Он любит мою грудь и живот, задницу и ноги.

Затем он смотрит на лицо, встречаясь взглядом со своей добычей.

— Я сказал, иди сюда.

Он не позволит мне уйти ни с чем. Я ощущаю невидимый поводок вокруг моей шеи. Чувствую, как он тянет за него. И скольжу между его ног. Достаточно близко к его коленям, чтобы притвориться невинной. Может быть, это то, что он имеет в виду. Я исполняю приватные танцы всю ночь напролет, и очень немногие мужчины откажутся от минета, когда я стою на коленях между их ног.

Скольжу руками по его бедрам и замечаю выпуклость на джинсах. Он хочет этого, и я, почему-то, тоже. У меня нет никаких фантазий по поводу минета. Даже не думаю о том, будет ли он хорош на вкус, буду ли я чувствовать себя сексуальной, но хочу услышать, как он кончит. Хочу чувствовать его.

Его руки хватают мои запястья. Глаза темнеют, потому что он недоволен.

Поднимает меня. Мое тело движется вверх, в его объятия, невесомо и непринужденно. Я у него на коленях, в кольце его рук, в позе наездницы. *Дерьмо*.

Заставляю себя надуться в попытках держаться беззаботно.

— Я хочу заставить тебя забыть от наслаждения, сладкий.

Его руки сжимаются вокруг меня, одновременно обнимая и сжимая.

— Ты заставляешь.

Мое сердце бешено колотится. Он легко обходит мою защиту. Без жесткости.

Я могу это контролировать. Или, по крайней мере, выдержать. Он пробирается через мою защиту, лишь взглянув на нее. Даже не могу представить, сколько бы смогла продержаться, если бы он действовал более напористо. Как быстро сдалась бы.

Я хочу, чтобы он чувствовал себя более уязвимым по сравнению со мной. Расслабляю тело, будто сдаюсь. Опускаю руки на его плечи. Мои ладони скользят вниз по груди к подвеске, которую он носит под рубашкой.

— Что это? — шепчу я.

Выражение его лица становится жестким.

— Ничего.

Я узнаю эти стены, потому что возвела вокруг себя такие же. Мне знакома подобная ложь. Это все, что мне остается. Могу отсосать ему, даже не снимая его рубашку. Вместо этого я поглаживаю его шею, нахожу теплую металлическую цепочку и вытягиваю подвеску.

Крест. Простой крест с прямыми линиями и белой закрученной спиралью вокруг него. Мраморный? Думаю, что он носит его долгое время. Но почему-то мне кажется, что я одна из немногих, кто видел его.

Потому что он позволяет мне увидеть. Я не буду себя обманывать. Он мог остановить меня. И сделать со мной все, что угодно, но он позволяет мне взять крестик. Неожиданное доверие заполняет мою грудь и затрудняет дыхание.

— Я не считала тебя религиозным человеком, — это не из-за того, что он ходил сюда, в стрип-клуб. Глубоко внутри живет лицемерие. Я бы не удивилась, обнаружив, что половина проходящих сюда мужчин по воскресеньям посещают церковь, замаливая свои грехи теми же руками и языками, которые использовали, чтобы осквернить меня.

Но у него есть то, что отсутствует у них — своего рода решимость, суровая борьба, которые говорят о том, что он идет по собственному пути. У него есть свой собственный план, и Бог здесь ни при чем.

— Я не религиозен, — говорит он, убирая крест обратно под рубашку. — Это подарок.

Он, должно быть, от женщины. Несмотря на то, что его форма проста и почти примитивна, крест явно был выбран с любовью и женственной лаской. И полностью соответствует его внешности — черным ботинкам и кожаной куртке. Черным глазам. Сейчас они злые, но это меня не останавливает. Мудрая женщина оставила бы его в покое. Сняла бы одежду и отдала бы ему свое тело. Но никогда не раскрыла бы свою душу.

— Кто подарил это тебе? — шепчу я. Его мать? Девушка?

Или жена?

Я говорю себе, что это не имеет значения. Здесь множество женатых мужчин. Кольца — довольно частое явление, ведь мужчины слишком наглы и ленивы, чтобы снять их перед приходом сюда. Но мне не хочется, чтобы этот человек находился в браке.

Его лицо мрачнеет.

— Ты хочешь получить ответы, но сама не даешь их. Все по-честному, милая.

Я вздрагиваю, когда его рука тянется ко мне, но он всего лишь убирает прядь волос за ухо. Всегда использую заколку, чтобы они не мешали. Мои волосы распущены и находятся в безумном беспорядке. Восхищение в его глазах говорит о том, что ему это нравится. Рука задерживается в моих волосах, пальцы теребят локоны.

— Скажи мне свое имя, — говорит он мягко, — если ты не доверишься мне, то я не смогу тебе помочь.

Каждая мышца замирает. Охваченная холодом, я превращаюсь в лед. Не чувствую

страха. Не чувствую боли.

— А кто сказал, что мне нужна помощь?

Его взгляд теплеет. Понимание как физический удар, и я должна задержать дыхание хотя бы для того, чтобы не разлететься на осколки.

— А разве нет?

Он гладит мое лицо шершавыми пальцами.

— Глаза умоляют о помощи. И тело. Ты смотришь на меня со сцены так, как будто хочешь, чтобы я увез тебя отсюда.

— Нет, — я смотрю на него. В шоке от того, что он может так читать меня. И от того, что он прав.

Он огромной рукой обхватывает мою шею, тянет меня к себе и тихо шепчет:

— Чего ты боишься?

Мое сердце колотится так громко, что его слышно. Темные стены стали мутными, словно я очень быстро иду, а не нахожусь в ловушке. Словно я падаю.

— Мне не нужна твоя помощь. Я там, где хочу быть.

Он смотрит по сторонам, как будто только что заметил, где мы находимся. Ничто не ускользает от его взгляда: ни песчинка, лежащая на полу, ни моя неуверенность.

— Здесь ты хочешь быть? — говорит он. — В этой адской дыре? Так?

Я вдруг начинаю смеяться. Он застигает меня врасплох.

— Это не ад. Ты думаешь, что рай — это красивая одежда и большие замки? Это то, из чего состоит ад.

В его глазах светится понимание.

— И ты оставила это.... ради вот этого.

— Мне не нужна твоя жалость, — меня злит то, как он смотрит на меня. Я не хочу, чтобы он меня жалел. Мне нужно, чтобы он снова хотел меня. Хочу услышать его тяжелое дыхание. — Мне нужно, чтобы ты перестал болтать и начал трахать меня. Можешь сделать это? Ты же здесь для этого, верно?

Его хватка крепнет в моих волосах. На мгновение мне кажется, что он собирается разоблачить мой обман. В этот момент я хочу его. Но он тянет меня на пол.

И собирается трахнуть мой рот, не так ли? Использует меня так, как я и хотела.

Но он не делает этого.

Вместо этого он проталкивает ботинок между моих ног. Его рука остается в моих волосах, удерживая меня на месте. Я сижу на его ноге, готовясь сомкнуть руки вокруг его бедер. Он собирается... ударить меня? Но эта комната не для этого. Здесь нет места ни для чего, кроме тепла от его ноги, удерживающей меня. Я раздвигала ноги и поднимала задницу для многих членов, но никогда не чувствовала себя столь уязвимой как сейчас.

— Что ты собираешься со мной делать?

Мой голос дрожит. Я с трудом нахожу слова. Гордость уходит в прошлое. Это шелк и хорошее вино, которое я больше не могу себе позволить.

— То, что ты просила.

Он выглядит сердитым, но его прикосновения по-прежнему нежные, когда он опускает меня еще ниже. Я обнимаю его ногу, теплая кожа ботинка прижимается прямо к моей киске.

— Ты хотела, чтобы мы трахнулись. И чтобы я заплатил за это. Это то, как я хочу тебя.

Боль в голове тянет меня вверх, но потом я снова падаю. Вверх и снова вниз — он задает ритм движениям. И это ритм секса.

Это танец.

Я уже в стрип-клубе. И не может быть ничего грязнее и ниже. Но рядом с этим человеком я чувствую ужасное удовольствие, зарождающееся от искры в моем клиторе. И понимаю, что была права. Это хуже и, безусловно, грязнее.

— Подожди, — хнычу я, хотя не знаю, чего мне ждать.

Его рука тяжело опускается на мое плечо и слегка сжимает.

— Нет, детка. Это то, чего ты просила, и я даю это тебе. Вот как это работает.

— Это не... — мое горло сжалось, и слезы льются из глаз. Я не плакала даже тогда, когда первый раз вышла на сцену. Не рыдала, когда меня поймали. Почему он заставляет меня чувствовать себя так? Это даже хуже, чем то, что заставлял чувствовать Байрон. — Ты не воспользуешься мной. Потому что не станешь чувствовать себя лучше от этого.

— О, я чувствую себя довольно хорошо, дорогая.

Это видно по его эрекции. По значительной выпуклости в его штанах.

— Позволь мне ласкать тебя, — умоляю я его. Все, что угодно было бы легче, чем секс с его ботинком и осознание своего странного возбуждения. Оно зарождается, несмотря на то, что это неправильно. Нет, оно усиливается как раз *от того*, что это неправильно. Во мне есть что-то порочное. Не знаю, родилась ли я с этим, или Байрон внушил это мне, но унижение только разжигает меня. Каждое прикосновение мягкой кожи к моему клитору приносит с собой новый прилив жара.

Он качает головой, а его глаза застилает грусть.

— Это то, что ты просила, — повторяет он. — Возможно, в следующий раз ты попросишь то, что тебе действительно нужно.

Я вздрагиваю.

— Мне нужно, мне нужно...

— Я знаю, — бормочет он.

Когда я смотрю в его глаза, у меня появляется странное ощущение, что он *на самом деле* знает. Даже то, чего я боюсь. Может быть, он знает, что мне нужно. Это толкает меня через край, и я кончаю, скользя клитором по коже и толкаясь к его ноге, в то время как он бормочет, насколько это хорошо.

В момент моего оргазма тело дрожит, колотится сердце, и он решает мне заплатить. Я смотрю на эти деньги так, словно никогда раньше не видела их и мне никогда не платили до этого момента.

Голодным взглядом он смотрит на меня сверху. Но скорее всего я была недостаточно хороша, потому что его толстая эрекция все еще видна под джинсами.

Он смотрит на меня сверху вниз, и я чувствую, как этот колючий кустарник снова разрастается быстро и дико, окутывает меня так плотно, что не видно моего прошлого, его ветви настолько толстые, что у меня не получается обрубить их. И опять это странное ощущение, что он хочет меня ненавидеть. И не хочет сблизиться. Я слишком хорошо помню это чувство. Кип уходит, оставляя меня на полу, тонущую в страхе и воспоминаниях.

* * *

6 месяцев назад

Мое лицо болит от улыбки, а ноги — от четырехдюймовых каблуков (прим. пер.: 1 дюйм = 2,54 см). Почему чем дороже обувь, тем тоньше ее подошва? Я приветствую

следующую пару с теплотой, которую только могу изобразить, учитывая то, что у мужчины на лице след от помады.

Оттенок не как у его жены.

На этих приемах не только ты видишь людей, но и они тебя. Ты трахаешься и тебя трахают. Женица обводит комнату взглядом, мы обсуждаем последний благотворительный сбор средств. И ищет свою следующую жертву.

— Хонор, дорогая, — голос похож на кубик льда, сползающий вниз по-моему позвоночнику.

Я поворачиваюсь и встречаюсь глазами с красивым мужчиной. Байрон Адамс — мой жених — восходящая звезда полиции Лас-Вегаса. Он стремится стать комиссаром полиции.

— Байрон, мне было интересно, куда ты делся.

На его лице нет помады, но это еще ничего не доказывает. Нет, главная признак того, что он мне верен, я полагаю, взгляд его глаз. Тот, который меня пугает.

— Я говорил о бизнесе, — говорит он с почти застенчивой улыбкой. Было странно видеть это выражение его лица. — Мне тебя не хватало.

Мужчина и женица улыбаются, словно влюблены. Я должна помнить об этом. Мы влюблены.

Кладу руку поверх его руки и нацепляю на лицо улыбку.

— Тогда возьми меня с собой.

И он берет. Он выводит меня из комнаты, и мы поднимаемся вверх по лестнице в офис. Я была здесь тысячу раз, но не так. Не с ощущением грубых рук моего жениха, наклоняющих меня над столом. Он поднимает подол моего мерцающего платья, обнажая задницу. Резинка подвязки щелкает.

— Я не мог найти тебя, — говорит он напряженным голосом.

Здесь нет правильного ответа. Если он хочет меня, то получает.

— Мне жаль, — бормочу я, умоляя.

Звук раскрывающейся молнии пронзает комнату. Потом он входит в меня, кожа к коже. Его член вколачивается глубоко в мою кистку. Бумаги, вероятно, важные — счета на миллионы — но я сжимаю их в кулаках.

Его пальцы впиваются в мои бедра.

— Мне не нравится это. Стой там, где я могу тебя видеть.

— Хорошо, — я задыхаюсь, но это трудно. Едва могу дышать от того, что он двигается во мне все быстрее. Жестче. Мое лицо лежит на столе, оставляя следы от макияжа на смятых, влажных от слез листах бумаги.

Мы влюблены.

Он выходит из меня. Я напрягаюсь, зная, что будет дальше. Если у меня и были сомнения или надежды, то их больше не остается после того, как он плюет на мою задницу. Пальцы небрежно разглаживают слюну по моему сморщенному входу. Затем его член вжимается в меня.

Я тренируюсь так, как он говорит мне. Пробки настолько большие, насколько я могу вынести, но это все равно слишком тяжело. Неприятно, когда его член находится внутри меня, трется о мою нежную плоть, трахая меня.

— Подожди, — я хнычу, — подожди.

Я не хочу ждать. Я имею в виду: «Нет, нет, нет». Я имею в виду «Остановись и

больше никогда не начинай этого». Это не имеет значения. Он не прекращает, но это к лучшему. Если бы он остановился, то спросил бы, что я имела в виду. И захотел бы узнать, почему я это сказала. Но у меня нет ответа. Есть только мои собственные приглушенные стоны, когда он вколачивается в меня сзади.

Присутствует лишь боль, когда он входит глубже.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Всю оставшуюся ночь я танцевала в каком-то трансе, лишь смутно осознавая мигание прожекторов и аплодисменты посетителей. Рук, пытавшихся добраться до меня, погладить и схватить, едва ли можно пересчитать. Боль и обида разрывают меня после того, что сделал со мной его ботинок. Теперь я понимаю, почему Кенди любит отстреляться до выхода на сцену. Если бы она была здесь, я бы могла попросить у нее косяк.

Шок тоже присутствует, и это помогает.

Как в прострации. Меня здесь нет, я не раздеваюсь и трясу задницей для посторонних. Я все еще сплю.

К тому времени, как я выхожу, небо уже насыщено оранжевое. Легкая дымка висит между домами, смесь тумана и утренней росы. «Гранд» закрывается. Блу выпроваживает последних клиентов, и они уходят прочь, спотыкаясь по неровной брусчатке и страдая от похмелья. Половины камней на дороге нет, часть фасада тоже отсутствует, как будто мы в истерзанной боями стране. И мы — воины, сражавшиеся и потерявшие на этой улице.

В центральном фонтане только сухая листва и окурки. Какая бы статуя некогда ни украшала центральную колонну, она давно была отломана. От нее остались только неровные края, торчащие вверх. В целом это подходящее украшение для двора «Гранда» — сломленное, но гордое.

Будучи все еще в трансе, я направляюсь домой к Кенди. Оцепенение помогает мне, притупляя страх, я обхожу бродягу и жутко выглядящего мужчину, упавшего в подъезде.

Мой стук эхом отражается от выцветших зеленых стен.

Она не отвечает.

— Кенди, — говорю я, прижавшись лицом к двери, в надежде, что она услышит меня. До сих пор нет ответа. На всякий случай я дергаю за ручку, но дверь закрыта.

Беспокойство нарастает в моем животе. Если она умирает от передозировки за этой дверью... если она пошла домой с незнакомцем, и он связал ее в подвале. Существует много способов попасть в беду. Много способов получить травму.

Я знаю это из личного опыта.

— Кенди...

На этот раз я шепчу. Знаю, что она не ответит. Под кайфом ли она или просто ушла, все равно вне зоны моей досягаемости.

Глупо думать, что я в состоянии помочь ей, если я не могу помочь даже сама себе.

Я обхожу мужчину, валяющегося на лестнице, который выглядит растерянным и потерявшим надежду. Едва замечаю человека, который держит для меня дверь открытой. На самом деле, когда я свернула на тротуар у подъезда Кенди, я почувствовала покалывание в затылке. То же самое я почувствовала, когда он в первый раз появился в стрип-клубе.

Я застываю. Каждый мускул в моем теле замирает.

— Я не причиню тебе вреда, — слышится мужской шепот позади меня. Знакомый мужской голос.

Сердце колотится. Ладони сжимают ручки сумки.

— Хани, — мягко говорит он. Хотя это и не настоящее имя, но в этот раз я не слышу насмешки в его голосе. Он звучит встревоженно.

О, Боже, это он. Я надеялась, что ошибалась. Он может говорить, что не причинит мне боль, но ни один человек не придет без приглашения к стриптизерше с благими намерениями. Отворачиваясь, чтобы не смотреть ему в глаза, я говорю в пустой тротуар.

— Что ты здесь делаешь?

— Я последовал за тобой, — он делает паузу. — Здесь небезопасно.

Холодок бежит по моей коже. Как я его пропустила? Или что еще я упустила? За время побега я приобрела определенные навыки, но все же я не шпион. Я — наследница. *Принцесса*. По крайней мере, меня учили ей быть. Я могу устроить званый обед для самых богатых, смертоносных людей страны, но не могу засечь слежку. Не знаю, как бороться в одиночку.

— Чего ты хочешь от меня? — с трудом сглатываю я.

Минет? Трахнуть? Это единственные вещи, которые я могу дать.

Его дыхание ласкает мой висок, нежно шевеля волосы.

— Я просто хочу поговорить.

Это вызывает у меня усмешку. Он может преследовать меня, и я могу трахнуть его, но, по крайней мере, мы можем быть честными.

— Тогда почему ты вторгся в мое личное пространство?

Вежливость — это банкнота в десять долларов, брошенная на сцену. Но за нее стоя и придерживая дверь открытой, пародируя манеры джентльмена, он может убраться из моего личного пространства. Он может перестать заставлять мое сердце биться слишком быстро, и мою кожу становиться липкой и горячей.

После паузы он делает шаг назад. Не далеко, но достаточно для того, чтобы я снова смогла дышать. Я поворачиваюсь к нему лицом и снова сталкиваюсь с этим чувством дежавю узнавания. Разве я не встречала его раньше? Я бы вспомнила это лицо, его твердость, черт, намек на уязвимость в его темных глазах, но у меня есть странное ощущение, как будто я ему доверяю, хотя он чужой.

Очевидно, что я не могу доверять этому чувству.

Я считаю, что побег от него бесполезен. Для меня он слишком быстр. И я не хочу увидеть, что произойдет, когда он разозлится. И к тому же я рискую тем, что приведу его к мотелю, к Кларе.

Не то, чтобы я могла натравить на него копов, по крайней мере, не без ответов на кучу других неудобных вопросов. Вместо того я позволяю ему взять сумку, когда он двигается, чтоб забрать ее у меня. Без разрешения, конечно. Он закидывает ее себе на плечо в манере темной параллельности рыцарства. Он отпустит меня только, когда будет готов.

— Я не собираюсь причинять тебе боль.

Его взгляд остается на мне, когда мы стоим перед домом Кенди с паршивыми квартирками. Это здание, эта земля видели насилие и прежде. Я чувствую эти вибрации через бетон. Это произойдет снова, но, надеюсь, не сегодня.

Я сжимаю руки; ненавистно чувствовать себя беспомощной.

— Тогда пойдем. На людях.

Когда он не отвечает, я направляюсь обратно в клуб. Он шагает рядом со мной.

Многолюдность — это слишком щедрый комплимент для этой улицы. Никто не прибежит на помощь, если я закричу. Но это лучше, чем разрешить ему провожать меня до дома. Намного лучше.

— Расслабься, — говорит он, сухо и почти печально. — Если бы я хотел трахнуть тебя, я бы сделал это в клубе.

И если бы он хотел меня убить, он мог бы это сделать сто раз. Он следил за мной. Я все еще жива. Но я не могу расслабиться. Пока мне интересно, следил ли он за мной в другие дни и что он видел. Кого он видел.

— Многие парни хотели бы получить на халяву.

Он следовал за мной до дома? Я должна предположить, что нет. Должна верить, что она в безопасности, иначе нет смысла.

— Я всегда буду платить, — говорит он, немного дразнясь, и я знаю это. — Клянусь.

Сейчас это больше, чем деньги. Это дистанция. Он провел линию на песке. Как бы говоря, что ему нужна эта линия, как и мне тоже.

— И чаевые, — говорю я, потому что тоже умею дразнить.

Его улыбка всегда как утренний рассвет, медленная и теплая, провожает холод ночи.

— Не *просто* чаевые, правда.

О, Боже мой. Я закатываю глаза, но тоже улыбаюсь.

— Так о чем ты хотел поговорить?

— Много о чем, — говорит он, поймав мою руку. — О том кого ты боишься.

Я вздрагиваю. Я боюсь Байрона. Боюсь своего отца. Боюсь всех.

— Что заставляет тебя думать, что я кого-то боюсь?

— Я вижу, когда девушка в беде. И это ты.

— Так ты здесь, чтобы спасти положение?

Скорее всего, он погубит себя. Да, человек он упертый, но у моего отца в команде чертова армия. Кип должен найти другую девушку для преследований и беспокойств. Другую для использования. Другую для защиты.

— Я не могу быть такой, как ты хочешь.

— В действительности ты не знаешь, чего я хочу, дорогая. Ты бы гораздо больше испугалась, если бы узнала.

***

Шесть месяцев назад

Я по-прежнему нагнута над столом лицом вниз, когда слышу, как открывается дверь. Я напрягаюсь. А если это гость? Но потом я слышу шаги своего отца, один шаг легкий, один тяжелый, скрип трости.

О, Боже. Я молюсь, чтобы он ушел.

Байрон продолжает трахать меня. Его толчки не меняются совсем, не быстрее, не медленнее. Ему всегда нравится трахать меня так, и он это делает. Мой отец не может его остановить. Мой отец его не остановит.

Один легкий, один тяжелый, скрип трости. Отец подходит ближе.

Он должен увидеть меня сейчас, должен узнать, что происходит. Он продолжает

подходить к нам ближе. *Легкий, тяжелый, скрип.*

И останавливается.

— Сер?

Дыхание Байрона тяжелое, речь краткая. Слово «сер» — это пародия на уважение, так как он трахает дочь этого человека над его же столом. Его член вторгается в меня, разрывая меня.

— Байрон, — мой отец звучит устало и невероятно старым. — Наши документы. Посмотри их.

Документы смяты в моих руках. Испачканы тушью, что размазывается по моим щекам. Они испорчены.

— Почти закончил, — говорит Байрон, ворча.

Я дрожу от отвращения, мой отец здесь и наблюдает за этим, но кажется, что моего жениха это никак не смущает. Я нечто омерзительное, а не будущая жена или любимая дочь. Я — домашнее животное, вынужденное побираться для своего обеда. Это даже не брезгливость к моему отцу или Байрону, это отвращение к себе, пожирающее меня изнутри. Я позволяю им делать это со мной. Не сопротивляюсь. Я не могу бороться. Если я это сделаю, будет больно не только мне.

Рука нависает над моей головой, колеблясь и дрожа. Это не рука Байрона. Это мой отец.

Он теперь всегда трясется, это началось с руки и перешло к ногам. Врачи говорят, что дальше будет только хуже. Именно из-за этого он стал использовать трость. Он мог бы лишиться и жизни. В бизнесе любое проявление слабости может быть фатальным. Переехать конкурента, поглотить. Но никто не пришел, чтобы убить моего отца, потому что вмешался Байрон.

С благословения моего отца семейный бизнес перейдет к Байрону. Его брак со мной закрепит сделку в глазах более традиционных мафиози. И мой отец будет доживать свою жизнь в империи, которую он построил, поглаживая волосы своей дочери, в то время как она трахается на его столе.

Каждая клетка в моем теле сопротивляется его прикосновению. Но внешне я абсолютно спокойна. Этому навыку меня научила жизнь — не проявлять страха перед монстром.

Меня окружают монстры.

Байрон мычит и зарывается пальцами в мою плоть. Он пульсирует внутри меня, и я знаю, что он кончает. *Наконец-то.*

Он вынимает член с хлюпающим звуком. Теплые прикосновения к моей заднице быстро остывают, пока Байрон насухо вытирает об меня свой член, заявляя таким образом свои права. Звук застегивающейся молнии наполняет тихую комнату, а затем шуршание ткани, пока он заправляется. Мое платье опускается вниз.

Когда я поднимаю лицо, бумажка, отлипая от моей щеки, падает обратно на рабочий стол. Отец гладит волосы в последний раз, а затем его рука исчезает. Он чувствует, какая странная церемония только что состоялась, ее тяжесть повисает в воздухе. Обычный отец отдает мужу свою дочь в день свадьбы. Но мой отец не обычный. Он — мафиози. Последний из числа престижной семьи Моретти. И он дал благословение на этот союз.

Я стою, опираясь на стол, прежде чем упасть. Мои ноги слабы, как у новорожденного олененка. Это Байрон толкает меня, мягким похлопыванием по заднице.

Отец не смотрит мне в глаза. Вместо этого он поправляет бумаги на столе.

Байрон сидит и одаривает меня вежливой улыбкой. Вы бы никогда не подумали, что мы

занимались сексом минуту назад.

— Вернемся на вечеринку. Нам нужно обсудить одно дело, — он замолкает, а потом добавляет: — Наслаждайся, дорогая.

Мы не влюблены. Я ненавижу его. Думаю, что он тоже может меня ненавидеть за рождение в правильной семье. Просто с неправильным полом. Если бы я родилась мужчиной, то взяла бы бизнес в свои руки. Как и требуется в семье, мужчина должен вести и управлять. Хотя не только мое влагалище заставляет меня быть послушной. У меня нет такого сердца, чтобы вести за собой и убивать, как это делают они.

Как делает Байрон. Я боюсь его, но мы будем женаты через несколько месяцев.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Кип готовит мне кофе.

Их всех вещей, случившихся со мной за последний год, или за последние двадцать лет, эта — самая странная. Он не только заказывает для меня кофе, но, когда становится понятно, что я не сдвинусь с места, чтобы взять его, подтягивает маленький пакетик к себе. Меня никогда прежде не обслуживали, никогда не помогали люди, которым не заплатили за это. Никогда не помогал кто-то, кому не нужно было что-то взамен. Так что он задумал?

— Сливки? — спрашивает парень.

Киваю, и он отрывает крышечку маленькой упаковочки заменителя сливок, в котором не содержится молока. Мы ютимся в углу паршивого кафе. Все здесь грязное, включая меня. Только не он. Он исключительно чист в этом месте. Он — нечто другое. Нечто темное и серьезное, и торжественное. Его руки завораживают меня: такие большие и сильные, и при этом все равно осторожные. Он как камень, грубо отесанный и непроницаемый. А я — воздух, который почти сдувает прочь.

— Сахар?

Киваю уверенней на этот раз, быстрее, потому что хочу, чтобы он сделал это.

Он не разочаровывает. Широкие пальцы с квадратными подушечками разрывают обычный голубой пакетик. Он сыплет сахар в черную жидкость и помешивает. Дает мне кофе, когда все остальные мужчины только берут и берут.

У меня есть опыт с большими, сильными мужчинами. И осторожными тоже. Я знаю, что они — наихудший тип. Но почему-то я не думаю, что Кип причинит мне боль. Может, это просто мысли о желаемом. Может, он — мираж. Я могла бы открыть глаза и оказаться посреди пустыни, умирая от жажды. Но вот где я была. Даже если он — иллюзия, это не может причинить больше боли, чем правда.

Обхватываю ладонями керамическую чашку, пытаюсь впитать в себя тепло.

Словно замечая, словно *заботясь*, Кип спрашивает:

— Хочешь мой пиджак?

— Нет.

Каждый добрый поступок заставляет меня хотеть больше. И заставляет давить дальше. Напряженное изумление поблескивает в его грубых чертах.

— Я ценю твое согласие прийти сюда.

— Ты не дал мне особого выбора.

— Нет, — проясняет он. — Нет, не дал. И, думаю, ты уже сыта мужчинами, которые

давят на тебя.

Я ерзаю на пластиковом сидении. На меня давили в буквальном смысле этого слова. Знает ли он это? Возможно ли, что он знает, от чего я бегу — от *кого* я бегу? Но вероятней всего он имеет в виду мужчин в клубе.

— Я могу позаботиться о себе.

— Не сомневаюсь в этом. — Следует пауза, на протяжении которой он, кажется, колеблется, прежде, чем заговорить со мной. — Я наблюдал за тобой.

Как много ты знаешь?

— Это должен был быть комплимент?

Он наклоняется вперед, ставя локти на колени, пристально глядя на меня.

— Я не планирую причинить тебе боль. Я просто хочу узнать тебя.

В груди сжимается.

— Там, откуда я родом, это одно и то же.

Его глаза темнеют.

— Но ты можешь позаботиться о себе, — произносит он, и слова звучат с вызовом.

Его улыбка после больше похожа на оскал. Это или он, или вызов.

— Я ведь ушла, не так ли? А я никогда не возвращаюсь.

Он не впечатлен.

— Ты танцуешь в стрип-клубе и ходишь домой по самой худшей улице в Тэнглвуде. У тебя нет защиты. Нет *ничего*, чем бы ты могла защитить себя.

Я содрогаюсь.

— Вот так ты узнаешь кого-то? Оскорбляя их?

Тень сожаления затемняет его лицо.

— Нет. Я не придурок. Просто имел в виду, что, может, ты не все поняла. А я мог бы помочь.

— Мне никто не может помочь. — Никто не идет против семьи Моретти и остается живым после этого.

Поэтому я знаю, что однажды они меня найдут. И убьют. До тех пор, пока они не тронут Клару, я могу с этим жить. Этого достаточно. Так должно быть.

— Может быть, и нет, — произносит он, — но я должен признаться. Я на самом деле хочу помочь тебе. Но мне также нужна и твоя помощь.

Мой смех вырывается неровным, почти бездыханным. Напуганным.

— Держу пари. Спорим, у тебя есть большая, серьезная, очень серьезная проблема, которую я могу решить для тебя. Смягчить для тебя.

Кип даже не пытается улыбнуться.

— Хани, — начинает он с предупреждением.

Но это звучит смешно. Имя — смешное. Его низкий, серьезный голос только делает его хуже.

Затем я смеюсь по-настоящему. Думаю, это самая смешная вещь, которую я слышала за несколько дней, если не недель. Или месяцев. Самая смешная вещь, которую я когда-либо слышала, это фальшивое имя и фальшивая улыбка, и фальшивые отношения, которых у меня не может быть. А помощь? Она даже не настоящая. Всего лишь история с его уст, и не важно, знает он правду или нет. Но знаете, что настоящее? Секс. Это все, что я могу ему предложить.

Может, я немного потеряла рассудок, сидя с ним здесь и смеясь. Ожидаю, что он станет серьезным и разозлится, но затем случается нечто сумасшедшее. Кип тоже начинает смеяться. Сначала это всего лишь подрагивание его губ, и затем мягкий выдох. Но после он хохочет вместе со мной, качая головой.

Его улыбка меркнет.

— Тебе там не место.

Я делаю резкий вдох.

— И почему это? У меня сиськи слишком маленькие? Я использую неправильные песни?

— Ты продолжаешь думать, что боль не наступит, — мягко произносит он. — Танцы. Секс. Ты до сих удивляешься, когда это случается.

Боль расплзается у меня в животе.

— Что ты знаешь о танцах?

— Не много, — признает он. — Только то, что я вижу. Я вижу, что ты ожидаешь лучшего от мужчин, которые приходят сюда. Это похоже на самоубийство, милая. Больно даже от самого наблюдения за тобой.

— Ты ошибаешься. — Злость, холодная, словно лед, от которого немеют все остальные чувства. — Я идеально подхожу для этой работы. Потому что мне насрать.

Кип грустно улыбается.

— Скажи мне свое имя.

Я поджимаю губы.

— Никогда.

Он коротко кивает.

— Увидимся в субботу, Хани.

— Я всего лишь отсосу тебе, — предупреждаю я, хоть это и самое странное предупреждение, которое я когда-либо давала. — На этом все.

— Посмотрим. — Он бросает двадчатку на стол и встает, чтобы уйти. — Береги себя до тех пор. Это не самая безопасная часть города.

***

Дневной свет под пеленой дождя падает на город, когда я добираюсь до отдаленного мотеля.

Он не в таком плохом состоянии и не такой ужасный, как дом Кенди, но все равно удручает. Красный кирпич выцвел до розоватого цвета. На окнах железные решетки. Пальмы во внутреннем дворике почти не создают видимости тропического или приятного места. Как и рождественские огни, намотанные на их стволы. Как разноцветная тюрьма.

Тяжелые шторы на окне в моей комнате не дают увидеть то, что снаружи. Вытаскиваю ключ-карту и подношу к ридеру, уже ожидая, что сон в конце долгого дня поможет мне забыть то, что я сегодня сделала. Клара. Имя вертится на кончике моего языка, готовое слететь в приветствии. Но какой-то глубинный инстинкт внутри заставляет меня осторожничать.

Борюсь с тяжелой сумкой на плече, в которой находится моя рабочая одежда и туфли. Дверь комнаты — темная, словно ловушка для крыс, пытается захлопнуться передо мной, прищемляя в процессе мое плечо.

Сама комната мотеля — темная.

На подоконнике — маленькая статуэтка Божьей Матери. Пластиковая фигурка с присоединенным проводом. Сделана так, чтобы могла подсвечиваться, но лампочка внутри давно перегорела. Она уже была в комнате, когда я заселилась. Клара выудила ее из мусорного ведра и поставила на окно. Сказала, что она будет защищать нас. Что она и делает. Это наш знак сообщить, если что-то будет не так. Если нас найдут, если комнату взломают, и одной из нас придется бежать, статуэтки на окне быть не должно. Такое облегчение видеть ее там. Облегчение видеть ее каждую ночь, такую маленькую, аляповатую и гордую перед шторками.

Осторожно смотрю влево и вправо, прежде чем использовать ключ. Я всегда осторожна, потому что, если кто-то хочет выследить меня здесь и причинить боль, я окажусь в заднице. Единственным моим сегодняшним спасением оказалось то, что Кип не выследил меня до дома. И то, что он не хотел причинять мне боль.

Нет, он просто хочет трахнуть тебя.

Ни одного включенного светильника, даже в ванной.

— Клара, — шепчу я.

Ответа нет. Я делаю шаг дальше в комнату, и глаза постепенно адаптируются. Могу различить две кровати, столик в углу и темный комод в центре одной из кроватей, почти спрятанной в тени. Пересекаю комнату и нежно касаюсь ее плеча.

Клара моргает, глядя на меня.

— Хонор?

— Это я.

— О, слава Богу. Я так переживала за тебя. Ты поздно. Все в порядке?

— Да. — Голос звучит слишком резко, так что я пытаюсь смягчить его. — Я в порядке, но ты должна помнить, о чем мы говорили. Если будут неприятности, я не вернусь в комнату. Ты должна забрать деньги и...

— Я не убегу без тебя, — жестко отвечает она.

Переживание скручивает все внутри. Если что-то пойдет не так в стрип-клубе, если я не вернусь вовремя, Клара должна бежать. Без меня. Но она никогда не соглашается с этим. Иногда она молчит, пока я в подробностях объясняю пути побега. Иногда говорит мне «нет».

Протягиваю руку, и она позволяет мне поднять ее. Не отпускаю, а наоборот, притягиваю ее в крепком объятии и делаю глубокий вдох. Может, мы и не согласны со всем, но я люблю ее. Она — моя сестра, и я не позволю чему-либо случиться с ней. Она сжимает меня в ответ, крепко настолько, что перехватывает дыхание.

У нее тихий голос.

— Я думала, ты больше не вернешься.

Так легко забыть, что ей шестнадцать. Она храбро выносит все это, но она все еще ребенок. Она должна переживать о внеплановых контрольных, из-за которых ей нужно больше времени проводить в школе.

А не жить в полуразрушенном мотеле, боясь людей за дверью.

Горло сжимается от перспективы ответа. Но она рассчитывает, что я останусь сильной, что я и делаю. Клара — единственная причина, почему я все еще держусь. Во мне поднимается желание сорваться с места и сбежать вдвоем. Вопросы Кипа слишком близко попадают рядом с целью. Парень знает что-то, чего не говорит мне, но дело запросто может касаться клуба, а не моего прошлого. И Ивана... ну, того, что он говорит мне не уезжать. Дерьмовое время он выбрал, чтобы сунуть нос.

Мы остаёмся. Пока еще.

— Помни, Клара. Если я не возвращаюсь в течении двадцати четырех часов, как должна, тебе нужно уезжать. Не задавай вопросов. И не жди меня.

Она смотрит вниз. Это не согласие, но это то, что я могу сейчас получить.

Меняю тему.

— Ты сделала домашнее задание сегодня?

Она не может ходить в школу, и очевидно, что у нас нет репетиторов на дому, но я все равно настаиваю, чтобы она делала упражнения по школьной программе. Я настроена на то, то у нее хотя бы будут знания, даже если она не получит именно диплом. Однажды, в будущем, вся пыль уляжется.

Однажды она сможет жить обычной жизнью. Мне нужно верить в это, или все это будет напрасно. Каждое оголение груди, каждое прикосновение незнакомца — тщетно.

Вижу, ты ожидаешь лучшего от мужчин, которые сюда приходят. Это похоже на самоубийство, милая.

— Конечно. Оно было легким. — Клара включает лампу, от чего свет падает на порванное одеяло на кровати и мебель.

— Дай мне. Я проверю.

Она закатывает глаза и роется в книгах.

— Да, мамочка.

Я замираю, вспоминая темноволосую, темноглазую женщину, которая была нашей матерью. Женщину, которую Клара едва ли знала. Тянущее чувство из глубины раздирает мою грудь. Я знаю, что она могла помочь нам выбраться из этого. То, где мы сейчас, отчасти ее вина. Но я все равно скучаю по ней.

Клару словно пронзает молнией.

— Прости. Мне не стоило говорить этого.

У нее до сих пор слегка круглые щеки и немного пухлые ручонки. Я росла тощей, словно скелет, и грудь выросла поздно. Она все еще маленькая для стриптизерши. Но Клара всегда была веселой, круглолицей и жизнерадостной. Стала немного стройнее, когда начался переходной период, талия уменьшилась, изгибы стали больше походить на женские. Но ее глаза до сих пор по-детски блестят. В конце концов, ее детская мягкость исчезнет. Она больше не будет сворачиваться клубочком, словно ребенок, когда спит. Но я хочу, чтобы искорка в ней осталась.

Я сделаю все, что угодно, чтобы сохранить ее. Уже делаю.

— Все в порядке, — мягко говорю я. — Мне просто жаль, что ты не смогла узнать ее получше.

Клара берет мою руку.

— Я тоже. Но я не могла бы просить о лучшей старшей сестре.

— Боже, ты такая милая. — И тогда, с силой взрывной волны, до меня доходит, как она похожа на Кипа. Какие они оба открытые. Может, поэтому я, кажется, доверяю Кипу, даже если не должна. Может, поэтому я не хочу его смерти.

Ее улыбка тоже похожа на его — она грустная.

— Я люблю тебя.

Я сжимаю рукой ее ладонку, не в силах выдавить ответ. Я не могла сказать слово «люблю» с тех пор, как услышала, как моя мать выкрикивает его в последний раз. Его вытесняет множество других слов. Например, таких, как «бежать» или «прятаться», или «я

не позволю им тронуть тебя».

Но самое увесистое слово из всех, которое сейчас всплывает на поверхность, прорываясь на свободу — «*помогите*».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Первое, что я вижу, когда вхожу в раздевалку, это блестящие белокурые волосы Кенди. Облегчение курсирует во мне сильнее, чем я ожидала. Но оно опасно. Мне не стоит привязываться здесь к кому-либо. Я могу исчезнуть, не моргнув и глазом. Уходить весьма тяжело — прикрыть следы и найти новую работу не составит труда. Но, что мне не нужно, это оставлять друзей позади. Кенди — просто коллега. Практически незнакомка.

И до сих пор у меня в груди все сжимается, когда я вижу ее в безопасности и трезвой.

— Я переживала за тебя, — выпаливаю я до того, как могу остановить себя.

Она поворачивается, и я вижу синяк под одним глазом, и припухлость на нижней губе. Вижу напряжение в фальшивой улыбке, которую она мне дарит. В конце концов, она не в безопасности.

— Не нужно было, — произносит она. — Всего лишь вечеринка затянулась. Я слишком повеселилась.

Тянусь к ее рту, но резко отдергиваю руку, когда она морщится.

— Не похоже на веселье, — мягко говорю я.

Она опускает взгляд.

— Кое-что вышло из-под контроля.

Вещи всегда выходят из-под контроля. Опускаюсь на колени, становясь перед ней, надеясь, что она увидит меня. На самом деле увидит меня.

— Кенди, есть что-нибудь, что я могу сделать? Я могу помочь?

Ее горло дергается, когда она сглатывает.

— У тебя своего дерьма полно.

И моя сестра стоит на первом месте. Конечно же, стоит. Если бы на спасательной лодке оставалось бы одно место, я бы уступила его Кларе. Я уже делаю это. Но я не могу отвернуться, когда вижу Кенди в таком состоянии, избитую и напуганную. Я была на ее месте.

— Это твой парень? Ты можешь уйти от него?

Это заставляет ее немного улыбнуться.

— Как ушла и ты?

Из меня будто воздух выжимают.

— Иногда лучше уйти, чем остаться.

— Из огня да в полымя? Ты думаешь, здесь безопасней? Я не знаю, откуда ты взялась, но лучше там быть не может.

Я содрогаюсь, слыша отголосок слов Кипа. *А что, если здесь тебе не безопасно? Никому из нас не безопасно?* Мы с Кенди, может, и можем находиться в опасности, но никто не тронет мою сестру. Никто не станет причиной синяка у нее под глазом или опухшей губы. Так намного лучше.

— Может, тебе стоит сказать Ивану, — говорю я, вставая.

Кенди смеется.

— Ему это очень понравится.

У меня переворачивается желудок.

— Он не такой плохой.

— Он мягок с тобой. Ты сделана из стекла. И он знает это. Они все знают.

Во мне поднимается злость.

— Я — не хрупкая.

Но я и не сильная, нечто лучше этого. Я уже разорвана на части, на куски. Ломать во мне больше нечего.

Она тоже встает, чуть ли не прижимаясь своей грудью к моей. Вызов блестит в ее голубых глазах.

— Разве? Заявляешься сюда, *пытаешься* помочь мне, типа мы самые лучшие подруги. Показываешься у меня дома из-за того, что переживаешь о том, что я сдохну от передоза.

Ее слова, словно резкий порыв холодного ветра, крадут у меня воздух и заставляют попятиться назад на шаг.

— Как ты...?

— Я знаю некоторых ребят по площадке, — она поднимает брови. — Трахаюсь с некоторыми из них. Они сказали мне, что видели девушку с черными волосами, нулевыми сиськами и самыми зелеными в мире глазами — как деньги, сказали они — которая приходила и стучала в мою дверь.

— У тебя могла быть передозировка, — произношу я с отвращением сама себе. — Тебя могли избить. А я оставила тебя там.

— А какая была перспектива? Разбить палатку напротив моей двери? — отвечает она с сарказмом. — И все равно, ублюдки *позволили* тебе уйти, потому что ты как сраная мать Тереза, и даже те тупоголовые придурки не захотели прикасаться к твоей бледной, невинной коже.

— Ты настолько зла из-за того, что я переживала о тебе? Так плохо, что о тебе кто-то заботится?

— Да, это настолько чертовски хреново. Все вокруг — смертный приговор, так что прекращай свое дерьмо.

Меня накрывает понимание.

— О. Так ты переживаешь обо мне.

Кенди кривится.

— Даже не думала. Я танцевала здесь до твоего появления, и буду танцевать, когда ты свалишь. Ты всего лишь временное явление.

Я не могу сдержать улыбку, которая расплзается на моих губах.

— Ты на самом деле переживаешь.

— Нет, я на самом деле не переживаю.

— Мы можем заплести друг другу косички и рассказать страшилки? — дразню я.

Сердитый взгляд меняет ее лицо: настолько неистовый, настолько отчаянный, что я думаю, она может ударить меня. Вот, насколько она не хочет переживать за меня. Насколько хочет остаться в стороне, как и привыкла делать. Но не может сделать этого. Может, это и смертный приговор, но если так и есть, то мы уже мертвы.

Она бросает взгляд на дверь — пусто — а затем назад, на меня. Ее голос звучит тихо на этот раз, искренне. Этим девушка признает, что переживает.

— Тебе может быть безопасно у меня в квартире. Меня там знают. Но не на улицах. Не

броди в одиночку. Если тебя там поймают, кто будет заботиться о том, кого бы ты там ни прятала.

Я распахиваю глаза, потому что, может, я и привязалась к кому-то на работе, но я никогда не рассказывала о Кларе. Она никогда не была в клубе и никогда не приходила сюда.

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Я видела, как ты брала еду на кухне в конце дня. А поскольку ты тощая, как скелет, я поняла, что это не ты подчищаешь все эти продукты за просмотром телесериалов.

Я закрываю глаза.

— Кто-нибудь еще...

— Никто, о ком бы я знала. Даже Лола не подозревает. Я бы узнала, если бы она подозревала, потому что мы говорим о тебе.

Несмотря на свое расстройство, мне удается выдавить слабую улыбку.

— Боже, спасибо.

— Это потому, что мы переживаем, — шепчет она. — И мы не хотим, чтобы ты умерла.

* * *

Меня ослепляет каждый раз, когда я выхожу на сцену, но в этот раз все по-другому. Потому что, даже если я не вижу, знаю, что Кип там. Я чувствую, как он наблюдает за мной, хочет меня, *рассчитывает на меня*. Когда я на сцене, спрятаться невозможно. Я раскрыта. И мне предстоит посмотреть в лицо своей боли в груди, той, которую я чувствую, потому что подвожу его.

В танце я уверенно двигаю ногами и бедрами. Танцую, словно в последний раз на сцене. Танцую *для него*.

Даже если я притворяюсь, что не вижу его в переднем ряду. Для мужчины под прикрытием, он не прячется. Не слоняется у сцены, в тени, надеясь, что его не увидят. Он как на ладони. Как и я. Это у нас общее. Это связывает нас вместе, когда я предпочла бы забыть.

Блу находит меня после танца, когда я могла бы спуститься на второй раунд. Он хватает меня, когда я пытаюсь пройти мимо него.

— Что случилось с Кенди? — требует он.

Я моргаю, застигнутая врасплох. Иногда мне кажется, что он заботится о девушках. Хотя, может, просто всего лишь злится, что товар поврежден. Он впивается пальцами мне в руку.

— Я не знаю. Она мне не сказала.

— Она разговаривает с тобой.

— Ну, не об этом.

Он выдыхает воздух и смотрит в сторону. Рука исчезает.

— Лола пропадает в том же месте?

Я даже не знала, что Лола ушла. Мы, точно солдаты, падаем один за другим. Что мы защищаем? У меня есть Клара. Я не знаю, кто есть у Кенди и Лолы.

— Я думала, у нее сегодня выходной.

— Только потому, что она позвонила и сказала, что не явится. Не похоже на нее. Она никогда не пропускает субботу. Даже когда Иван... — Он останавливается, резко поджимая

губы. Он сказал слишком много, что само по себе достаточно странно. Но я могу почувствовать его расстройство, что еще более необычно.

Его тревога напоминает воду, которая невероятной силы потоком проходит по ногам, словно подводное течение. Меня закручивает под поверхностью, пытаюсь затянуть вниз. В этом клубе есть такой поток. Я не вижу его, но чувствую.

— Лола может о себе позаботиться, — отвечаю я, потому что это правда. Из нас трех Лола самая жесткая. Из тех, кто пленных не берет. Мужчинам лучше побережься, когда она ползет по полу, а не наоборот.

— Да, ты права, — бурчит он. — Как и вы с Кенди.

Я вздрагиваю.

— Мы делаем нашу работу. Это все, за что ты нам платишь.

Его ухмылка — темна и неприятная.

— А я делаю свою работу, которая состоит в сохранности вас, леди, милыми и доступными.

Слышать его грубые слова почти успокаивающе, словно иметь Блу и презирать его в ответ. Он — ублюдок, но я все равно не знаю, как разобраться с ним.

— Я доступна. Для тех, кто платит. — Я вскидываю брови, чтобы дать ему понять: он в их число не входит. И никогда не войдет.

Так же, как и для других девушек, насколько я знаю.

Его глаза темнеют, когда он окидывает меня взглядом с ног до головы, оценивая. Он распускал руки на каждую девушку в этом клубе только, чтобы прогнать нас или заставить двигаться быстрее. Мы все для него — куклы, а он тянет за ниточки. В его глазах плещется похоть и угроза. Но его сердце к этому не склонно.

Так странно осознавать, что в конце концов у него оно есть.

— Послушай, если хочешь, чтобы мы все и оставались милыми, проверь Кенди. Кто-то причинил ей боль.

— Хера с два, — шипит он. — Она выглядит как жертва на фото об избиении. Как мне вообще выводить ее на сцену?

Замечательно.

— Если ты не знаешь, кто с ней тусуется, скажи Ивану. Он разберется с этим для нее.

— Спорю, он так и сделает, — бубнит он тоном, который означает именно то, что сказала Кенди. *Ему это понравится.* — Может, мне стоит рассказать ему о тебе.

Сердце ударяется о ребра с глухим стуком. Он имеет в виду Кипа? Иван, наверное, сказал ему, что я должна держаться от него подальше. Так почему Блу ничего не сказал мне об этом? Чего он хочет от меня? Взятки?

— Чего ты хочешь?

Его взгляд становится острым.

— Я хочу, чтобы ты делала свою сраную работу.

Мне тяжело говорить.

— Я и делаю.

— И берегла свою задницу.

В груди все сжимается.

— Я всегда этим занимаюсь.

Блу вздыхает, трясая головой.

Он не верит мне. Или, может, просто знает, что это безнадежный случай. Я могу

уберечь свою задницу. Могу смотреть, как тигр будет подкрадываться ближе. Могу смотреть, как он прыгнет. И не будет ни единого шанса, что я что-то сделаю, чтобы остановить его.

— Я знаю того парня, — произносит Блу. — Когда побудешь в игре так долго, как я, узнаешь, что за игроки в нее играют.

— И что это за игра?

Следует улыбка.

— Игра на выживание.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В клубе нет окон, но я знаю, что идет дождь. Одежда клиентов намочла, особенно верхняя часть рубашек и пояса брюк. Они спешат внутрь, а затем задерживаются за пустыми стаканами, не желая снова выходить под дождь. Для бизнеса это было бы хорошо, вот только те возбужденные парни, которые могли бы прийти, решили остаться сегодня дома. Сейчас здесь мертво.

Я заканчиваю свой танец и делаю круг, выступая вполсилы. Когда наступает время идти домой, чувствую себя уставшей, мой разум цепенеет. Натягивая куртку, выхожу на улицу.

Там всего лишь морозящий дождь, хотя часы бурной непогоды все-таки оставили свой след. Земля скользкая, так же, как кирпичные стены и металлические фонарные столбы. Лужи тянутся вдоль тротуаров, выглядя почти трогательно. Аккуратно перешагиваю через них. Ноги и так болят. Последнее, что мне нужно — это туфли, полные ледяной воды.

Я так сосредоточена на этом, что почти ничего не вижу.

От стены отделяется тень.

Я успеваю лишь ахнуть и прижать сумку к груди как щит. Затем появляется рука, хватающая меня за предплечье и тянущая в переулок.

Мой крик приглушен чужой ладонью.

Я прижата спиной к холодному кирпичу твердым телом передо мной, стою неподвижно, загнанная в ловушку. В переулке темно, хоть глаз выколи, и слышны лишь наши смешанные рваные вдохи, которые общаются за нас, пока мы не говорим ни слова.

Его голова опускается. Я не вижу ни силуэта, ни лица. Но чувствую, как он приближается.

Теплые губы прижимаются к моему виску. Это ощущается почти целомудренно, за исключением того, что он удерживает меня у стены, прижимаясь ко мне тазом, широким и жестким против моего бедра.

Меня пробивает дрожь.

— Тихо, — произносит низкий голос в темноте.

Кип. Облегчение наполняет меня, хотя и не должно. Я не могу ему доверять. Он говорит со мной, словно я — животное, лошадь, которую ему нужно обуздать, но именно поэтому я не встаю на дыбы. И, возможно, это — то, что я собой представляю, потому что мой инстинкт кричит мне сражаться.

Он убирает ладонь с моего рта, и я шиплю:

— Что ты делаешь?

Ненавижу свой дрожащий голос.

— Жду тебя.

Вот, чего я боялась. Но если он хочет навредить мне, ему придется постараться получше. Я заставлю его бороться за это. *Игра на выживание*. Я даже не знаю, что это значит. Просто знаю, что не могу ему доверять.

— Отвали от меня.

Не ожидаю, что он послушает, но он это делает. Кип отступает. Достаточно для того, чтобы свет фонаря дал оценить высоту его роста и ширину плеч. Я все еще не вижу его лица. Кип — всего лишь тень, глубокий голос, озвучивающий только один вопрос:

— Кого ты боишься?

Тебя.

— Мужчин, которые тащат меня в переулки.

— Я не собираюсь причинять тебе боль. Хочу только поговорить.

— Поэтому поцеловал меня тогда?

— Это было непреднамеренно. Ты так хорошо пахла.

— Я пахла так, как пахнут люди, протанцевав на сцене несколько часов. Чем я и занималась до этого.

Он наклоняется, вдыхая у моего виска. Вдыхая меня.

— Так чертовски хорошо.

Это не должно быть комплиментом, не тогда, когда он ведет себя как пещерный человек, но, Боже, от этого еще лучше. Более первобытно. Более реалистично.

— Хорошо, ладно, я — стриптизерша в дерьмовом районе. У девушки от этого может выработаться комплекс.

Он бросает взгляд вдоль улицы, словно никогда не видел ее раньше.

— На тебя часто нападают, не так ли?

— Не часто. Я осторожна. — Если брать в расчет то, что я вообще его не видела. Он как лев, скрывающийся в высокой траве. Только в данном случае трава — это высокие здания из стали и бетона. В момент, когда газель видит его, становится слишком поздно.

— Тогда почему ты здесь работаешь? — спрашивает он.

Я закатываю глаза.

— Давай не будем этого делать.

— Делать что? — Он выглядит таким чертовски невинным со своими широко распахнутыми глазами. Он точно знает, о чем я говорю.

— Играть в спасителя.

— Играть в спасителя, — вторит он.

— Знаешь, это когда ты спрашиваешь о моей проблеме, как будто тебе не все равно.

— Тем не менее, мне действительно не все равно. — Его губы изгибаются. — Немного.

Это заставляет меня фыркнуть.

— А затем ты предлагаешь мне помочь. Можешь дать мне сотню баксов. Или, эй, вот идея получше: я могу начать жить с тобой, не платя за аренду. Все, что мне нужно делать, это трахать тебя каждую ночь.

— Ауч.

— А потом свалить, когда ты устанешь от меня.

Мгновение он молчит.

— Вау, а ты действительно думаешь, что я ублюдок.

Что-то в моей груди скручивается. Я могла просто позволить ему высказаться. Скорее всего, он нес бы то же самое дерьмо, что слышала каждая стриптизерша, только я не дала

ему попытаться, да?

— Прости. Я не должна была...

— Нет, я имею в виду, ты права.

— Неужели? — Меня не удивляет, что я права. Меня удивляет, что он это признает.

— Я — ублюдок, — говорит он. — Настолько, чтобы взять с тебя твою долю аренды, это точно. И готовить мы будем по очереди.

Улыбка трогает мои губы.

— Слишком скоро?

— Немного. Я мог бы дать тебе двадцатку. Начнем с малого.

Я закатываю глаза.

— Ладно, возможно, я перескочила сразу к выводам.

Он замолкает, становясь серьезным.

— Нет, ты права, я несу бред. Это не совсем то, что я хочу от тебя.

— Так чего ты хочешь?

Он замолкает.

— Проводить тебя домой. Можно? Завтра.

Это — самая приятная вещь, о которой меня когда-либо спрашивали. Как держаться за руку, как поцелуй в щеку. Я одинока настолько, что это кажется невозможным, а я не верю в миражи. Может быть, какой-то части меня нравится находиться в пустыне.

— А сегодня?

— Сегодня... — Он скользит рукой вниз по моему бедру, зажимая меня между стеной и своим телом. — Сегодня мы можем сыграть в игру.

— Только не в спасителя, — шепчу я.

Кип пробегает языком по моей шее, его рука оказывается подо мной, приподнимая выше, пока мои ноги не отрываются от земли.

— Не рассчитывай, что я спасу тебя, Хани. Я только разочарую.

Но он не разочаровывает. Невысказанное обещание чувствуется в его пальцах, которые находят мою кисть и потирают по ней через мои штаны для йоги — настойчиво и быстро. Мой стон оказывается в ловушке его рта, его губы припадают к моим, а язык погружается в меня глубоко и грубо.

— Тогда что это за игра? — спрашиваю я, дрожа, когда он принимается покусывать мое плечо.

— Игра заключается в том, что тот, кто кончает первым... проигрывает.

Мой смех превращается во вздох, а так как его жесткая длина направлена на мой клитор, одежда кажется тоньше воздуха. Мы раскачиваемся, обретая ритм, чувствуя его в наших сердцах и в наших телах. Из-за стены доносится бит, музыка чье-то выхода на сцену, чье-то ругательство, и мы используем этот бит, делая своим собственным, извиваясь друг перед другом, пока нас не охватывает жар.

Затем внезапно я возвращаюсь на землю.

Я бы упала, если бы не его руки, которые возвращают мне равновесие, когда он разворачивает меня.

Теперь я стою лицом к стене, почти обнимаю ее, щекой и грудью прижавшись к кирпичу, а моя задница выставлена напоказ, когда он сдергивает вниз до колен мои штаны. Грубые руки опускаются на мои бедра, подтягивая к нему ближе, чтобы он мог лицезреть... чтобы мог проникнуть.

Слышу звук разрывания. Шелест фольги. И чувствую откровенную тяжесть в лоне.

Я трахала его пальцы и его сапог. Но это — первый раз, когда он погружается в меня своим членом. Хорошо, что я не смотрю на него. Чувствую одновременно и холод, и жар, прижимаясь к холодной зернистой поверхности, когда в меня вторгаются сзади.

Его член настолько толстый, что я хнычу.

— Почти, — бормочет он.

Но если я думала, что он сжалится, будет действовать медленно, я ошибалась. Он входит на всю длину, придвигая к себе мой таз, чтобы я приняла его до конца. Мой рот открывается с тихим вздохом. Я слишком наполнена. Слишком наполнена его членом. Слишком наполнена воспоминаниями.

Так Байрон трахал меня сзади.

Но при этом все сейчас совершенно по-другому. Абсолютно горячо. Абсолютно удивительно, когда он наполняет меня, снова и снова. Когда его рука приближается поиграть с моим клитором. Как ни в чем не бывало, словно перед нами все время в мире. Никакой спешки, даже если мы находимся на улице.

Он может трахать меня вечно, что он и делает, входя в меня, пока мое лono не становится скользким, пока мой клитор не становится опухшим и нуждающимся под его пальцами, умоляя об освобождении.

Мой стон воплощает все, что мне нужно. А нужно мне, чтобы меня держали и трахали. Чтобы меня хотели.

— Кончи, Хани, — шепчет Кип мне на ухо. — Кончи на мой член. Я хочу почувствовать твой бурный оргазм.

И я не могу сдержать ни ответов своего тела, ни своих слез. Я содрогаюсь от кульминации, сильно сжимая стенки влагалища, чувствуя, как влажный жар стекает на его член и вниз по моим бедрам. Я проигрываю в игре, но это не чувствуется поражением, не тогда, когда удовольствие расплавляет мое тело. Затем Кип сжимает мои бедра стальной хваткой, впивается пальцами в мягкую плоть, используя мое тело в роли поршня, вколачиваясь в меня, пока сам с рычанием не достигает кульминации.

* * *

Байрон должен считаться опасным. И мой отец. И даже Иван. Они — как ветра которые сдувают меня, толкая вперед, будто я ничего не вешу. Даже когда я упираюсь пятками, скольжу по грубой поверхности из камней и не могу обрести свой баланс. Я боюсь ветра, боюсь его силы, но я не понимала, что передо мной большая опасность. Кип — моя скала. Каждый порыв ветра подталкивает меня ближе к нему.

Когда я упаду — только вопрос времени.

Кип ждет снаружи, когда я покидаю клуб, и я вздыхаю с облегчением. Каждый раз я думаю, что спугнула его. Он больше не заходит внутрь. Даже завидую ему в этом.

— Теперь ты всегда будешь это делать? — спрашиваю я.

Из-за уличного фонаря в нескольких шагах тени кажутся только более вытянутыми. У Кипа темные и непостижимые глаза. Но ухмылка на его губах говорит все, что мне нужно знать.

— У меня есть кое-что для тебя.

— Правда? — Слова пробуждают во мне больше интереса, чем нужно. Я иду, и он

непринужденно вышагивает рядом со мной. И он провожает меня домой просто так, словно мы в старшей школе. Словно мы оба — невинные подростки.

Только я не знаю, как бы это ощущалось. Во-первых, я никогда не ходила в школу. У меня были преподаватели и книги. У меня были замки на дверях. И, во-вторых, я никогда не была невинной. Я всегда знала о мире, в котором жила, и о насилии в нем.

Кип погружается рукой в задний карман, и часть меня, маленький уголок, в котором скрыт механизм «бей или беги», взбудораживается. Что, если он вытащит что-то ужасное? Не то, чтобы я знала его хорошо. Затем он протягивает руку ладонью вверх, открывая моему взору маленькую вещицу цилиндрической формы.

— Это тебе, — произносит он.

Я беру предмет, изучая его гладкий серебряный корпус. И спусковой механизм.

— Что это?

Выражение его лица становится мрачным.

— Я подумал, что, поскольку ты сталкивалась с мужчинами, которые появляются из переулков, тебе нужно что-то для защиты. Это «Тейзер», электрошокер.

«Тейзер»? Я убежала от насилия и больше его не хочу. Даже в целях собственной защиты я не уверена, что могу причинить кому-то боль. Как можно променять свою жизнь на чужую? Не то, чтобы «Тейзер» мог убить кого-то.

По крайней мере, я так думаю.

— Осторожно, — говорит он, накрывая своей рукой мою.

Может быть, он видел, как мои пальцы расслабляются, почти уронив «Тейзер». Я замираю от ощущения, которое он мне дарит, от его тепла. От мягкости. Это раздражает почти так же, как видеть его, выходящего из тени.

— Вот так, — говорит он. — Это предохранительный механизм. Сейчас он включен. Когда захочешь воспользоваться им, переверни, а затем нажми здесь. — Его пальцы манипулируют моими, пока он показывает мне, как пользоваться шокером. Гипотетически. Хорошо, что его рука обхватывает мою, потому что моя дрожит. Я могла бы случайно ударить шокером себя, что было бы на самом деле очень болезненно.

— Будет больно, — произношу я, а звучит, как вопрос. Хотя я знаю ответ.

— Эта штука может обездвижить человека, — говорит Кип, отпуская руку. — Достаточно надолго, чтобы ты убралась подальше.

Я провожу пальцем по гладкому металлическому корпусу. Он все еще теплый от его прикосновения.

— Он может навредить?

Кип слабо улыбается.

— О, это будет чертовски больно. Неважно, насколько огромен человек, он свалится. Но если ты имеешь в виду долгосрочные травмы, нет. Ты очень беспокоишься об этой гипотетической жертве. Парень причинит тебе боль, если ты не воспользуешься шокером. Почему тебя заботит, что с ним будет?

— Просто заботит.

Кип изучает меня.

— Если кто-то потревожит тебя, не задумывайся.

Я окидываю Кипа взглядом, представляя, как шокер подействует на него. Это кажется невозможным, но не важно. Всего лишь мысль о том, что он купил эту вещь для меня, заставляет меня чувствовать себя сильнее.

— Значит, я могу использовать это на тебе?

— Зависит от ситуации, — говорит он. — Я тебя беспокою?

В нем есть определенный шарм, когда он надевает облегающую темную футболку и черную кожаную куртку. На нем джинсы, черные, как шерсть пантеры. Но это маскировка, так же, как и высоченные каблуки и бюстгальтер, которые я использую на сцене. Это яркий вид сексуальности, предназначенный для отвлечения.

Под этой улыбкой и этими мышцами скрывается разум, которого я должна опасаться. Бдительность. Он точно знает, что сказать, чтобы пробраться мне под кожу. Точно знает, что, дав мне это маленькое оружие, он заставит меня сдаться.

— Нет. — Глаза покалывает, словно булавками. Я быстро моргаю. — Спасибо.

Вместо ответа — всего лишь легко пожимает одним плечом.

— Это мелочи.

— Нет, — говорю я слишком громко. Я пытаюсь понизить голос, но знаю, что он все еще предает меня. — Серьезно, спасибо. Это — одна из самых приятных вещей...

Я не могу говорить. Не могу объяснить, даже если бы пожелала. Мужчины всегда хотели использовать меня, чтобы причинить мне боль. Он единственный, кто хочет защитить меня.

Кип почти останавливается, но его энергия смазывается, исчезает. Он становится почти смущенным. Его голос грубеет, когда он произносит:

— Хани, если это правда, тебе нужно встречаться с парнями получше.

Мой смех лишен любых красок. Я получала дорогие украшения от Байрона, но все это было для него, чтобы я могла наряжаться как кукла. Кип дал мне повод для раздумий, что-то, чтобы помочь мне чувствовать себя в безопасности. Я испытала такое лишь однажды, но это вызывает привыкание. Я хочу рассказать ему, чего еще я боюсь, как он и просит меня, и хочу посмотреть, как он решит за меня мою проблему.

Однако, есть причина, почему я не употребляю наркотики, как Кенди. Я не могу позволить себе быть зависимой.

— Тебя для меня более чем достаточно, — говорю я ему. На самом деле больше, чем я могу вынести. Я беру Кипа за руку и тащу к переулку, в котором он, должно быть, ждал.

Он отстает от меня лишь на два шага, а затем притягивает назад к себе.

— Милая?

Слово проходит сквозь меня дрожью. Вызывает зависимость.

— Я хочу поблагодарить тебя должным образом, — отвечаю я ему.

Но он сбрасывает мою руку.

— Это не обязательно.

Теперь Кип звучит разозленно, словно сжимает зубы. Мышца на шее подергивается.

Что я сделала не так? Я знаю, что он хочет меня. Я кладу ладонь ему на грудь и чувствую его сильное сердцебиение. Спускаясь ниже, ощущаю выпуклость в его джинсах. О, да, он хочет меня.

Кип делает шаг назад.

— Сейчас я уйду. И в следующий раз, когда увидишь меня, ты должна использовать то, что я тебе дал.

Затем он уходит, снова слившись с тенью, исчезнув так же, как и пришел.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Шесть месяцев назад

Между стенами офиса и коридора есть небольшое пространство. Я не знаю, оказалось ли это каким-то просчетом в изначальном архитектурном плане или просто результатом плохой работы. Может быть, пустое пространство сделано там преднамеренно, как барьер между уродством, которое происходит внутри этой комнаты и жилым пространством семьи. Но, будучи ребенком, я поняла, что могла протиснуться в это пространство и подслушивать. Несмотря на то, что я превратилась в женщину, я все еще могу поместиться там, прижимаясь грудью и задницей к пыльным внутренним стенам.

Вот куда я иду, когда оставляю отца и Байрона в офисе. Что-то в том, как они говорили, в энергии, витающей в воздухе, сказало мне, что это будет важный разговор. Поэтому я прячусь и подслушиваю.

Голос Байрона звучит мягко, но уверенно.

— Мы должны объявить об этом. Сегодня.

— Так скоро? — Голос моего отца — резкий контраст, слабый и хриплый. Так непохож на голос человека, на которого я так долго смотрела, человека, который мог командовать наемниками и преступниками. Теперь он мучается каждый раз, когда делает вдох.

Я даже не сожалею.

— Это даст нам время, чтобы договориться.

— Ей даже не сказали, — отвечает отец.

Я напрягаюсь, приседая. Что они мне не сказали?

— Сказать ей — было твоей задачей, — резко огрызается Байрон. — Она — твоя дочь.

Мой разум мчится, со скоростью света пролистывая тревожные образы перед глазами, ужасное слайд-шоу всех вещей, которые они могут сделать со мной, всего, о чем мой отец не хотел бы говорить.

Доносится звук скрипа мебели по твердому полу.

— Неважно, знает ли она, — продолжает Байрон. — Она узнает со всеми. И будет в восторге. Сын губернатора? Он *большая* шишка, чем я.

Лед заполняет мои вены. О, нет. Это намного хуже. Потому что они говорят не обо мне. Они говорят о Кларе.

— Я не уверен в паре, — бормочет мой отец. Мне приходится напрячься, чтобы услышать его. — Эти статьи в газете...

— Преувеличение, — мягко говорит Байрон. Всегда мягко.

Воцаряется молчание.

— Были фотографии.

Мое сердце бьется быстрее. Мой отец никогда не разговаривал с Байроном таким образом, становясь более кротким всегда, когда ему было хуже. Всегда, когда Байрон брал верх.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Фото можно подделать. Ты знаешь это точно так же, как и я. Доказательства говорят только о том, для чего они предназначены. — Даже отсюда я слышу предупреждение в голосе Байрона. Мой отец находится в его власти, и это не шутка. Теперь Байрон является ответственным за все, несмотря на то почтительное уважение, что он выказывает моему отцу на публике.

Слышно бормотание. Затем удар кулака по массивному деревянному столу.

— Не волнуйся сильно, — говорит Байрон беззаботным тоном. — Мы с губернатором идем свои путем. Мы дали клятву в одном и том же братстве несколько лет назад.

— Я беспокоюсь не только о Кларе, — говорит мой отец. — Хонор. Эти отметины...

О, Боже. Он действительно поднимет эту тему? Отец на самом деле их видел? Я вздрагиваю, обнимая себя руками. Все тело покрывается мурашками. Это слишком странный разговор для моих ушей. Лучше бы я ушла.

Я никогда не была уверена, замечал ли мой отец синяки. В худшие дни Байрон запирает меня в своей комнате. Фотография с мобильного телефона, сделанная горничной и проданная таблоиду, в конце концов может вставить палки в колеса его политическим амбициям. Я предположила, что мой отец чересчур отвлекался — терпя слишком много боли — чтобы заметить меньшие следы, которые оставил Байрон. Почти больно осознавать, что он их видел, но ничего не сделал.

Даже если он *сейчас* противостоит Байрону.

— Она больше не твоя забота, — мягко произносит Байрон. — Она — моя невеста. Скоро станет моей женой. Что бы мы ни делали за закрытыми дверями, это мое дело.

— Да... да, конечно. Но Хонор — женщина. А Кларе еще только шестнадцать.

— О Хонор забочусь я. И о Кларе тоже, в добавок. Я буду следить за ними, когда тебя не станет.

Явная угроза пропитывает воздух. Я чувствую ее даже через дюймы панелей из вишневого дерева. Жду, затаив дыхание, чтобы посмотреть, постоит ли мой отец за младшую дочь так, как не постоял за меня.

— Кроме того, — говорит Байрон пропитанным смертью голосом, — Клара даже не твоя.

Я вздрагиваю. Это не неожиданность — все в доме, все в большой семье, должно быть, знали правду. Но я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь говорил об этом раньше. И вместо того, чтобы рассердиться, это, похоже, сразило моего отца. Или, по крайней мере, сломило его.

— Сейчас она будет лишь ходить с ним на свидания, — наконец говорит мой отец. — Сын губернатора. Отличные связи. Клара будет счастлива. И Хонор тоже.

* * *

Все, что вы делаете с другими людьми, заканчивается представлением. Я научилась правильно улыбаться, идти верным путем. Этого хотел мой отец.

Как и многие маленькие дети, я была одержима балетом. Но, в отличие от других шестилетних девочек, я не ходила в класс, полный хихикающих детей и розовых лент. Вместо этого для меня был нанят учитель — хореограф лондонского Королевского балета, удостоенный множества наград. Для ошибки не было места. Так же, как и для детской пухлости. Часы практики каждый день оттачивали мое тело и мой разум, и все, что я знала, было — как угодить.

Как исполнить.

Мой отец превратил меня в идеальную стриптизершу, хотя был бы в ужасе, узнав о том, кем я работаю сейчас. Или, может быть, он уже чувствовал, что это грядет. Знал, когда меня трахали на его столе, когда видел все эти синяки. Тогда он отворачивался в другую сторону.

— Хочешь захватить кусочек? — спрашивает Лола, когда я направляюсь к черному

выходу.

Отрицательно качаю головой.

— Увидимся завтра.

Не хочу оправдываться и говорить ей что-то, что она и так примет за ложь.

Она смотрит на меня сверху вниз.

— Тебе не повредит поесть.

Мы все здесь стройны. Разница в том, что у нее есть выступающие изгибы. Я тренировалась в то время, когда у меня росла грудь, и в двадцать лет я сомневаюсь, что она у меня вырастет.

— Кажется, мужчинам я нравлюсь.

— Потому что ты танцуешь, как чертова снежная принцесса. Ты — неприкасаемая.

— Не похоже, чтобы мужчины стеснялись ко мне прикасаться.

Девушка всего лишь ухмыляется.

— Ты должна одолжить наряд у Кенди. Вы сойдете за тринадцатилетних.

Я гримасничаю.

— Не будь такой.

— Честной?

— Подлой.

Она опускает взгляд вниз, но я вижу боль, прежде чем она появляется.

— И здесь то же самое, — бормочет она, прежде чем отвернуться.

Моя рука тянется к ней, я хочу извиниться, сказать ей, что я поем с ней когда-нибудь.

Мы найдем дрянную закусочную и потратим пять баксов на похожие на резину яичные белки. Это было бы не так уж плохо. Но в этот раз я не могу сдаться.

Я давно научилась хранить кое-что при себе. Поэтому сжимаю руку в кулак и толкаю заднюю дверь. Есть только одно место, где я найду уединение. Это не сцена. Даже не комната мотеля, что я делю с сестрой. Нет, мое убежище — это место за лестницей на крыше здания.

Металл скрипит, когда я поднимаюсь наверх. Старая пожарная лестница совершенно не надежна, и это означает, что никто меня не потревожит. Потрескавшийся бетон и мусор — как же все отличается от прекрасного балетного пола, который установил для меня мой отец.

Меня никто не видит, и, когда я танцую, я танцую для себя.

Простой танец, без музыки, лишь под звук моего дыхания. *Плие. Подъем на полупальцах.* Я танцую для себя, когда солнце пускает свои лучи по городу, желтыми руками потянувшись к зданию, танцую до тех пор, пока мои мышцы не начинают болеть, а дыхание не становится сбивчивым. Я вытягиваюсь телом в грандиозном арабеске, пока снова не обретаю над ним контроль — больше не нужно отдирать от себя чужие руки. Я сама обхватываю себя ими сейчас.

Сжимаю до боли.

Если я опоздаю, Клара будет волноваться. Поэтому, в конце концов, я хватаю свою сумку и направляюсь к лестнице. Спускаюсь вниз, дергая за ремень сумки, когда он цепляется за металл.

— Нужна помощь?

Я подпрыгиваю и почти ударяюсь головой о перила. *Этот голос.* Он с громом прокатывается через меня, впитываясь в каждое мягкое и уязвимое пространство, заставляя

меня вздрогнуть. Кип.

Я поворачиваюсь лицом к нему.

— Ты меня напугал.

Парень поднимает бровь, глядя на меня с совершенной беззаботностью.

— Мне было интересно, куда ты пошла.

Мое сердце все еще бьется слишком быстро, и я ловлю возможность, чтобы посмотреть на Кипа. На нем его обычная темная майка и темные джинсы с черной кожаной курткой. Одежда так и кричит: «*Не еби мне мозг*». Я видела многих позеров в клубе, но бдительные глаза и шрамы на руках подтверждают его намерения. Этот человек знает, как бороться. Этот человек боролся раньше и победил.

Я не вожусь с такими людьми. Не хочу показывать свое исполнение кому-то еще.

— Не надо, — категорично говорю я. — Не интересуйся. Если я не в клубе, я недоступна. Даже не существую. Забудь, что знаешь меня.

Он невесело улыбается.

— Боюсь, что не смогу этого сделать.

Конечно, он не сможет. Или не будет. Но я же сама не могу перестать думать о нем. И не только о том, когда он снова появится и трахнет ли меня опять. Не только о том, сколько он мне заплатит. Нет, я не могу перестать спрашивать себя, куда он идет, когда исчезает. Ждет ли его женщина. Надеюсь, что нет.

Сумасшедшая.

Я забрасываю сумку на плечо и протискиваюсь мимо него.

— У меня был долгий день.

— Позволь мне проводить тебя домой, — говорит он, и затем срывает сумку с моего плеча, не дожидаясь ответа. — Я уже знаю, где ты живешь, — говорит он, когда видит, что я открываю рот. — Значит, ты ничего не выдаешь, позволив мне это сделать.

Я фыркаю.

— Ну да, конечно.

— Я всего лишь провожу. Удостоверюсь, что ты добралась домой. Затем уйду.

Мне не стоит ему верить.

Колеблясь, я обнимаю себя. Меня пробирает дрожь. Иногда мне так чертовски надоело защищаться, защищать Клару, быть бдительной к всему и всем. Иногда я хочу, чтобы кто-то был на моей стороне, чтобы был кто-нибудь, кто защитит *меня*.

— Эй, — произносит он, когда его лицо смягчается. — Я не собираюсь причинять тебе боль.

— Неужели? — Вся моя горечь, мое ожесточенное желание облегчения выливаются в вопросе.

Его глаза расширяются. Затем Кип отворачивается.

Разве это не ответ мне? Даже не удивительно. Желчь, поднимающаяся в моем горле, совершенно непрошенна. Он такой же, как и все остальные мужчины в здании позади.

Даже хуже, потому что он заставляет меня надеяться на что-то большее.

Кажется, он борется с самим собой. Как много мне рассказывать? Навредить мне или нет? Каким бы грубым и холодным Кип ни казался, я не могу представить, чтобы он затащил меня в ближайший переулок и избил. Но опять же, большинство мужчин не видели монстра и в Байроне.

Женщина. Женщина, ближайшая к мужчине, может рассказать вам, кто он на самом

деле. Иногда она единственная, кто это по-настоящему знает.

— Я просто хочу проводить тебя домой, — тихо говорит он, и его слова звучат правдоподобно.

И я больше не могу сопротивляться ему. Он здесь со своими крошечными каплями доброты, а я умираю от жажды.

— Хорошо. Тогда проводи меня домой. Но ты должен рассказать мне что-то о себе. Что-то, что другие не знают. Такова цена.

Ему придется выступить передо мной, а не наоборот.

Он не выглядит удивленным. Кивает и начинает идти. Я следую за ним, чувствуя нежеланное любопытство к тому, что он скажет. Должна признаться, отсутствие ремня от сумки на плече чувствуется хорошо. И очень приятно не заглядываться на каждую тень, ища невидимого нападающего. Никто не побеспокоит меня, пока Кип рядом.

— Моя мама, — говорит он. — Она пела. Профессионально некоторое время. В пьесах и прочем, прежде чем залетела и вышла замуж за моего мудака-отца.

— Ого.

— У нее был прекрасный голос, — тихо посмеивается он. — Не многим малышам поют «*Мадам Баттерфляй*» вместо колыбельной. Она хотела, чтобы я был лучше.

Мое сердце сжимается от жесткости в его выражении, как будто он что-то сдерживает. Эмоцию. Кажется, что даже мужчины, которые трахают стриптизерш в задних комнатах, а затем преследуют их, тоже испытывают чувства. Я не хочу переживать, но сочувствие пробирается в меня, как лучики солнца в каждую щель города — его не остановить.

— Мне жаль, — наконец произношу я. Потому что, хоть я и не знаю конец его истории, мне на самом деле жаль. Обращался ли этот мудака-отец с ними плохо и убил ли ее в конечном итоге, или она недавно умерла печальной смертью, но я знаю, что финал не очень счастливый. Вижу это по его сжатым челюстям и напряженности его кулаков.

Я сглатываю, думая о своей матери. Наверное, она хотела лучшего для своей дочери, чем профессию стриптизерши.

— Может быть, она понимает, — говорю я, а голос дрожит. — Может быть, она знает, что ты делаешь все возможное.

Он смотрит вниз, и я могу видеть только его профиль. Мы проходим еще один квартал, прежде чем он берет себя под контроль.

— Ты напоминаешь мне ее, — наконец говорит он.

Я почти спотыкаюсь, хотя передо мной ровный тротуар. И я никогда не бываю неуклюжей. Винить в этом можно лишь чистый шок. Но я заставляю себя идти дальше, опуская голову. Возможно, я ожидала не этого, но знаю, что от Кипа это — самый большой комплимент.

— Спасибо.

— У нее было столько мечтаний. И никакой надежды.

Может, и не комплимент. Эти слова заставляют меня рассердиться на то, что он мог подумать о ней таким образом. Подумать обо мне таким образом — столько мечтаний и никакой надежды.

— Это несправедливо. Она могла надеяться, но говорила тебе.

Кип смеется.

— О, она говорила мне. Рассказывала мне об особняке, в котором мы живем, и о путешествиях по миру. Мы жили на гребаных каменных обломках этих мечтаний. Мы

обитали в них. Ничего больше не было. Вместо достаточного количества еды на обед у нас были истории. Она этого не заслужила. И ты тоже.

— Это не то, что я делаю. Я не жду, когда кто-то придет с особняком или билетом на самолет. — На самом деле, я была бы не против билета на самолет прямо сейчас. Но я сыта по горло особняками с их замками и секретами.

— Ты знаешь, откуда у тигра взялись его полосы?

— А должна?

— Возможно, нет. Это было в книге рассказов Киплинга, в старой книжке из гаражной распродажи. — Его улыбка и издевательская, и нежная одновременно.

У меня сжимается сердце, когда я воображаю его голодным и тощим малышом.

— Так что это за история?

— Она темная, — предупреждает Кип, — как часто и бывает с этими историями. Царство зверей — жестокое место.

Тогда оно не так уж и отличается от человеческого мира.

— Я не боюсь.

— Уверена?

Я не отвечаю.

Он наклоняет голову, скрывая выражение своего лица.

— Однажды тигр был королем джунглей. Не лев. Тогда у тигра не было полос. И он правил с абсолютной мудростью и милосердием.

— Старые добрые времена, — произношу я с насмешкой.

Кип оглядывается на меня, глаза полуприкрыты.

— Но однажды два самца антилопы, покрытые кровью, пришли к нему за советом. Тигра охватила жажда крови и он прыгнул на одного из них, разорвав ему горло.

Я сглатываю. Не так далеко от человеческого мира.

— И вот тогда тигр с позором покинул джунгли. Когда он вернулся, сорняки на болоте поднялись и отметили его черными полосами, чтобы все увидели, что он сделал.

— Если бы так было в реальном мире, — говорю я, — тогда бы мы знали, кто плохой, а кто — нет.

— Я думаю, может, так и есть. Посмотри на меня. Большинство людей знают, что встреча со мной не к добру. — Он говорит о татуировках, которые выются вверх по его предплечьям. А может быть, и о кожаной куртке, и сапогах. И о мрачной ауре опасности, окружающей его.

— Ты сам повесил на себя это клеймо, — говорю я мягко. — Не то, что тигры.

— Для меня история именно об этом. То, что мы делаем с собой. То, как мы причиняем себе боль и отмечаем себя.

Это поучительная история. Предупреждающая.

Я ничего не говорю, пока мы не доходим до тонкой, провисающей пальмы, являющейся символом мотеля «Тропикана». Я чувствую слабую тошноту, представляя маленького Кипа, малыша, который наблюдает за тем, как мать мечтает о жизни, которой она хотела. Чувствую тошноту, представляя, как тату-пистолет пронзает кому взрослого Кипа, пока он смотрит вверх, думая, что он заслужил это как какое-то покаяние — как какое-то предупреждение окружающему миру о нем.

Но он понятия не имеет, чего я заслуживаю.

— Мне жаль, что это случилось с ней. Но я — не она.

— Я знаю это.

— Ты не можешь спасти меня, или что-то сделать, что бы это ни было.

Грустная улыбка мелькает на его лице.

— И это я тоже знаю. Это не то, что я здесь делаю.

Он вручает мне мою сумку и стоит, опустив руки по бокам, пока я начинаю отдаляться. Мои кулаки сжимаются на ремнях сумки. Я останавливаюсь, глядя прямо перед собой, лишь не бы на него.

Спустя мгновение, я спрашиваю:

— Почему ты здесь?

Не может быть, чтобы только ради секса. Он мог получить его в «Гранде». Почему он хочет проводить время со мной?

Но когда я оглядываюсь назад, тротуар пуст. Кипа уже нет.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Весь день я думаю о том, как ощущается его рука в моей ладони — теплая, сухая и защищающая. Чувство защищенности — последнее, о чем мне нужно переживать. У меня какой-то сбой? Я теряю связь с реальностью? Потому что Кип — самый грубый тип клиентов. Он не мой белый рыцарь. Именно от таких людей, как он, мне нужно держаться подальше.

Только не сегодня, ведь он не появился. Даже когда я заканчиваю свой третий танец и спускаюсь в зал. Кто-то другой ведет меня в дальнюю комнату, и я говорю себе, что не разочарована. Я заработала деньги, в которых нуждалась, даже если мои руки пахнут дешевым одеколоном и спермой. Еще один день проходит без приключений. Это все, о чем я могу просить. Все, чего могу хотеть.

Поэтому я спешу в зал и нахожу мужчину в мятом костюме, готового облапать меня. Он делает это сдержанно, двигается, имитируя фрикции, хотя заплатил только за танец на коленях на общем этаже. Я позволяю ему, потому что это легче, чем устраивать сцены, и вздрагиваю, когда он щипает меня вместо нежной ласки.

Мужчина усмехается, пьяно и криво.

— Позволь мне забрать тебя домой, Хани.

Мои веки дрожат, закрываясь на короткий момент. Я устала и говорю «нет».

— Я не могу этого сделать, но могу устроить тебе шоу прямо здесь.

Его рука с силой сжимается вокруг моего запястья.

— Я хочу больше, чем шоу. Ты же только дразнишь, малышка.

Я устала отвечать отказом, но еще больше мне надоело, когда меня игнорируют.

— Отпусти меня, — говорю я безучастно.

Конечно, это только заставляет его усилить хватку, пока я не начинаю кривиться от боли. Уже знаю, что завтра появятся синяки, и на запястье придется использовать тональный крем.

Затем я чувствую, что кто-то становится позади меня. Ощущаю его присутствие и облегчение, а после разочарование, когда голос произносит:

— Ты слышал эту девушку.

Это не Кип.

Мужчина смотрит на Блу, явно не подозревая о том, что ему грозит, а затем подмигивает.

— Слышал, но раз я пришел сюда, значит, не должен слушать их болтовню.

Блу быстро делает что-то болезненное с запястьем мужчины, и затем я свободна. Я встаю и ухожу. Одно дело — связаться с кем-то из нас, но вот столкнуться с Блу — действительно глупый ход. Он как тикающая бомба замедленного действия. Не хочу оказаться рядом, когда она взорвется.

— Ты здесь закончил, — произносит он. Его голос низко рокочет, и на нас теперь смотрят все. Они знают, что происходит, в конце концов они приехали сюда на шоу.

Мужчина не уходит.

— Какого черта? Я не трогал ее. Она оказалась всего лишь ноющей сукой.

— Тогда ты не будешь возражать, если не увидишь ее. Не хочу снова лицезреть твою уродливую морду в клубе.

На секунду кажется, что мужчина будет сопротивляться, что было бы безрассудно, потому что Блу вдвое больше и в три раза тяжелее. Парень представляет собой измученного юнца, пытающегося выпустить пар после долгого дня в офисе. В то время, как Блу — это двести пятьдесят фунтов татуированных мышц. Но несколько напитков и уязвленное эго могут превратить человека в глупца.

Парень встает, руки сжаты в кулаки.

— Кто ты, блядь...

Может быть, у меня есть психическое расстройство, потому что в этот момент я тянусь к нему и кладу ладонь на руку этого незнакомца.

— Просто уходи, — мягко произношу я. — Будет только хуже, если ты останешься.

Я — никто. Разве он не сказал это только что? Я не такая большая, сильная, устрашающая, как Блу. Но этот человек, похоже, прислушивается ко мне. В течение секунды его взгляд сосредоточен на мне, и он делает небольшой шаг назад. Бормочет и прокликает Блу, когда хватается за куртку и уходит, но, по крайней мере, не начинает драку.

Когда он ушел, Блу смотрит на меня и все еще выглядит злым. Во всяком случае, *более* злым.

— Какого черта? — рявкает он.

Мои глаза расширяются. Он злится на меня?

— Я ничего не начинала с ним. И не жаловалась.

Он качает головой.

— В этом, блядь, и проблема Хани. Ты никогда не жалуешься. Но ты позволила ему прикоснуться к себе. Я видел это.

Я ничего не позволяла ему делать. Можно подумать, это зависит от меня.

— Если хочешь, чтобы я жаловалась каждый раз, когда кто-то будет имитировать секс, это займет всю ночь.

Что-то мерцает в его глазах. Злость? Сожаление? Затем он фыркает и отводит взгляд.

— Ты тоже закончила.

Что? Мое сердце замирает. Мне нужна эта работа. Путешествие — самая опасная вещь, которую мы можем сейчас сделать. Две юные девушки в автобусе привлекут внимание. Это означает, что кто-то вспомнит нас, если мой отец посылал людей на поиски. А я уверена, что нас узнают. Он никогда не сдавался.

— Я ничего не сделала, — шепчу я.

Я не жаловалась. Этого было достаточно. Это то, чему меня научили.

— На сегодня, — хрипло говорит Блу. — Ты закончила на сегодня. Так или иначе, ты не можешь танцевать вот так.

Я не знаю, о чем он говорит, пока не чувствую влагу на щеке. Только тогда я понимаю, что начала плакать. Это означает, что моя тушь, конечно же, течет. Должно быть, я выгляжу ужасно. Мое горло сжимается.

— Я вернусь завтра.

Блу всего лишь ворчит.

Я почти выбегаю из зала, все взгляды, в которых я читаю понимание, прикованы ко мне. Как и всегда. Все это спектакль. Я даже не утруждаюсь сменить лифчик и трусики. Просто натягиваю тренировочные штаны и майку и выскакиваю за дверь, чувствуя, как жжет глаза. Но я не могу вернуться домой вот так. Пока не могу.

Чем больше я ощущаю себя обнаженной, тем сильнее меня охватывает порыв побыть в одиночестве.

Поэтому я огибаю здание и хватаюсь за пожарную лестницу. Металл скрипит, когда я поднимаюсь на четыре фута над землей и карабкаюсь вверх остальную часть пути. Бросаю сумку и без паузы двигаюсь в плие. Затем гранд плие. Снова и снова, достаточно быстро, чтобы ошибиться и начать падать, но мне все равно. Я хочу упасть.

— Хани, — доносится низкий голос.

И я спотыкаюсь. Мне повезло, что я не подворачиваю лодыжку, но принять основной удар приходится на ладони. Затем пара сильных рук помогает мне подняться, отряхивая грязь с моих штанов, переворачивая мои порезанные ладони.

— Господи, — говорит он. — Я не хотел тебя пугать.

Я смотрю на мужчину, тени падают на его лицо из-за лунного света. Он такой красивый.

Так жестоко заставлять меня хотеть его.

Я отталкиваюсь, готовая спуститься вниз по лестнице, но увязаю в рассыпанном гравии, который собирается на крыше, будто сугробы. Мое тело бросает вперед, достаточно далеко, чтобы я увидела освещенную улицу, и я издаю вопль. Затем крепкие руки хватают меня за талию и тащат назад, прижимая к стене. Не кирпичной. *Другой* стене. Из мышц и воли, стойкой силы и глубокой печали.

— Спасибо, — говорю я, мой голос низкий и грубый, как пол, на котором мы стоим.

Я все еще дышу слишком громко, мое сердце бьется очень быстро. Я была так близка к падению. И самая страшная часть — это облегчение, которое я почувствовала бы.

— Ты всегда боишься, не так ли? — бормочет он мне на ухо.

Я не вижу его выражения лица. Все еще смотрю в сторону от мужчины. Его руки по-прежнему на моих бедрах. Но я могу представить его глаза, когда он говорит это, могу вообразить смесь любопытства и отвращения в них. Как будто он заинтригован мной, но не хочет этого.

Вместо этого я чувствую, о чем он думает. Он хочет понять меня. Пытается покопаться во мне, чтобы увидеть, как функционирует мой механизм. Но это никогда не сработает, потому что я не настоящая. Я — как дым и зеркала, просто волшебный трюк. Если он заглянет слишком близко, я исчезну.

Я отхожу и поворачиваюсь к нему лицом.

Его можно изучать, словно потрет: тень щетины на его челюсти, темные круги под

глазами. Потертая кожа куртки и толстая джинсовая ткань. Он — воплощение его собственной планеты, ландшафта, который нужно исследовать, гор, на которые можно подняться, и океанов, в которых можно утонуть. Пальцы зудят от желания коснуться его, хотя не уверена, откуда начать. Думаю, с волос, потому что я хочу знать, могут ли хотя бы они быть мягкими. Потому что остальное его тело такое твердое.

Но я не прикасаюсь к нему.

— Чего ты хочешь?

Он отводит взгляд и вздыхает.

— Дать тебе кое-что.

— Еще что-то? — У меня в сумке все еще лежит «Тейзер», который он дал мне. Не то, чтобы я могла использовать электрошокер на нем. Мужчина только что застал меня врасплох.

Он тянется к куртке и вытаскивает что-то. На этот раз мне не нужно спрашивать у него, что это такое. Я даже не протягиваю руку.

Вместо этого из меня вырывается странный звук.

— Пистолет?

Его лицо почти обьято стыдом — резкий контраст с блестящей, тяжелой, металлической вещью, которую он держит так умело.

— Я подумал... «Тейзера» недостаточно. Не в этом районе. Не с твоей работой.

— Это хоть законно? — скриплю я.

Ответом мне служит только низкий смех.

— Ты хочешь свое имя в базе данных?

— Нет, но и пистолет я не хочу. Я, скорее всего, случайно застрелю кого-нибудь, чем смогу защитить себя от нападающего. «Тейзер» и так стал для меня большим шагом. Пистолет пугает запредельно. Это слишком много. Я не могу его принять.

Кажется, он это понимает. Кип кивает и прячет его обратно в пиджак.

— Если передумаешь...

Я смотрю на него одновременно со смущением и восторгом. Насколько же странные подарки он мне приносит. Сначала электрошокер. Теперь пистолет. Оба настолько жестоки. Я ненавижу насилие, но они воплощают собой защиту, а она мне нужна.

Этот мужчина — как кошка, приносит мне мертвую мышь в подарок. И тревожно... и мило

— Хочешь, чтобы я ушел? — спрашивает он.

Я должна ответить ему «да». Должна сказать ему уйти.

— Не уходи.

Боже, я слишком глубоко увязла. Сколько времени прошло с тех пор, как меня влекло к человеку? Не уверена, что такое когда-либо случалось. Я влюблялась в телохранителя, но это было, когда я была девочкой, несмотря на взрослые вещи, что он делал со мной. Едва ли было время или возможность посмотреть на других мужчин, прежде чем я была помолвлена с Байроном. И теперь я так глубоко увязла во влечении к этому человеку, к Кипу, что не знаю, как отступить.

Кип слабо улыбается.

— Тогда я останусь.

Я, прищурившись, смотрю на него с игривостью и подозрением.

— Теперь, когда я здесь с тобой, что ты собираешься со мной делать?

Его улыбка обещает мне всевозможные предложения.

— Зависит от...

— От чего?

— Того, что тебе нравится.

О, а он хорош. Во мне загорается маленькая искра удовольствия. Это может быть простым ответом, который он дает всем девушкам, но это работает. Мысль о том, что Кип заботится, более соблазнительна, чем его шарм, или его мышцы, или сапоги. Я танцую каждый день, пытаюсь угодить людям, которых даже не знаю. И вот он — пытается угодить мне.

— Мне нравится танцевать.

— Я бы хотел это увидеть.

— Тогда почему бы тебе не войти в клуб?

— Не так. Я бы хотел, чтобы ты танцевала так, как тебе по душе.

Не уверена, возможно ли это. Если я знаю, что он там, я буду танцевать для него. Я слишком хорошо натренирована — Байроном, моим отцом. Я танцую даже для Клары. С другими людьми нет раскрепощения. Только в одиночестве.

— Никаких танцев, — говорю я, чувствуя странное разочарование.

— Тогда давай приляжем, — мягко говорит он. Может быть, он знает, как тяжело мне сближаться. Может быть, ему тоже тяжело. — Мы можем посмотреть на звезды и позволить им танцевать за нас.

Мое сердце сжимается от чего-то, напоминающего тоску.

Он еще даже не ушел, а я уже скучаю по нему. В последнее время ко мне проявляли так мало заботы. Если вообще когда-либо проявляли. И вот он — тайный арсенал добродетели. *Игра на выживание*. Я помню, что о нем сказал Блу. Даже Иван предупреждал меня.

Кип стоит там, выглядя грубым и пугающим, словно разрушит весь мир за то, что тот посмотрел на него искоса. На его костяшках есть шрамы, которые говорят, что он пытался. Его сломанный когда-то нос, свидетельствует, что он проиграл. Но, несмотря на все это насилие, он прикасается ко мне с желанием.

У него уже есть мое тело, купленное и использованное. Но он хочет чего-то другого.

Он хочет меня.

***

Мой отец любил мою мать. Я была молода, когда она умерла — когда он убил ее — но я так много помню.

Помню, как он боготворил ее, давая ей все, что она просила, и многое другое. Помню, как она смеялась и говорила ему, чтобы он не баловал ее. Я выбиралась из своей комнаты, когда они закатывали вечеринки. Даже в толпе людей, одетых в дорогие наряды и смокинги, их было легко заметить. На ее лице всегда была улыбка, а он всегда смотрел лишь на нее. Они танцевали посреди комнаты, затмевая всех остальных.

И вот однажды мой отец подошел ко мне с красными, опухшими от слез глазами, с голосом, отягощенным скорбью, готовый сказать мне, что она умерла. Кажется, я знала, что он это сделал. Об этом мне поведало отсутствие мести. Если бы кто-то другой застрелил ее, отец уничтожил бы весь город, лишь бы отомстить за нее, но вместо этого всего лишь провел небольшую погребальную церемонию с закрытым гробом под дождем. Мне хотелось, чтобы

этот гроб оказался пуст. Но на самом ли деле было лучше верить в то, что она бросила меня?

Возможно, именно поэтому я спала с моим телохранителем. Это был способ оказаться ближе к моей матери, быть похожей на нее спустя годы после ее ухода. Конечно, тогда я не понимала, что двадцатиднолетний мужчина, интересующийся четырнадцатилетней девочкой, это плохо. Не думаю, что он хотя бы заботился о моем теле. Он был наркоманом, а я была его дозой. Трахать дочь босса — было еще одним риском. Мужчины, которым платил мой отец, не имели настоящих резюме или планов на пенсию.

Они никогда до нее не доживали.

На крыше стрип-клуба мы находимся в тысячах миль от этого мира. Вдали от смокингов и бальных платьев. От любви, ревности и мести.

Есть только человек, который хочет трахнуть меня, прикоснуться ко мне, заставить меня объезжать его сапог.

Человек, который заплатит за это право.

В стенах клуба он платит наличными. На крыше он платит подаренным оружием и неожиданной мягкостью. Платит задумчивостью, но это все равно валюта. И поэтому я позволяю себе расслабиться. Он откладывает пистолет и разворачивает свою куртку, как одеяло. Затем я устраиваюсь, положив голову на его руку и глядя вверх.

— Как долго ты здесь живешь? — спрашиваю я.

Я не собиралась задавать вопрос, но он все равно сорвался с уст. Мы не должны сближаться. Трахаться, сосать, но не задавать вопросов и не искать ответов.

— Не долго, — говорит он, глядя в небо. — Я не остаюсь подолгу на одном месте.

— Звучит неплохо, — бормочу я. Не пустив корни, не придется их вырывать.

— Иногда... В некоторых случаях я задаюсь вопросом, как бы это было — иметь все, что мне нужно, прямо у меня под рукой. Еду, кровать. Секс.

— У тебя это есть. — Это не должно наводить на размышления. То есть, он может купить их в ресторане или мотеле. Или в стрип-клубе.

Но когда он смотрит на меня, в его глазах горит огонь и намерение, как будто он наконец берет то, что принадлежит ему. Слова меняются и обретают напряженность. Они становятся его вкусом и теплой курткой, на которой мы лежим. Они становятся сексом, в котором я ему скоро уступлю.

Кип пробегает взглядом по моему вытянутому телу. На мне штаны для йоги и майка, но под его взглядом я уже обнажена. Он раздевает меня глазами, оставляя голой, уязвимой и странным образом не объятый стыдом.

— Ты прекрасна, — произносит он хрипло.

Я вздрагиваю, потому что Байрон говорил мне это. Конечно, его слова были комплиментом лично ему, похвала за то, что он нашел идеальный аксессуар для своей жизни.

Кип замечает.

— Тебе не нравится это слово.

— Нет. Да. Я не знаю, — я тихо посмеиваюсь. — Это сложно. Я похожа на свою мать.

Это то, что всегда говорил мне отец с легким оттенком грусти в глазах.

В моих глазах тоже, должно быть, горе, потому что Кип говорит:

— Ее больше нет.

— Это было давно. Мне казалось, что я с этим смирилась, но почему-то думаю о ней намного больше. Возможно, потому что Клара платит за ее грехи. Может быть, потому что я

тоже.

Он молчит мгновение.

— Думаю, что мы никогда не смиримся с прошлым. Оно всегда формирует нас.

Тогда как оно формирует тебя? Но я стараюсь не задавать этот вопрос. Я думаю, что со спокойствием, окружающим нас, пока мы так близко к звездам, он мог бы сам рассказать мне. И что мне тогда делать? Я не могу заботиться о мужчине. Меня не волнует ничего, кроме моей сестры. Все, что я дам себе, — это одну ночь с человеком, которого я выберу.

Потому что, когда я беру его руку и кладу на свою грудь дело, вовсе не в оплате.

Выдыхая, Кип обнимает меня. Толстые пальцы поглаживают кожу выше края майки, пока тяжелая ладонь согревает меня сквозь ткань. Я все еще слышу, как он говорит, что я прекрасна, но он сдерживается, задумывается.

— Я вижу тебя, — наконец бормочет он. — Только тебя.

Это его способ задержать меня в настоящем, и он работает. Кип меня видит, потому что ничего не знает о моем прошлом. Он не знает, откуда я пришла или куда иду. Мне так надоело быть дочерью моего отца, дочерью моей матери, защитником моей сестры. В данный момент я — только я. Всего лишь теплое тело для использования, и я хочу быть им для него.

— Ты хочешь, чтобы я сейчас станцевала для тебя? — шепчу я, хоть и сказала, что не буду.

Он медленно качает головой, глаза на его лице темные и серьезные.

— Тебе не обязательно танцевать. Тебе даже не нужно двигаться. Просто позволь мне заставить тебя чувствовать себя хорошо.

Я не помню, что такое хорошо, но его сильные руки напоминают мне. Они приподнимают край моей майки, открывая кожу прохладному ночному воздуху. Они движутся кругами на моей коже. Кип оттягивает ткань над моей грудью вниз, втягивая воздух, когда видит мой кружевной бюстгальтер.

Его ладонь выглядит темной на фоне дерзкой ярко-красной ткани. Он поглаживает большим пальцем по вершине моей груди, задевая сосок, пока тот не становится похожим на горошину. Тело реагирует на него, пока я ничего не делаю — как он сказал, мне даже не нужно двигаться. Мои руки остаются лежать по бокам, голова покоится на краю сложенной куртки, которая для меня — словно подушка. Она приподнята настолько, что я могу наблюдать, как Кип гладит мои груди, пока я пассивно лежу, но это так легко — просто лежать там и позволять ему, так легко чувствовать удовольствие, проходящее через меня, не напрягая мышц.

Кип проводит пальцем по изгибам моей маленькой груди, прослеживает линии лифчика. Затем просовывает руку под меня. Это шокирующее тепло — его рука на моей груди. Грудь, которую я оголяла для стольких мужчин. Теперь она сокрыта — им.

Кружевная ткань, отодвинутая вверх до предела, растягивается под его рукой. Под тканью ладонь смещается, находя мой сосок большим и указательным пальцами. Он слегка сжимает его, и вырывает из меня звук, похожий на мягкое хныканье.

— Ты ощущаешься так хорошо. Как гребаное небо. — Он перекачивает мой сосок между пальцами. — Это то, о чем я мечтаю. Держать тебя в постели, приносить тебе еду и вино, прикасаться к тебе столько, сколько я захочу.

Мои глаза закрываются, я проигрываю в голове его фантазию. Вместо стриптизерши в захудалом клубе я была бы его личным секс-рабом, качалась бы среди шелков и желания.

Мое тело нагревается при этой мысли, увлажняясь в сердцевине.

— Кип.

— Ты бы хотела этого? — бормочет он. Кажется, он точно знает, что со мной делает. — Могла бы лежать и позволять мне прикасаться к тебе столько, сколько я этого хочу? Даже когда ты заснешь, мои руки буду на тебе. На этой красивой груди. На твоей киске.

И затем, дабы продемонстрировать свою точку зрения, он убирает руку с моего лифчика и скользит вниз, под пояс моих штанов. Он не останавливается, пока не достигает влажности там.

— Черт, тебе это нравится. — Он действительно шокирован.

Кип заставляет меня рассмеяться, хотя это почти хихиканье. Я даже не знала, что смогу издавать подобный звук, но сегодня открыто много чего нового. По-видимому, я принадлежу к тому типу девушек, которые могут пить алкоголь с мальчиком, которого любят, и которому позволяют обрабатывать их пальцами, пока они играют послушных, невинных жертв.

Конечно, я не невинна. И не уверена, что он мне нравится.

— Не останавливайся, — говорю я.

Это вызывает слабую улыбку.

— Я не собирался.

Он проводит пальцами по влажности там, но без цели, без спешки, которая мне нужна, чтобы кончить. Он просто чувствует меня, исследуя, так, как делал с моей грудью. Ноги уже раздвинуты достаточно, чтобы дать ему доступ, но я не планировала, что мои колени сами разойдутся в стороны. Это приглашение, и он не промахивается, толкаясь глубже, но все равно лениво растягивая ласку.

Мне недостаточно, поэтому из меня вырывается хныканье.

И это звучит как приглашение. Это должно быть призывом, потому что он отталкивается и перекидывает ногу через мою грудь. Кип снимает рубашку, и я вижу его торс в полной красе, широкий и сильный, покрытый тату-трайблами и шрамами. Он — опасный. Первобытный.

И на сегодня он мой.

Затем Кип расстегивает джинсы, вытаскивая свой член. Он прижимает конец к моим губам без прелюдии или изящества. Его тело закрывает лунный свет. Единственное, что я вижу, это его тень. Все, что я чувствую, это мускусный запах его предсемени.

Он обводит кончиком с соленой жидкостью по моим губам, так же, как он использовал мою же влажность, чтобы увлажнить мои соски. Но сейчас не он вытирает ее. На этот раз это я облизываю губы, пробуя его в первый раз.

На вкус он — как опасность и удовольствие, как риск и награда.

— Откройся для меня, — стонет он.

Я размыкаю губы, позволяя ему войти, почти с благодарностью наслаждаясь тем, как все его тело застывает. Я вдыхаю его, соленый аромат его члена, уже пахнувший мной и им, словно мы занимались сексом. Он смотрит на меня, когда я вращаю языком вокруг его головки его члена и не отворачиваюсь.

Есть правила, гласящие о том, что нужно смотреть в глаза. О том, что даже для минета нужно использовать презерватив.

Но я нарушаю их. Мой язык, мои губы и даже край моих зубов работают ради его удовольствия, подталкивая его все быстрее и сильнее, чем когда-либо раньше, — не потому, что я хочу, чтобы это закончилось, а потому, что я знаю, что это случится. И когда все

закончится, я хочу, чтобы он помнил меня.

Глупо. Безрассудно. Мне все равно. Прямо сейчас я хочу этого так же, как и выжить.

Он рычит и находит ритм, и я подстраиваюсь в своих движениях под его, открывая горло, позволяя ему войти глубже, втягивая воздух и используя язык в тандеме, чтобы подтолкнуть его к краю. Как и он толкал меня. Между нами — обоюдоострый меч, но не я сейчас порежусь. Кип дрожит, стонет, почти припечатывая меня к крыше, пока трахает мой рот.

Локон моих волос выбивается на лицо, дергаясь от грубых движений его тела и моего. Кип тянется вниз, и осторожно убирает локон со лба. Хоть я и лежу на кожаной куртке, с руками, прижатыми к моим бокам, пока меня трахают, используют — прикосновение все равно почти нежное.

— Боже, — вздыхает он, а затем тепло наполняет мой рот.

Я глотаю быстро, только чтобы обнаружить, что еще больше брызг вырывается из его головки. Он так обильно кончил, словно хранил все для меня всю жизнь. Я глотаю снова и снова, пока не остается лишь только слабый соленый аромат, и Кип вытаскивает член.

Он проводит большим пальцем по моей щеке, затем наклоняется, вытирая каплю своей спермы из уголка моих губ.

— Спасибо, — говорит он.

Я позволяю ему укутать меня курткой, согреть себя. Только тогда я понимаю, что мне холодно. Я замерзаю, и все еще дрожу, пока он не соскальзывает под меня, сгребая в крепкие объятья.

— Шшш, — успокаивает он.

— Я ничего не сказала, — говорю я.

Чувствую его улыбку.

— Я все равно тебя слышал, Хани. Я всегда слышу. Тебе даже не нужно что-то говорить. Тебе достаточно лишь почувствовать, и я услышу это, как проклятый церковный колокол.

— Ты религиозный человек? — спрашиваю я, сонно улыбаясь.

— Нет, никогда не был. Но ты заставляешь меня хотеть им стать. Я хочу поклоняться тебе.

Его член уже снова наполовину встал, я чувствую это своим бедром. Он следует своему обещанию, поклоняясь мне своими губами, языком и пальцами, пока я не выгибаюсь на этой крыше, пока не открываю рот и не давлюсь бессвязными словами, умоляя, плача, нуждаясь, в то время как тяжелая луна довольно смотрит на нас сверху вниз.

Его член широко растягивает меня, наполняет, пока я могу только раскачивать бедрами, находясь на грани.

Он рычит при каждом толчке, издавая первобытный звук, что лишь подталкивает меня. Его дыхание жаром отбивается от моей кожи. Его бедра широко раздвигают мои ноги. Я полностью захвачена им, взята в плен, охвачена желанием получить больше.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — прошу я бесстыдно, избавившись от кандалов, которые ношу под этой крышей на сцене.

Но это слишком много. Я слишком громко кричу. Особенно, когда он движется, чтобы задеть еще одно место внутри меня. Я стону, и его рука опускается на мой рот. Вот, что толкает меня — ощущение грубой ладони на моих губах, то, как он успокаивает меня, как контролирует. Меня накрывает ярким и громким взрывом, который прокатывается по мне,

заставляя меня сжиматься вокруг его члена, пока Кип пульсирует во мне, кончая.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Скоро рассвет, и я осторожно спускаюсь по пожарной лестнице, стараясь не слишком сильно грохотать по железу. Мне нужно торопиться, чтобы успеть вернуться к Кларе вовремя. Это мой повод, чтобы уйти раньше, не разбудив Кипа. Ладно, я не просто уйду. Я сбегаю. Но Кип спит. Должно быть, я тоже ненадолго отключилась.

Нам будет легче, если он проснется в одиночестве. Вместе нам не сбежать. Это не сказка, и я не повторю ошибок своей матери. Я знаю, что мужчинам лучше не доверять.

Я знаю, что лучше не любить.

Кенди прислоняется к кирпичной стене. Она вынимает сигарету изо рта и выдувает дым в мою сторону. Оглядывает меня сверху донизу, явно не впечатленная увиденным.

— Разве мы не говорили тебе, чтобы ты не связывалась с клиентами?

Конечно, они говорили — и хуже всего, они правы. Для меня это не очень хорошо.

— У меня нет отношений, — лгу я.

Она смеется, низко и едко.

— Куда уж больше, если ты трахаешься снаружи клуба. Дай угадаю: ему не пришлось платить за это. Это было веселья ради.

Я вздрагиваю, потому что я даже не думала просить об оплате. То, что мы сделали, вдруг стало чувствоваться дешевой. Но таким оно и является... дешевым.

— Прекрати, — шепчу я.

— Разве это ты ему сказала? — в ее голосе звучит насмешка, а глаза сверкают. Я никогда не видела ее такой. Могу только предположить, что заслужила гнев за то, что не придавала значения ее совету. За то, что храню свои собственные секреты.

— Мы просто поговорили.

Она закатывает свои красивые глаза.

— Я слышала тебя отсюда.

Мое лицо горит от смущения. Я кончила там не так уж и тихо. Я *наслаждалась* собой там, и, может быть, это смущает больше всего. Наконец я поняла, насколько замечателен секс, и это случилось на крыше стрип-клуба.

Я слышу металлический лязг, а затем вижу, как спускается Кип. Рубашка, джинсы и сапоги снова на нем, и, черт возьми, он хорошо выглядит в них.

Затем я смотрю на Кенди и понимаю, что она поймала меня на том, как я оцениваю его. Я краснею, хоть мне и кажется, что это херня. Мужчины могут глазеть на нас всю ночь, а я не могу рассмотреть прекрасное мужское тело?

Он кивает Кенди, его голос хриплый спросонья.

— Доброе утро.

Она фыркает.

— Заполучил себе бесплатный трах, не так ли?

— Я бы не так выразился, — говорит он, хотя, кажется, не удивлен ее резким словам.

— Могу поспорить.

— У тебя проблемы со мной?

— Несколько, на самом деле. — Она ухмыляется. — Я знаю, кто ты.

Ее слова врезаются в мою кожу, словно острые льдинки. Она знает что-то о Кипе, чего я не знаю. Но, может, она не врет. Выражение его лица совершенно пустое, лишенное эмоций, и я знаю, что это правда.

— Молодец, — говорит он, точно так же, без эмоций.

Взгляд Кенди скользит по мне, глаза слишком невинны, чтобы быть реальными.

— Она знает, что ты связан *кровно*?

— О чем ты говоришь? — спрашиваю я. С кем связан кровно?

— Почему бы тебе не просветить ее? — говорит она Кипу. Затем бросает сигарету и возвращается в клуб своей сценической походкой, виляя бедрами.

Я обращаюсь к Кипу.

— Расскажи мне.

Он качает головой. Его глаза темные, такие же неподвижные, как кирпичная стена позади меня.

— Нечего говорить. Мой брат — придурок. Обзавелся репутацией в этих краях.

— Как и ты, по-видимому?

Это заставляет его улыбнуться. Но я знаю, что это не вся история. Он, определенно, что-то скрывает. Кенди знает, что он связан с *каким-то придурком*, но почему она думает, что меня будет это заботить? Это убеждает меня в том факте, что я многого не знаю о Кипе. Ровно столько же, сколько не знаю о его брате. Я даже не знаю его фамилии.

Он делает то, что заставляет мои внутренности сжаться. Тянется за спину — за пистолетом? Может быть, он попытается вернуть его мне снова. Но я не могу его принять. Или за кошельком? За деньгами? И не только из-за колкости Кенди. Однажды он сказал мне, что всегда будет платить за *эту* привилегию. Он обещал мне это. Это была его черта на песке, но я стираю ее.

Я знаю, что так станет еще запутаннее.

— Нет, — говорю я. — Не надо.

Он наклоняет голову набок.

— Что не надо?

— Не превращай это в дешевку.

* * *

Все покрыто туманом и мраком. Не так, как на сцене, на ней слишком светло. Ослепляет меня. Между деревьями так темно. Я едва могу разглядеть тропу впереди меня. Следую по ней, надеясь вскоре найти открытое пространство. Безопасное место, чтобы отдохнуть. Но деревья надвигаются все ближе и ближе с обеих сторон, пока я едва могу вздохнуть. Сквозь темную стену джунглей я вижу, как моргают зеленые глаза. Затем слышу шипение змеи.

И просыпаюсь.

Пот стекает по мне каплями. Вокруг темно, как было и во сне. Я едва могу разглядеть выцветшие покрывала в цветочек, под которыми лежу. Стены кажутся черными и угрожающими, но это не джунгли, а всего лишь комната мотеля.

Мое сердце выбивает миллион ударов в минуту. Я вытаскиваю себя из постели и выпиваю воду, которую заранее набрала. Затем встаю рядом с кроватью Клары и наблюдаю, как она спит.

Мне хорошо видно, когда я сажусь на краю, поджав под себя ногу. Даже когда мои глаза приспособились к темноте, я не могу разглядеть ее лицо. Это не имеет значения. Я знаю ее лицо так же, как и свое. Я вижу, что покрывало поднимается и опадает. Вот что важно. Может быть, это жутко — смотреть, как она спит. Мне все равно. Пока она дышит, пока она в безопасности, все то, что я делаю, стоит того. Я стою чего-то.

Должно быть, она чувствует меня, потому что начинает ерзать. Она перекачивается на бок, лицом ко мне. Ей снится плохой сон?

Клара открывает глаза. Они такие яркие в темноте. Хотя не зеленые. Не страшные.

— Хонор, — говорит она, и голос звучит сонно.

— Возвращайся ко сну, — говорю я, успокаивая. — Все в порядке.

Надеюсь, я ее не испугала. И да, не испугала. Она верит, что я защищу ее. Единственная проблема — я не знаю, как это сделать. Моя жизнь никогда не была в безопасности. Это далекая идея, как вроде той, чтобы ступить на луну. Или влюбиться. Все, что я знаю — это то, как выживать.

— С тобой все в порядке? — спрашивает она тихим голосом. Она, должно быть, уже наполовину спит.

— Я в порядке, — обещаю я, и знаю, что должна оставить это, но что-то толкает меня вперед. Сейчас она уязвима. Она честнее, чем когда-либо. — Ты в порядке, Клара? Ты счастлива здесь?

— Не счастлива. Я не могу быть счастливой.

Я вздрагиваю. Мне стоило знать ответ — возможно, я знала его все это время, но не была готова услышать. Не посреди ночи, так скоро после кошмара.

— Боже, Клара, — шепчу я. — Что я наделала?

Я знаю, что мы не могли остаться там. Я никогда бы не позволила Байрону или его друзьям прикоснуться к ней. Но то, что у нас есть сейчас — тоже плохо. Комната в дерьмовом мотеле. *Я не могу быть счастливой.*

— Ей больно, — шепчет Клара. — У нее всё болит.

О ком она говорит? О себе? Я ищу свой голос, чтобы успокоить ее, как смогу.

— Никто тебя не обидит, детка.

— Они убьют его.

Я содрогаюсь.

Ее рука тянется через одеяло и захватывает мою. На ощупь она как лед. Я сжимаю ее. В такие определенные моменты она полностью честна. Я чувствую, как она снова ускользает сон. Это к лучшему. Вероятно, она даже не вспомнит об этом завтра.

Они убьют его.

По правде говоря, они, вероятно, уже убили его. Молодой человек, который жил в поместье нашего отца, сын одного из охранников помог нам сбежать. Прежде чем встать, я жду, пока ее дыхание выровняется, и хватка вокруг моей руки ослабнет. Мне до сих пор не удалось уснуть, поэтому я бреду к окну. Шторы в комнате мотеля тяжелые и широкие. Они блокируют большую часть света. Поэтому, когда я отталкиваю их в сторону, чтобы взглянуть в окно, даже слабый лучик света слепит мои глаза.

Тротуар пуст. Все тихо и спокойно.

Рукой прохожусь по статуе Мадонны, и она пошатывается на подоконнике. Она светлая, пустая. Изготовлена из пластика. Я не уверена, кто купил бы такую статую в качестве религиозного символа, ведь это слишком непочтительно, но именно этим она для нас и

является — символом.

Она смотрит на нас: мать, держащая ребенка. Она защищает нас. До сих пор это работало.

Я прикасаюсь кончиком пальца к ее голове. *Еще немного. Как только я получу доказательства против моего отца, я могу использовать их в качестве рычага. Тогда мы будем свободны от него.*

Нам больше не понадобится защита Мадонны с перегоревшей лампочкой внутри.

* * *

Мой отец — потомок одной из первых ведущих семей в Лас-Вегасе. Из-за нашего генеалогического древа и политики криминального мира, он не играл важной роли в более крупной организации. Но его все еще уважали. Его все еще боялись.

Он рассказывал мне истории на ночь о *delitto d'onore*. Почетных убийствах. О мужчинах, которые не уважали свои семьи и которых нужно было устранить. Я не понимала, пока позже не осознала, что такое *delitto d'onore* стало причиной, по которой он убил мою мать. Не понимала, пока позже не осознала, что поэтому он может убить и меня... если найдет.

Может быть, однажды я пойму, какая честь действительно имеется в виду, потому что я не могу быть такой, как он. Не могу отдать Клару одному из друзей Байрона. Не могу допустить, чтобы ее продали монстру — все во имя семейной чести.

Как и случилось со мной.

Я покончила с честью. Я готова быть плохой. Нарушать правила не только за деньги. Вот только, конечно, человек, с которым я хочу нарушать их, не возвращается в течение пяти ночей. Пяти долгих ночей, на протяжении которых я танцевала в задымленной комнате и избегала лапающих рук. Девушки понимают, что со мной что-то происходит.

— А я говорила не встречаться с ним, — говорит Лола.

Я не поднимаю головы, пока натягиваю спортивные штаны и майку. Я голая под ними, но ощущения от мягкого флиса — словно облегчение после резких движений, и даже более резких огней на сцене.

— Кто сказал, что я встречалась?

— На тебе лица нет. Дай угадаю. Он купил тебе обед, ты ему отсосала, а потом он не позвонил.

Настолько близко к истине, что я не могу опровергнуть ее. Но это не вся правда. То, что он, кажется, хочет больше, чем просто секса, не берется во внимание. Как и то, что я не могу дать ему это.

— Это не имеет значения, — говорю я. — Все кончено.

Лола закатывает глаза.

— Конечно, все кончено. Мы не те девочки, которых они забирают домой познакомиться с мамой. Мы не те, кого они удерживают рядом.

Я содрогаюсь. Я была девушкой, которую удерживали. Если мне повезет, мне не придется возвращаться.

— Возможно, это я не позвонила. Не только мужчины хотят секса без привязанности.

Она смеется.

— О, милая, ты так запуталась, что никогда не выберешься.

Мое сердце сжимается, потому что она права. Я сбегая и сбегая, пытаюсь оставаться в безопасности, отчаянно пытаюсь сохранить Клару в безопасности, но терплю неудачу. Легко понять, что это — мой крах, пока я стою в раздевалке стриптиз-клуба, чувствуя себя жалкой из-за какого-то парня. Из-за какого-то простого клиента. Я работаю изо всех сил, отказываясь от всего — даже от моего достоинства — и этого недостаточно.

Ты никогда не выберешься.

В горле образуется комок. Я не могу говорить, даже если бы знала, что сказать.

Лола меняется в лице.

— Дерьмо. Я не хотела....

— Не волнуйся об этом, — с грустью отвечаю я и проталкиваюсь мимо неё прежде, чем она сможет остановить меня.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

На следующий день я вхожу в раздевалку, тут же понимая, что у меня крупные проблемы. Комната пуста. Ни Кенди, ни Лолы, ни других девушек. Только Иван, сидящий на моем табурете.

Он ждет меня.

Я вижу это по напряженности его тела, и, несмотря на его обычную позу, он не сводит с меня глаз. Мужчина выглядит огромным на этом стуле, огромным рядом со столиком, который я использую. Это напоминание о том, сколько у него власти — я говорю не только о физической силе — и я предполагаю, что он планировал это.

— Хонор.

Я вздрагиваю, даже не знаю, почему. Здесь больше никого нет, но больно слышать, как он произносит мое настоящее имя. Я на самом деле не Хани — это просто фасад. Но я и не Хонор. Не девушка, которая жила ранее в запертом доме. Я — некто другой, некто без имени.

— Что-то не так?

— Видимо, да, — он делает паузу, наблюдая за мной, как будто хочет, чтобы я призналась.

— Ты что-то нашел о моей матери?

— Не уверен, почему ты ожидаешь, что я сдержу свою часть соглашения, если ты не сдерживаешь свою.

Страх сковывает мою грудь.

— Я танцую для тебя. Это было нашим соглашением.

— И как одна из моих танцовщиц, ты делаешь то, что я тебе говорю. Поэтому, если я говорю тебе держаться подальше от Кипа, ты держишься подальше.

Я вздрагиваю.

— Как ты...

— Это имеет значение? В конечном счете, я узнаю обо всем, что происходит в этом клубе. И ты проводила с ним слишком много времени, чтобы он остался незамеченным. Приватные танцы — это одно. Но вне клуба? Ты сознательно слушалась меня.

Я прикусываю губу, чтобы не дать вырваться всем извинениям и мольбам, которые рвутся с языка. Я прожила свою жизнь под властной мужской рукой. Я знаю, что значит

молить и бороться за крупицу свободы. Но я ушла, чтобы забыть об этом. Тяжело быть использованной каждым человеком, которого я встречаю, угождать их желаниям, чтобы заработать немного больше времени. Иногда я чувствую, что покупаю свободу за свободу, накапливаю долг за долгом, пока я не буду обязана всему миру просто умереть.

Но у него есть что-то, что я хочу. Что-то, что мне нужно. Информация.

Я вижу блеск в его глазах. Иван не мог прийти на переговоры, не имея преимущества.

— Извини, — наконец говорю я, хотя слишком поздно и неискренне, чтобы это могло принести пользу.

Его глаза темнеют. Он встает и подходит ко мне. Я пячусь, борясь с темным взглядом в его глазах. Он не останавливается, пока я не упрусь в стену.

— Он хорошо тебя трахнул? — шепчет он в дюйме от моей щеки. — Ты не смогла сказать «нет»?

Он пытается только напугать меня. Я знаю это. Я понимаю этот факт, но тем не менее, он работает.

— Все это время он никогда не приходил в мой клуб. Теперь он стал постоянным клиентом, — Иван пробегает пальцем по моей щеке. — Хотя, я думаю, мы не можем на самом деле назвать его клиентом.

— Я только... — Мой голос дрожит. — Я не думала, что это может кому-то навредить.

— Так беспокоись о других. Только на самом деле больно будет именно тебе.

— Нет, он не...

— Может быть, тебе стоит снова встать на колени. Я вижу, что ты ему даешь.

Мое сердце грохочет в груди. Я предлагала ему минет в его кабинете, но в раздевалке совсем другое. И, возможно, теперь все по-другому, потому что также есть Кип. Он меняет меня. Делает меня сильнее, а в моей жизни — это не очень хорошо.

— Нет, — шепчу я.

— Что ты сказала?

— Она сказала «нет».

Голос гремит со стороны дверного проема. И Иван, и я поворачиваемся.

Кип.

О, Господи. Он никогда не приходил в раздевалку. Почему он здесь сейчас?

Ответом мне становится мимолетный взгляд на Кенди, которую я вижу позади него. Должно быть, она знала, что Иван собирается поговорить со мной, должно быть, знала, что у меня проблемы, и позвала Кипа, чтобы защитить меня, но это только ухудшит ситуацию. Мы с Иваном как иссохшее, трухлявое дерево. Кип — это спичка.

Он выглядит разъяренным, брови нахмурены, губы сжаты в мрачную линию.

— Хани.

Всего одно слово, и каким-то образом я двигаюсь к нему, подчиняясь его молчаливой команде, выбирая его, а не Ивана, прежде чем смогу понять то, что это катастрофически ужасная идея. Кип — всего лишь клиент. *Хотя даже клиентом его назвать нельзя.* Но Иван — мой босс. Он также человек, скрывающий ключ к моему прошлому. Мне нужно ему нравиться. Мне нужно стоять на коленях перед ним прямо сейчас, но вместо этого я прячусь за Кипом, когда он выступает впереди меня, защищая своим телом.

Иван вскидывает бровь, глядя на Кипа.

— Суешь нос в мой бизнес?

Кип словно какой-то ангел мщения — стоит передо мной, не испытывая страха.

— Она сказала «нет».

Иван скептически смеется.

— Она одна из моих девочек. Она делает то, что я говорю и когда я говорю. Если я хочу, чтобы она трахнула половину Тэнглвуда, она раздвигает свои гребаные ноги.

Кип не сразу реагирует, но я чувствую, что гнев расплзается по нему как лесной пожар, образуется вокруг нас троих, запирает нас в этой битве. Когда он говорит, голос звучит тихо, едва слышно из-за шума у меня в ушах.

— Теперь она принадлежит мне.

Слова звоном проносятся через меня как колокол, бьющий снова и снова. Что? Иван тоже удивлен.

— Она стриптизерша.

— Больше нет.

Я не могу перевести дыхание. О чем, черт возьми, он говорит? *Теперь она принадлежит мне.* Это варварство. И учитывая, что мне нужен Иван, сейчас действительно неудобное время, чтобы заявлять свои права на владение мною. Так почему тогда наслаждение распространяется внутри, согревая меня, вызывая мурашки по моей коже?

Затем я больше не могу сдерживаться — я выглядываю из-за руки Кипа, чтобы увидеть, как Иван соображает. Я ожидаю, что он скажет что-то колкое или угрожающее. Его власть здесь хорошо известна. Мужчины, которые приезжают навестить его, внушают страх, но они всегда уважают Ивана. Если бы это был учебный ежегодник старшей школы, за него бы проголосовали как за *самого ужасающего*, и мне становится страшно за Кипа.

Но потом происходит что-то странное.

Иван начинает обдумывать. Он оценивает Кипа, а после его взгляд переключается на меня. От понимания его взгляд сковывает холодом.

— Тебе?

— Если у тебя есть, что сказать ей, ты говоришь это мне.

И вот так просто он отступает. Взгляд Ивана мечется ко мне, а затем обратно к Кипу.

— Ты можешь передать своей девушке, что то, что она ищет, не здесь. И никогда не было.

Моя мама. Он имеет в виду, что она никогда не приезжала в Тэнглвуд. Становится трудно дышать. Я всегда знала, что она никогда не покидала Лас-Вегас, но услышать подтверждение этому все еще больно. Думаю, когда видишь блестящий закрытый гроб, часть тебя никогда не прекращает надеяться. Одна маленькая часть, которая представляла, как она находит какой-то другой путь, сбегая навстречу рассвету. Представляла, что она жива. В безопасности. Преданная мужем и любовником.

Иван выходит из комнаты, оставляя нас одних.

Я с трудом сглатываю. Кип, возможно, победил в этом раунде над Иваном, но я не могу в это поверить. И неудивительно, учитывая то, что случилось с моей матерью. У меня проблемы с доверием. Однако я не могу оставить Кипа. Не могу ничего сделать, кроме как стоять рядом с ним. Он защитил меня от Ивана. Он защищал меня все время.

И теперь он сделал меня своей.

* * *

В нескольких ярдах стоит мотоцикл. Кип подходит к нему и поднимает шлем,

протягивая его мне.

— Поехали.

Мне даже в голову не приходит убежать. Он пришел за мной, и я пойду с ним. Я не могу предложить ему никаких отношений или обязательств. В какой-то момент мне придется объяснить это, но не сейчас, не так скоро после того, как он вошел в «Гранд» и заслонил меня своим телом. Не после того, как он сказал, что я принадлежу ему. Он выиграл. Заработал меня. В моей фантазии мы можем прожить вместе одну ночь, пока с каждой песчинкой песочные часы приближают моих врагов ко мне, пока с каждым очередным вдохом я приближаюсь лицом к дулу пистолета.

— Куда? — спрашиваю я, уже принимая шлем, потому что неважно, куда мы едем. *Я поеду куда угодно.* — Мне нужно вернуться к восходу солнца.

Уголок его губ поднимается, и мой взгляд прикован к щетине, которая их обрамляет. Бакенбарды, которые покалывали мою кожу, оставляя красные метки. Рот такой мягкий и умелый.

— Уже планируешь избавиться от меня?

Правда в том, что *с нами* должно быть покончено. И на самом деле *нас* никогда не должно было быть.

— Я хочу остаться с тобой на каждую секунду, которую смогу, — честно отвечаю я, и чтобы доказать свои слова, надеваю шлем.

Забери меня отсюда.

И хоть я не могу озвучить свое желание, он, похоже, знает. Кип хватает мою руку и держит меня, пока я закидываю ногу на байк. Он больше, чем я ожидала — выше и шире. Раньше я никогда не ездила на мотоцикле. По большому счету меня возили только на заднем сидении "Роллса" моего отца. По крайней мере, когда мне разрешалось покидать дом. Мои ноги оторвались от земли. Между шлемом и его широкой спиной я ничего не вижу. Сидя вот так, я полностью нахожусь в его власти.

— Держись, — слова прокатываются по его телу вибрацией — не звуком — которая переливается в меня.

Я обнимаю его за талию, впитывая его тепло, как кошка на солнце. Этого всего не хватало в моей жизни, и такая реальность жила только в мечтах: безопасность. Стабильность. Я чувствую это всем своим телом, сохраняю глубоко, накапливаю чувство, чтобы оно осталось со мной, когда я снова убегу.

Кип не подходит мне. Он опасен.

Желание не задает вопросов. Как и любовь.

Рев двигателя оглушает, почти ослепляя, как софиты на сцене. Это момент, который стоит запомнить. По позвоночнику разливается дрожь. Это дверь в новое место, но это не сцена. Нет рук, жаждущих схватить меня. Это место — поток воздуха по моей коже, когда мы срываемся с места. Это постоянный рев машины под моими ногами, твердое тело человека, за которого я держусь.

Я не знаю, как долго мы едем, но не хочу, чтобы это закончилось. Когда он остановится, часы снова начнут тикать. Начнут отсчитывать время, проведенное с ним, с каждой новой песчинкой. Но пока мы на мотоцикле, мчимся по улице, которую я даже не узнаю, направляемся в никуда, я чувствую свободу, которую искала.

Смотрю в сторону, но зданий нет. На их месте появляются полосы ржавчины и серых размытых мазков. Мазки кистями каждого серого оттенка, тайно нанесенные королевой-

ночью. Таким он видит мир каждый день. Как искусство.

Картина приобретает зеленый и коричневый цвета, и я знаю, что мы покинули город.

Тревога проносится по мне. Что, если он увозит меня для другой, темной цели? Что, если он не привезет меня обратно? Я почти смеюсь, хотя это был бы мрачный смех. Что, если я убежала от одного монстра только, чтобы попасть к другому?

Но тогда я понимаю, что Клара сбежит, если я не вернусь. Она обещала.

Она будет в безопасности. Жива. Не так, как наша мать.

Не так, как я.

И я отпускаю свои заботы. Рисую их на холсте, который мы создаем, словно рассыпая хлебные крошки, по которым могу найти дорогу назад домой.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Когда мы останавливаемся, небо приобретает оттенок приглушенного синего. Я оглядываюсь. Есть только деревья, трава и извилистая дорога, которая привела нас сюда. Я не знаю, почему он привез меня в это место. Хотя причина есть. Я разгадываю секрет в напряженности его тела. У него на лице полуулыбка, которая скрывает сюрприз. Это заставляет мое сердце биться слишком сильно, ведь улыбка эта — сексуальная и невероятно сладкая.

— Где мы? — спрашиваю я, размышляя, но не надеясь, что он мне скажет.

И он этого не делает.

— В месте, которого нет на карте.

Он очень доволен собой. Я вспоминаю о Питере Пене, который улетает в Неверленд, забирая Венди с собой. Думаю о мечях и феях. Вот, что чувствуешь на поляне между деревьев — магию.

Только магия не настоящая. Улететь тоже невозможно, даже если именно это я чувствовала, сидя сзади на его мотоцикле.

— Знаешь, если бы я была другой девушкой, я могла бы побеспокоиться обо всей этой таинственности. Кто его знает, может, ты уже вырыл здесь канаву.

Его улыбка исчезает, и я сожалею о своих словах. Почему я не могу просто принять этот момент таким, какой он есть? Почему я никому не могу доверять? Все внутри меня сжимается, быстрее и сильнее. Когда я стала такой сломленной?

Он берет мою руку в свою — теплую, сухую и утешающую.

— Если ты так думаешь, почему поехала со мной?

Его слова мягкие, в них больше любопытства, чем обвинения.

— Я не какая-то другая девушка, — говорю я ему. Я всю жизнь смотрела смерти в лицо. Мой отец — убийца, а жених — монстр. — Я боюсь умереть, но еще больше я боюсь никогда не начать жить.

Понимание мерцает в его глазах. Он знает, что я имею в виду больше, чем просто воздух для существования. Больше, чем просто побег. Мне снится день, когда я смогу оказаться в безопасности, чтобы действительно наслаждаться жизнью. Начать делать что-то большее, чем только выживать.

Вот почему я поехала с ним. Он — воздух в моей жизни.

— Нет ничего страшного, — уверяет он меня. — Это... как подарок.

Мое сердце пропускает удар.

— Подарок? Знаешь, у твоих подарков есть общая черта: они пугают.

Это вызывает у него смех.

— Этот не испугает.

— Что это? — дразню его я. — Боевой топор? Меч?

Кип просто загадочно улыбается и ведет меня по траве.

Здесь нет тропинки. Мы следуем вдоль линии деревьев, проходя по пышной траве, уже сырой от росы. Затем деревья заканчиваются, открывая вид на здание на вершине холма. Это дом? Но нет, вместо стен у него — одни окна. Или, по крайней мере, раньше были. Теперь это высокие пустые проемы, в которых должно было быть стекло. Здание могло бы сойти за старую теплицу, за исключением вычурного купола сверху.

И башенок.

Это напоминает мне о женщине. Старой пышной женщине с седыми волосами и с той безмятежностью в глазах, которая приходит только с опытом. Так и здание. Я не смотрю на него и думаю: *когда-то оно было красивым. Я думаю: оно и сейчас прекрасно.* Как каждая морщина на лице женщины, каждая трещина в камне здания означает секрет, который оно хранит.

— Что это за место? — выдыхаю я.

Кип молчит пару секунд. Я перевожу на него взгляд и вижу, что он смотрит на меня с неуверенностью в глазах. *Он изучает меня*, понимаю я, и это одновременно и нервирует, и очаровывает меня тем, что он интересуется мной, хочет увидеть, что находится под гладкой поверхностью моей кожи.

— Я не уверен. Дом в двух километрах к югу отсюда. Или то, что от него осталось. А это был... отдельный бальный зал? Обсерватория? Возможно, и то, и другое.

Бальный зал. Вот, что звучит подходяще.

Я сейчас слишком возбуждена. Отпускаю его руку и бегу вперед, найдя дверь, хотя все окна открыты. Нет никакой настоящей двери, просто пустой проем. Я вхожу внутрь и смотрю вверх. Потолок выцветший из-за неизвестного количества ураганов, которые он пережил. Но я все еще вижу картину с изображением херувимов.

Я даже не могу догадаться, когда это место было построено или как долго оно оставалось заброшенным, но каким-то образом сохранилось несколько оконных стекол, в основном около потолка или основания, где они были частично защищены башней снаружи. Я не могла увидеть их с улицы, потому что они были слишком мутными, слишком темными, чтобы отражать лунный свет. Мрак внешнего вида совпал с замаскированным мраком внутри.

Но здесь я четко вижу окна, блокирующие вид деревьев. Изнутри я вижу все.

Кип стоит у двери, когда я оглядываюсь назад. Его руки скрещены на груди. Он прислоняется к пустому дверному косяку, его лицо скрыто тенью. Каким-то образом я оказываюсь в середине комнаты. Я забылась на мгновение, забыла о беспокойстве. Забыла о страхе.

Я медленно приближаюсь к нему, чувствуя себя немного застенчиво. Он делал грязные вещи с моим телом, и я делала их с ним, но теперь я — просто девушка, которой парень преподнес подарок.

Мгновение я смотрю на свои туфли и мраморный пол под нами, помутневший от времени.

— Не то, чтобы я не оценила, что ты привел меня сюда, но почему?

Из всего, что он мог мне дать. Он мог бы взять меня посмотреть фильм. Мог бы принести мне цветок. Вместо этого он взял меня сюда, зная, что это будет значить больше всего.

Не только почему. Как?

Он не двигается. Не прикасается ко мне. Не взывает плату моим телом, пока нет.

— Я подумал, ты сможешь танцевать здесь, — он кивает на пол. — Как тогда на крыше.

О, но это не похоже на крышу. Здесь нет неровностей, нет ржавых металлических прутьев, торчащих из бетона. Пол не покрыт мелкой галькой, куски которой крошатся под воздействием стихий. Вместо этого под ногами гладкий мрамор — почти неразрушенный пол. Ветер смел все листья. Дождь смыл грязь. Он почти блестит. Не то, что крыша.

Четко увидеть Кипа не получается. Все еще слишком темно, но я могу почти поклясться, что он покраснел. Я удивлена, что он еще знает, как это делается. Это даже не цвет, скорее чувство. Может, его щедрость — это единственное, что я когда-либо почувствую. Его тихое признание того, кем я являюсь и что я такое.

В груди становится слишком тесно, а глаза увлажняются. Я подумываю опуститься на колени и поблагодарить его. Я могла бы сделать ему хорошо.

Вместо этого поднимаюсь на цыпочки и целую его в щеку. Щетина царапает мне губы, но кожа под ней теплая.

— Спасибо.

Затем я оставляю его у двери наблюдать за мной и ждать, пока я танцую, словно здесь больше никого нет. Я начинаю медленно: плие, гранд плие. И на этот раз, когда я растягиваю свое тело в гранд арабеске, я не отдираю от себя нежеланные руки — я тянусь. К нему. К небу за окрашенным потолком, которое смотрит на нас через выбитые окна. Я тянусь ко времени и месту, где мне больше не придется прятаться.

К тому моменту, когда я заканчиваю, кожа становится скользкой от пота. Даже тогда я не хочу прекращать танцевать, но небо за вершинами деревьев окрашивается в розовый от предзакатного зари. Мне нужно возвращаться.

Но я не хочу.

Кип встречает меня в центре зала.

— У меня есть время для еще одного танца, — говорю я ему, наводя на размышления.

— Я не умею танцевать.

Это заставляет меня рассмеяться.

— Я не это имела в виду.

Он не улыбается. Его лицо более серьезное, чем когда-либо, что означает отказ.

— Я знаю, что ты имела в виду.

Я хмурюсь, сбита с толку.

— Кип?

Его лицо похоже на каменную стену. Я жду, когда ветки поднимутся, охраняя их крепость. Я жду, когда шипы уколят. Кип хочет ненавидеть меня. Он не хочет приближаться.

Но сорняки не появляются.

На этот раз Кип наклоняет голову. У меня слишком большой шок, чтобы я склонила свою, и я слишком удивлена, чтобы ответить на его поцелуй. Я стою там, ничего не делая, позволяя его губам давить на мои, чувствуя, как его язык скользит по моей нижней губе. У меня достаточно разума, чтобы приоткрыть их, и он тихонько стонет, принимая

приглашение и требуя большего.

Его руки обвивают мои бедра, прижимаясь ладонями к заднице. Я потная, но он, похоже, не возражает. Нет, он прижимает меня к себе, вбирая каждый из моих рваных вдохов ртом, пробуя соль на моей коже.

Прижимаюсь телом к нему, чувствуя его толстую каменную эрекцию под джинсами. Я раскачиваю бедрами, обещая облегчение.

Кип тут же отпускает меня и отворачивается. Я смотрю на высокую линию его широких плеч, которые двигаются вверх и вниз от его тяжелого, возбужденного дыхания.

Какого черта? Почему он остановился?

Я беспомощно кладу руку на его предплечье, но он отдергивает его.

Страх наполняет меня.

— Что я сделала не так?

— Ничего, — говорит он, но я слышу ложь.

— Кип? — Я ненавижу робость в своем голосе, ненавижу страх. Я никогда не позволяла моему отцу или Байрону видеть меня такой. С ними я всегда показывала свою сильнейшую сторону. Они могут причинить мне боль и унижить меня, но они никогда не увидят, как я плачу. Но с Кипом это кажется неизбежным. Он срывает мою храбрость, оставляя только надежду.

— Я не тот, кем ты меня считаешь.

* * *

Нет. Я хочу отмотать назад последние пять секунд и притвориться, что он этого не говорил.

— Я не просто клиент, — говорит он, и мне очень хочется, чтобы это была ложь. Возможно, случайный парень в стриптиз-клубе — плохой вариант для отношений с любой другой. Но для меня это все, чего я могла хотеть. Я не думала о том, как мы сможем быть вместе после этой ночи или следующей. Но я надеялась.

И теперь он говорит мне что-то серьезное, что-то темное, своим настолько суровым голосом, что я знаю, что это должно быть плохо.

— Тогда кто ты? — произношу я только потому, что он ожидает моего вопроса. Я не хочу знать.

Кип качает головой, и именно по этому жесту я знаю, что он собирается рассказать мне правду. Кажется, хуже быть не может, потому что я не могу ответить.

Он поворачивается ко мне и поддевает пальцем прядь моих волос.

— Хани.

Я сглатываю, чувствуя стыд.

— Это не мое настоящее имя. Это ложь.

— Это то, кто ты для меня, — бормочет он, и в этом одном предложении я слышу все, кем я являюсь для него — кем-то, кого можно трахнуть, кем-то, кого можно защитить. Кем-то, о ком нужно позаботиться. Выражение на его лице не принадлежит человеку, который хочет убедить меня в чем-то. Его челюсти напряжены, глаза прищурены от сожаления. Он предпочел бы рассказать мне что угодно, лишь бы не правду.

Я помню, что Кенди сказала мне. *Опасен*. Да, он опасен. Нужно только взглянуть на него, чтобы понять это. Он — смертоносная энергия в кожаных сапогах. Он — сила природы

на проклятом мотоцикле. Вопрос не в том, опасен ли он. Вопрос — опасен ли он для меня?

— Ты собираешься причинить мне боль?

— Нет, — говорит он абсолютно уверенно. Настолько уверенно, что это ударяет по мне. Конечно, я знаю, что он решил сделать именно это. — Я собираюсь помочь тебе выбраться из этого.

Подозрение скатывается по моему горлу кислотой.

— Помочь выбраться мне из *чего*?

Его лицо темнеет.

— Я знаю, от кого ты убегаешь.

— Что, прости? — Мой смех лишен уверенности. Я не хочу ему верить. — Все равно, я убегаю не от одного человека. Их целая армия.

— Тем более — говорит он. — Я солдат.

Дом в двух километрах к югу, сказал он, когда мы приехали сюда. Так бы сказал военный. Я представляю его с подстриженными волосами, чисто выбритой челюстью. Представляю его без кожаной куртки или мотоцикла, и вместо этого вижу его в форме. Он бы хорошо смотрелся.

Предполагаю, что он и *выглядел* так хорошо, и мне становится плохо.

— Ты был военным?

— Служил в армии, — подтверждает он.

Вспоминаю чувство, в ту первую ночь, когда мне казалось, что в зале сидит полицейский. Человек с военной подготовкой. Именно такие люди, которых мой отец и Байрон нанимали в качестве силы.

Опасный вид.

Я делаю шаг назад.

— Ты полицейский?

— Нет, — мрачно говорит он. — У меня есть другие вещи, связанные с Байроном, но не это.

Имя мужчины, слетевшее с его уст, ударяет по мне как пощечина. Теперь оно становится реальностью.

Я пялюсь на него. Человек с военной подготовкой, который появляется в клубе. Первое, что он делает, это просит меня. Частный танец. Он не просто смотрит или трахает. Он хочет поговорить. Хочет узнать меня. Я думала, что это мило, но все оказалось ложью. Как и мое имя.

Как и вся моя долбаная жизнь.

Я делаю еще один шаг назад. Снова убегаю, но в замедленном движении. Часть меня не хочет уходить. Я помню, что Блу сказал о нем — *игра на выживание*.

— Ты... кто? Охотник за головами? Наемник?

— Что-то вроде того.

Отправленный, чтобы найти меня и схватить. Выследить, как животное.

— Вот почему ты встал перед Иваном? Ты не хотел, чтобы кто-то получил твой приз?

— Нет, — в его глазах блестит мучение.

— Скажи, что ты не трахнул меня, чтобы подобраться ближе. — В горле дерет. По всему телу прокатывается боль. — Скажи мне, что я ошибаюсь.

— Ты не ошибаешься, — говорит он все таким же хриплым голосом.

Боже. Я чувствую порыв наброситься на него, оттолкнуть его. Как он подобрался так

близко?

— Это то, что ты всегда делаешь? — Мой голос тонкий, словно хлыст. Я собираю всю силу в своем теле, каким бы маленьким оно ни было. — Ты каждую девушку трахаешь, прежде чем набать ее? Может, если подаришь им достаточно хороший оргазм, они с большей вероятностью пойдут с тобой, когда настанет время тащить их обратно?

— Меня никогда прежде не отправляли за женщиной. Прежде мне не доводилось делать подобного.

— Тогда почему пошел в этот раз?

Кип не отвечает. Его глаза прищурены, губы сжаты.

— Почему я? — Теперь я кричу в истерике. — Как мне так повезло?

— Из-за Байрона, — грубо говорит он. — Я знал, что он охотился за тобой. И я должен был убедиться сам. Я должен был... Не ради какого-то сраного вознаграждения. Он мой брат. Вот, блядь, почему.

Мое сердце вырывается из груди. Не орган, а истинный дикарь. *Нет.*

Конечно. Мать Кипа, неизлечимый романтик, любитель поэзии. Она назвала одного сына в честь лорда Байрона, а второго — в честь Рэдьярда Киплинга. Один причинил мне боль и оскорбил. Второй помогал мне.

Или так я думала. Но на самом деле Кип — всего лишь часть семейного бизнеса, заключающегося в том, чтобы набивать меня.

— Какая у тебя фамилия? — спрашиваю я сухо.

— Адамс.

Конечно. Это была бы моя фамилия, если бы я вышла замуж за Байрона.

Теперь становится ясно, почему я так и не сблизилась с Кипом. Не сблизилась с ним настолько, чтобы узнать его фамилию. Он никогда бы не позволил мне. Он должен был оттолкнуть меня. Все это время, когда его жар сменялся холодом, все те разы, когда сорняки и шипы выталкивали меня, у него была цель.

— Есть сестры, о которых я должна знать? — спрашиваю я, реальность все еще спускается на меня. Кип и Байрон. *Братья.* — Какие-нибудь Эмили или Сильвии, о которых мне стоит узнать?

Он отворачивается, но я все равно замечаю, как он вздрагивает. Теперь есть только его профиль, каменный и очерченный бледным светом позади него.

Когда он опять смотрит на меня, то снова держит себя под контролем, накрепко запечатав все под слоем решительности и безрассудности. Под неукротимой силой и похотью. В глубине души есть та часть его, которая чувствует боль. Та часть, которой я нравлюсь. Но не эта часть сейчас пялится на меня в ответ.

— Он послал тебя? — спрашиваю я, голос звучит слабо.

— Не совсем.

— Но ты собираешься отвезти меня к нему.

Он делает паузу.

— Да.

Теперь моя очередь вздрагивать. Я не скрываю своего лица, не смотрю в сторону. Я позволяю ему увидеть, как сказанное делает меня дешевой и пустой. Я — пластиковая кукла с макияжем и настоящими волосами, предназначенная для мужчин, которые будут мною играть. Мне больно больше, чем я могла подумать. Я представляла, как меня поймает Байрон, или один из его людей. Я никогда не думала, что все будет вот так. Не думала, что

это будет предательством.

— Так что теперь будет? — спрашиваю я безучастно. — Ты приведешь меня к Байрону, и что? Вы трахнете меня вдвоем? Это конец игры?

— Я не собираюсь причинять тебе боль, — говорит он с такой спокойной решимостью, что я почти верю ему.

— Ты уже это делаешь.

И вот тогда на нас сыпется град из пуль.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Стекло бьется.

Я почти не понимаю, что происходит, но Кип кричит на меня.

— Ложись!

Он не ждет, пока я повинуюсь. Толкает меня на пол, закрывая своим телом. Я прижимаюсь лицом к полу, пока мозг находится в состоянии шока. Все, что я чувствую, это тяжесть его тела, его жар. И песок на полу. Сейчас эти жесткие крупинки ничего не значат, но я не могу не задумываться об этом. Разве пол не был гладким? Я ведь танцевала всего две минуты назад. Это кажется нереальным. Я был счастлива две минуты назад.

Я верила, что Кип защитит меня... Две минуты назад.

Тогда я понимаю, что это не песок, не кусочки отколотого бетона. Это крошечные осколки стекла, и они впиваются мне в щеку.

Этого достаточно, чтобы вернуть меня в реальность. Я в опасности. Кто-то стреляет по нам.

— Кто они? — спрашиваю я, хотя это кажется довольно очевидным. Больше охотников за головами. Другие наемники. Другие убийцы. Но зачем им стрелять в Кипа? Он же один из них.

— Мы должны уйти отсюда, — кричит Кип. — Здесь негде спрятаться.

Он прав. Узкие колонны нас абсолютно не защищают. Кип вытаскивает меня из бального зала. Я спотыкаюсь, но он ловит меня, закрывая своим телом, когда трава взрывается фейерверками у наших ног.

Он что-то держит. Что это? Лунный свет отражается от гладкого черного дула.

Пистолет.

Почему у него пистолет? Он планировал стрелять в меня? Но нет, тогда он не смог бы вернуть меня своему брату в качестве живого приза. Я едва сдерживаю всхлипывание. Сейчас я должна бежать. Должна выжить. Словно взойти на ослепляющую сцену. Бежать сквозь стену пуль.

Кип отстреливается, и это дает нам шанс добраться до байка. У меня нет времени думать.

Только этот момент. Только бег.

Мы добираемся до мотоцикла и запрыгиваем на него. Затем создаем облако пыли и исчезаем вниз по склону. Мое сердце грохочет громче двигателя. Я цепляюсь за Кипа, крепко обнимая, прижимаясь к нему телом, когда мы опускаем ноги на подставки и отрываемся на ярды, на мили от преследователей.

Я знаю, что не могу ему доверять. Знаю это как никогда, но прямо сейчас у меня нет

выбора. Я не могу остаться там и поймать пулю. Не могу спрыгнуть с ускоряющегося мотоцикла. Нет никакого моего согласия на то, чтобы сидеть здесь и дышать его чистым ароматом из пота и кожи. То, что я наклоняюсь к нему, подражая его силе, абсолютно против моей воли.

Мы возвращаемся туда, откуда приехали, линия деревьев меняется на темные здания с запертыми дверями. Мой разум галопом несется от того, что только что произошло, но слова здесь покажутся слишком громкими. Ветер — словно вопль в моих ушах. Это как быть под водой. Мы не едем: мы плаваем, поднимаемся со дна, надеясь, что вовремя достигнем поверхности.

Я задыхаюсь, когда Кип останавливает мотоцикл. Паника не замедляется ни на йоту. Во всяком случае, поездка по дорогам вызвала во мне выброс адреналина. И страха.

— Не прикасайся ко мне, — говорю я. — Не прикасайся. Не трогай меня!

Его глаза отражают беспокойство, но он не оглядывается дико, не приседает за зданием. Нет, есть только я, и он выглядит обеспокоенным. Кип обходит байк и заключает меня в объятия.

— Эй, — он притягивает меня к груди, и я поворачиваюсь лицом к нему. Поцелуй приземляется мне на макушку. — Теперь ты в порядке. Ты в порядке.

Но я не в порядке. Я не могу опередить пулю. Не могу обогнать мотоцикл.

Не могу обогнать *его*.

Слезы текут по моим щекам, и я чувствую, что контроль ускользает.

— Почему они стреляют в нас? Я думала, что мы нужны им живыми, если они собираются получить деньги. Или Байрон просто выставил мишени на наших спинах?

— Мне нужно, чтобы сейчас ты мне доверилась, — говорит Кип.

Я качаю головой. Никоим образом. Довериться? Он потерял на это право.

И, честно говоря, я даже не знаю, как это делается.

Поэтому я не говорю ему правду. Вместо этого я отшучиваюсь. Вот так просто.

— Хонор, — говорю я с фальшивым смехом. — Это мое имя. Хонор — как честь.

И затем я не могу перестать хохотать, потому что это чертовски смешно. Стриптизерша, имя которой означает «честь». (прим. пер.: «*Honor*» в переводе с английского «*честь*»).

У моей матери, должно быть, были такие большие надежды на меня, раз она назвала меня так. Что, она думала, я буду делать с этой жизнью? Кем, она думала, я буду? Я смеюсь, словно плачу, и все еще не могу остановиться.

Я окрашиваю его футболку в темно-серый цвет, приклеиваю ее к широкой груди своими слезами. Я не оставляю его равнодушным этими протяжными рыданиями, которые сотрясают мои плечи, и его тоже. Я ненавижу его, но позволяю ему успокоить себя. Кип проводит рукой по моим волосам, бормоча успокаивающие слова, которые я не могу понять. Они все равно не имеют значения. Я не Хонор. Я перестала быть ею в тот день, когда сняла с себя одежду на этой сцене.

Теперь я Хани.

Как «Гранд»: однажды был красивым, однажды был сильным. Построен для величия.

А теперь всего лишь захудалый стрип-клуб.

Я вытираю слезы с глаз. Они появляются достаточно быстро, чтобы перестать обращать на них внимания. Руки от них мокрые, как и щеки.

— Но ты уже знал мое имя, не так ли?

Он не отвечает. Ну конечно же. Он уже знал эту шутку.

* * *

Место, куда Кип привез меня, — это дом. Хороший дом с выцветшей краской и аккуратно подстриженными газонами в тихом старом районе. Скромный, но ухоженный. У него нет беззаботности «Тропиканы» или старинного очарования «Гранда». Это место — всего лишь одомашненные улицы, на которых я укрываюсь и прячусь. Мы загнаны вместе в городе.

Я пчусь от него вниз по подъездной дорожке. Мне нужно добраться до Клары.

И важнее всего — мне нужно уйти от него.

Кип ловит меня за руку.

— Сейчас на улицах не безопасно.

— А с тобой безопасно?

Выражение его лица темнеет.

— Возможно, нет. Но у тебя нет вариантов.

Он тянет меня к двери. Я иду с ним — не то, чтобы у меня был выбор. Он сильнее меня. Неужели меня так хорошо обучили не сопротивляться? Я чувствую онемение. Шок. Мои руки и ноги как желе. Я упала бы, если бы Кип не поддерживал меня. Он подталкивает меня к стене и смотрит на улицу, прежде чем закрыть дверь и запереть ее.

Чувство такое, словно мы находимся в середине битвы, только у меня нет оружия. Мой взгляд мечется к сумке, которую я бросила у двери.

«Тейзер».

— Не отдавай меня Байрону, — говорю я, почти умоляя, хотя это гиблое дело. Снайперы в бальном зале доказывают, что меня уже нашли другие наемники. И Кип — брат Байрона. Я понимаю хватку, которой в нас вцепилась наша семья.

— Не говори ему, что ты меня нашел. Просто дай мне уйти. Я сбегу. Я...

У Кипа такие темные глаза, почти сердитые, когда он впивается в меня своим взглядом. Он поднимается, и я вздрагиваю. Его рука застывает в дюйме от моего лица.

— Он причинил тебе боль.

— Нет, — говорю я слишком быстро. Я не хочу, чтобы Кип знал, что сделал его брат. Боже, даже я не хочу знать. Если бы я могла вычистить это из своего мозга, я бы это сделала. Если бы я могла взять скальпель и вырезать воспоминания, я бы это сделала. Я никогда не позволю этому случиться с Klarой, никогда.

— От стекла, — мягко говорит он. — У тебя идет кровь.

Оу. И, конечно же, когда я протягиваю руку, мои пальцы окрашиваются алым.

Я все еще, должно быть, в шоке, потому что стою там, глядя на кровь, будто никогда не видела ее раньше. На самом деле я видела ее много раз. И порезы, и синяки. Мои старые друзья.

— Это пустяк, — говорю я. — Я ничего не чувствую.

— Это не пустяк. Позволь мне позаботиться о тебе, — слова звучат открыто, когда он говорит так, будто имеет в виду больше, чем порезы на моем лице.

— Мне от тебя ничего не нужно.

Темные глаза принимают мои обвинения, но не мой ответ.

— Жди здесь.

— Кип, пожалуйста. Отпусти меня. Мне надо идти...

— К твоей сестре? — тихо спрашивает он, хотя на самом деле это не вопрос.

Страх опускается в живот холодным булыжником.

— Не смей трогать ее. Ты не смеешь...

— Я не собираюсь ничего с ней делать.

— Чтобы ты мог сдать нас за ту цену, что назначена за наши головы?

— Дело не в гребанных деньгах.

Я мрачно улыбаюсь.

— Дело всегда в деньгах.

Он хватается меня за подбородок, стараясь не впечатать осколок стекла. Ему удается вообще не прикасаться ко мне, но его взгляд по-прежнему режет.

— Я не стану отдавать тебя Байрону, но я собираюсь использовать тебя, чтобы остановить это. Покончить со всем.

— Как? — шепчу я. Есть много способов, как это может закончиться. В большинстве из них я не остаюсь в живых.

Кип качает головой.

— Я еще не уверен. И с людьми Байрона в Тэнглвуде у нас мало времени. Поэтому ты должна мне довериться. Мне нужно, чтобы ты села и подождала. Позволь мне вытащить долбаное стекло из твоей щеки.

Затем он идет к коридору, предположительно, за ватными дисками или пинцетом.

Это команда, а меня всю жизнь тренировали им повиноваться. Тем не менее, я остаюсь. Смогу ли я добраться обратно до «Тропиканы»? Я знаю, что мы достаточно близко, но я не очень запомнила путь, чтобы быть уверенной в этом. Внезапно я вздрагиваю, сидя на его диване. *Клара.*

Кип мог нам помочь. У него есть пистолет. Он использовал его, чтобы защитить меня.

Мне нужно, чтобы ты мне доверилась.

Часы показывают четыре тридцать. Еще утро. *Еще ночь.* Время, за которое я должна вернуться к ней, истекает. Если она еще там, то скоро уедет. Но, может быть, так будет лучше. Если теперь она в безопасности, то может остаться защищенной. Это лучше, чем если я вернусь и приведу снайперов прямо к нашему порогу.

Я игнорирую боль в груди, думая о том, что больше никогда не увижу ее. *Безопасность.*

На журнальном столике лежит книга. Я узнаю ее, хотя никогда раньше не видела. Книга рассказов Рэджарда Киплинга, о которых говорил Кип. Она выглядит старой, страницы изрядно потерты, одновременно и мягкие, и хрупкие, как это бывает со старыми книгами. Я открываю обложку, чувствуя, что я вторгаюсь во что-то личное. Вся эта ночь была вторжением — я, он, эта книга, книга с его именем.

На первой странице есть что-то, написанное выцветшими черными чернилами. Не напечатанное вместе с книгой, а добавленное после. Это стихотворение.

Джунгли — страшное место, для тех, кто блуждает:

Скрывают секреты, молчат пред ветрами,

Река и листок каждый путь открывают.

Почувствуй себя, словно дома, с мечтами.

Останься, приляг, не спиши, не уйдешь,

Ты молча послушай тот шепот лесной.

И только когда ты свой мир обретешь,

Найдешь ты тот ключ, что сокрыт под землей.

Я снова читаю стихотворение, воображая, что иду по лесу. Испуганная и потерянная. Знакомое чувство, хоть я и редко покидала город. Джунгли — это то место, где я прожила большую часть своей жизни, в особняке, который мне не разрешалось покидать, где деревья были сделаны из мрамора, где листья были позолочены. Возможно, я, наконец, вырвалась, но иногда мне кажется, что это иллюзия. Может быть, я проснусь и вернусь туда, а мое время в «Гранде» окажется лишь плохим сном.

Или, может быть, я пойму, что умерла в этом особняке, что свобода — всего лишь призрачное принятие желаемого за действительное.

Кип возвращается с пинцетом и пузырьком, пахнущим спиртом. Он смотрит на книгу со странным выражением лица.

— Ты написал это? — спрашиваю я, указывая на стихотворение.

Он качает головой.

— Моя мама.

— О, — я снова смотрю на последнюю строчку, о выходе, о том, как выбраться из джунглей. *Под землей.* Она говорит о смерти. — Это красиво. И грустно.

— Такой была моя мать. Красивая и грустная. — Он смачивает ватный диск небольшим количеством спирта. — Хватит лжи. Я не хочу причинять тебе боль, но чем скорее мы начнем, тем скорее закончим.

То, насколько он напоминает Байрона, беспокоит...

— Делай то, что должен.

Он садится рядом со мной и кладет мою руку на свое бедро.

— Когда станет больно, сожми.

Он чувствует себя твердым, словно колода под джинсовой тканью.

— Не думаю, что смогу сжать... Черт возьми, это больно.

Оказывается, у меня больше силы, чем я думала, особенно когда мужчина с большими нежными руками тщательно использует пинцет для извлечения стеклянных осколков из моей щеки. Я, наверное, оставила пять вмятин на его ноге даже через джинсы там, где мои ногти впивались в его бедро. Он не вздрагивает и не подпрыгивает, даже когда я держусь за него, как за дражайшую жизнь, даже когда я не могу сдержать хныканье.

Маленькие кусочки стекла, окрашенного в красный, выстраиваются рядом на полотенце, которое он выложил.

— Останутся пятна, — прошептала я.

— Ну и пусть.

Кушетка старая, но удобная, мягкая настолько, что в ней можно утонуть. Тем не менее, дом слишком женственный для Кипа. Все в розово-золотом и солнечно-желтом цвете, вельветовая мягкость и старые латунные светильники. И пыль. Такое ощущение, что в доме не живут. Ничего здесь не напоминает крепкого человека в кожаной одежде и грязной обуви.

— Ты вырос здесь?

Он не отвечает. Отсутствие выражения на его лице говорит мне, что да.

— Я не остаюсь здесь надолго.

— Тогда почему ты здесь сейчас? Это просто удобное место для проживания, пока ты меня выслеживаешь?

— Если бы это было так, я бы отвез тебя обратно в Неваду, когда впервые тебя встретил.

— Так почему ты этого не сделал?

Кип делает паузу после следующего осколка и смотрит мне в глаза.

— Это сложно.

— Это тебе не статус отношений.

— У нас нет долбанных отношений.

Я втягиваю воздух. Чувство такое, словно он ударил меня. Нет, хуже. Мне никогда не было так больно, даже когда Байрон нагибал меня и трахал всухую.

Затем он опускает голову, прежде чем я даже осознаю, что он может сделать. Я готовлюсь к большей боли. К большей лжи. Губами нежно, словно перышко, он касается моих. Я не двигаюсь, позволяя ему двигаться от уголка к уголку, находить каждый квадратный сантиметр и забирать боль поцелуями.

Когда он оказывается слишком близко к моей щеке, я не могу не вздрогнуть.

Кип отодвигается, с сожалением на лице.

— Нам нужно уходить.

— Нет никаких *нас*, — мягко говорю я. — Ты четко дал это понять.

Его глаза обретают строгость.

— Позволь мне закончить очищать раны. Тогда мы пойдем.

Я смотрю на Кипа, но все, что я вижу, это глаза Байрона, его нос, рот. Мое сердце трепыхается в груди, когда я вспоминаю лицо, нависающее надо мной, трахающее меня. Причиняющее мне боль. Я не знаю, почему я не смогла увидеть этого раньше. Конечно, они братья. Они одинаковые.

Я должна уйти без него. Я не могу ему доверять. Он был добр ко мне время от времени, но он также был грубым, резким и холодным. Насколько я знаю, он вернет меня Байрону из лояльности пред семьей. *Delitto d'onore*. Почетное убийство. Вот как все будет.

Мне нужно убираться отсюда. Нужно уйти без него.

Я не могу ему доверять, хоть и хочу. *Боже, как же я хочу.*

Он снова покидает комнату, чтобы убрать осколки, и я знаю, что это мой шанс.

Я вынимаю «Тейзер», который он мне подарил, и следую за ним в ванную. Его взгляд встречает меня в зеркале. Я улыбаюсь своей поддельной, соблазнительной улыбкой, которую усовершенствовала за часы на сцене. Одна рука скользит по его спине, чтобы отвлечь. Обезоружить.

Его не обмануть.

Что-то ужасное вспыхивает в его глазах — он знает, что должно произойти. Но что еще хуже — он принимает это. Кип достаточно сильный, достаточно быстрый, чтобы остановить меня.

— Хонор, — говорит он.

Всего лишь одно слово.

Это первый раз, когда он использует мое настоящее имя, и я отплачиваю ему, используя на нем «Тейзер». Он знает, что заслуживает этого, и я тоже это знаю, но от этого не легче.

Я прижимаю электрошокер к его боку и нажимаю на пуск.

Вибрация отражается на моей руке. Кип падает, словно дерево, сотрясая пол, падает на дверную раму всем телом, пронзенным мощным электрическим разрядом. Теперь больно Кипу, и я оставляю его на полу.

Я едва успеваю прошептать: «*Мне жаль*», прежде чем уйду.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Запыхавшись, я практически бегу назад к мотелю.

Даже на полной скорости, перескакивая препятствия в виде куч мусора и грязных темных луж, я не могу забыть, как Кип смотрел, а его большое тело было охвачено болью, моими руками лишено способности двигаться. *Почему тебе не все равно, что с ним происходит?* Кип говорил это мне однажды. Но мне не все равно. Вина — это то, к чему я привыкла, но легче от этого не становится.

Я оглядываюсь назад, но улицы позади меня пустынные. Кипа нет. Вообще никого нет.

Я бегу к Кларе, пытаюсь успеть, прежде чем она уйдет.

Может быть, ей будет лучше, если она сбежит. Я не могу избавиться от этой мысли у себя в голове. Это как вытолкнуть птенца из гнезда, потому что пришло его время научиться летать. Но я не могу этого сделать. Не могу отпустить ее. Возможно, это моя слабость. А возможно, ее деградация.

Или, может быть, я хорошо усвоила уроки, которые преподавал мне отец.

Это то, что мы делаем с женщинами, которых любим, не так ли? Мы запираем их в комнате, даем им еду и книги, говорим, что они счастливы. Иногда это работает. Но в некоторых случаях женщина трахает охранника. Иногда женщине не нравятся кулаки ее жениха. В других случаях они сбегают. Тогда что вы будете делать?

Я сделала с Кларой то же самое, что мой отец сделал со мной. Я заперла ее в башне.

Я выбираю длинный обходной путь обратно в мотель. Если увижу кого-нибудь или что-нибудь подозрительное, то не вернусь. Я бы позволила схватить меня первой. Но улицы пусты. Брошены.

Наконец я позволяю себе проскользнуть в «Тропикану» через черный вход. Кирпичи освещены рождественскими огнями, а пальмы кажутся темными и зловещими. Я останавливаюсь в маленьком переулке между нашим зданием и соседним. Что-то не так.

Мадонна. Ее больше нет на окне. Она исчезла, и Клара тоже.

Все во мне замедляется. Мое сердце. Мои мысли. Я даже моргаю медленнее, опустив веки, впиваясь взглядом в наше пустое окно. Я покачиваюсь, теряя равновесие, и мне все равно. Это был наш сигнал. Если бы она когда-либо бежала, она взяла бы с собой Мадонну. Затем я ощущаю стену позади, чувствую, как прохладный кирпич держит меня. Откидываю голову назад и позволяю себе почувствовать вину, стыд и печаль.

Но и радость тоже. Облегчение от того, что она ушла от меня. Без меня ей будет безопаснее.

Может быть, я всегда знала, что ей так будет лучше.

Тем не менее, я не могла отпустить Клару. Я слишком любила ее, нуждалась в ней больше, чем понимала. Или, может быть, она знала, потому что она спорила со мной, когда разговор заходил о побеге. Каждый раз она говорила мне «нет». Но, похоже, она все равно послушала меня.

Рассвет пробился над самыми высокими зданиями, лучи рассеялись вокруг сломанных шпилей, купая каждую трещину в оранжевом и розовом. И она ушла, как я ей сказала.

Кип не сможет добраться до нее. Он никогда не найдет ее.

Как и я.

Что-то шевелится в окне. Я замечаю легкое покачивание штор. Движение едва заметное. Втираю слезы, чтобы разглядеть более ясно. Она все еще там? Я застала ее прежде, чем она ушла?

Делаю шаг в сторону здания. Затем еще один.

— Клара? — шепчу я.

Хозяин еще не стал бы убирать нашу комнату. Клара не стала бы говорить ему, что уходит. И мы все равно оплатили на неделю вперед. Наличными, конечно.

Затем дверь открывается. Там мужчина. Я бы узнала его где угодно. Разве не он, нахмурившись, высился в дверном проеме моей комнаты достаточно много раз, блокируя выход?

Папочка. На этот раз я не шепчу. Мои губы двигаются, но я не издаю ни звука.

Он все равно смотрит, прямо на меня, туда, где я стою в тени. Он видит меня. Его тело смещается, двигаясь ко мне. Он уже стар, мучается от болей в коленях и от проблем со спиной, но прежде он был воином. Убийцей.

И все еще им и остается.

Я пускаюсь в бег.

* * *

Так много выучено за восемнадцать лет уроков балета и долгих часов, проведенных на шесте. Он стар, но он — прирожденный охотник. Все, чего хочу я, это уйти. Я бегу к «Гранду». Странно, я не должна чувствовать себя в безопасности, но именно это я и ощущаю. Он, должно быть, ожидал этого, потому что подрезает меня в переулке.

Рука на моем запястье сжимается в крепкой хватке.

— Хонор!

Эта рука поправляла мое одеяло в постели. Она покоилась на моей голове, пока мой жених трахал меня на столе.

Эта рука убила мою мать.

Я держу «Тейзер», но он не отпускает мое запястье. Он сжимает — сильно — и моя хватка ослабевает. «Тейзер» падает на землю. Мой отец пинает его в кучу мешков с мусором, и штуковина исчезает в тени и грязи.

— Успокойся, — рычит он.

— Ты забрал ее? — требовательно спрашиваю я, выворачиваясь, но не в силах освободиться. — Ты забрал Клару?

— Ее там не было. Комната пуста.

Я даже не знаю, верю ли я ему.

— Отпусти меня. Просто дай мне уйти.

Хотя мне больше некуда идти. Не после того, как они узнали о комнате. Я могу только надеяться, что он говорит правду о том, что Клара ушла прежде, чем он туда попал. Поняла ли она, что они вышли на нас? Поэтому она ушла, хотя всегда спорила со мной, чтобы остаться и ждать меня?

Борясь со мной, он толкает меня назад и вниз. Я падаю на бетон, сдирая колени в ослепительной вспышке боли. Это как на сцене. Он наклоняется ко мне, тяжело дыша, глядя дикими глазами.

— Почему ты сбежала? — требует он.

Я смеюсь и вздрагиваю одновременно. Результат — сломанный звук. Плач.

— Ты знаешь.

— Мне было бы все равно, если бы твоя сестра исчезла, но ты...

— Вот поэтому мне пришлось уйти. Потому что ты не заботился о ней. — Я выворачиваю руку, но сейчас я на коленях. Я теряюсь. Мы находимся посередине тротуара в дерьмовой части города, и никто не станет вмешиваться. Никто и пальцем не пошевелит, чтобы защитить меня. — Тебе тоже было безразлично. Даже когда ты отдал меня Байрону.

Его лицо кривится от ярости. Или вины?

— Ты должна была прийти ко мне.

Я смеюсь. Возможно, в этот момент это неправильно. Господь знает, что я никогда бы не засмеялась в лицо моему отцу дома, в особняке, бегая по обюссоновским коврам в своих балетных тапочках, как будто они могли каким-то образом перенести меня в другое место.

Мы больше не в особняке. Балетные тапочки на самом деле перенесли меня в другое место. Они дали мне способ поддержать нас, когда мы сбежали.

— Ты видел, папа. — На языке горечь. Я слишком устала лгать. — Ты видел, что он со мной делал, и похлопал меня по голове, словно я была домашним питомцем.

— Ты моя дочь, — кричит он, и то, как он это говорит, означает то же самое.

— Нет, ты прав, — говорю я с сарказмом. — Как пить дать, ты бы защитил меня, попроси я. Точно так же, как защитил мою мать.

Он все еще нависает надо мной. Его глаза сужаются, и впервые с тех пор, как он меня поймал, настоящий страх пронзает меня. Даже в своей глубокой печали, когда моя сестра ушла, и меня предал мой любовник, я не хочу умирать.

— При чем здесь Портия? Я не тронул ее и пальцем.

— О, придерживаешься золотого стандарта, верно? Как насчет пистолета, ты ее застрелил? Или ножа, ты ее зарезал?

Он тянется ко мне, к моим волосам. Отец наклоняется, сжимает руку, отклоняя мою голову назад.

— Что ты имеешь в виду, дитя? — Его слова низкие, шелковистые. — Ты боишься меня?

Я дрожу, тяжело дыша.

— А должна?

Внезапно он отпускает меня. Моя голова дергается от удара, но я все еще на коленях, поэтому падаю на руки. Куски щебня скользят под моими ладонями, напоминая мне о крыше над «Грандом».

— Конечно, нет, — говорит он. — Я твой отец. Мы вернемся домой. Все вернется на круги своя.

Все никогда не будет как раньше. Не только потому, что сейчас у меня нет Клары. Я тоже изменилась. Танцы в «Гранде» меня изменили. Кип меня изменил.

О, Боже, Кип.

Если я сейчас пойду с отцом, я больше не увижу Кипа. И это хорошо. Он ублюдок, точно, как он и сказал мне. Меня посещает странная мысль, что я должна была позволить Кипу передать меня им. По крайней мере, тогда он получил бы вознаграждение за мою голову. В конце концов, его работой было найти меня... трахнуть меня...

Слеза скатывается по моей щеке.

— Тихо, тихо, — говорит мой отец, подтягивая меня за руку вверх. — Все будет хорошо. Тебе больше не нужно оставаться здесь.

Вот, из-за чего он думает, что я плачу? Потому что не хочу жить в этом мотеле? Чего он не знает, так это того, что я бы все отдала, чтобы вернуться к тому, что было неделю назад. Мы с Кларой благополучно жили в мотеле. И я ходила с Кипом после работы, не подозревая, что он был здесь только ради того, чтобы предать меня.

Возможно, этого могло быть достаточно, чтобы вернуться к такой жизни. Если бы только.

— Почему ты убил ее? — шепчу я.

— Порцию? — Он качает головой. — Я не знаю, откуда у тебя эти мысли, дитя. Сейчас я бы убил ее. Должен был, пожалуй. Но я никогда не тронул ни одного волоса на ее прелестной голове.

— Ты ожидаешь, что я поверю, что ее смерть была несчастным случаем? Жена мафиози и несчастный случай?

Его внезапно охватывает грусть. Он вдруг становится таким старым. Видно, что суставы и спина разболелись от того, что он преследовал меня. Я вижу, что эти месяцы сказались на нем, пока он искал меня. Скучал ли он по мне?

— Я никогда не говорил тебе правду. Думал, что защищаю тебя. Но, может быть, я защищал только себя.

Я сглатываю с трудом, чтобы услышать, как он это признает.

— Значит, ты на самом деле убил ее.

В его глазах вспыхивает боль.

— Я ее не убивал. Никто не убивал.

— Лжец, — говорю я, дрожа от ярости.

Нет ни единого шанса, что она может оказаться жива. Это была всего лишь детская мечта.

И я думаю, мне не понадобится «Тейзер», чтобы уложить мужчину на землю. Быстрый, сильный удар по яйцам справится с этой задачей с таким же успехом. И, Боже, ноги у меня крепкие. Каждый день, когда я танцую на сцене, мои бедра как гребаное оружие. Один удар — и мой отец оказался бы на земле. Я практически черная вдова — оставляю людей разбитыми и страдающими, куда бы я ни шла. В такие секунды я чувствую себя всесильной.

И затем он говорит то, что для меня равносильно краху.

— Я не позволю Байрону прикоснуться к тебе снова, — произносит мой отец. — Я не должен был позволять ему прикасаться к тебе вообще.

Это то, что я всегда хотела от него. Защиты. Заботы. Думаю, маленькая девочка никогда не перестает хотеть своего папу. Но мое желание — всего лишь иллюзия. Я знаю это, потому что секунду спустя позади него появляется Байрон.

Я ожидала, что он станет ужаснее в моем сознании, как будто мои страхи могут превратить его в монстра. Но он выглядит чуть более зловещим в этом костюме и с этой улыбкой, чем кот, добравшийся до сметаны.

— Ты нашел ее.

Рука моего отца напрягается. Он поворачивается наполовину, пойманный между нами.

— Байрон. Мне нужно время с моей дочерью. Потом мы с тобой поговорим.

Байрон надвигается на нас, и мы с отцом отступаем. На лице этого мужчины уверенность. Я предполагаю, что это имеет какое-то отношение к толпе мускулистых мужчин позади Байрона, вооруженных и холодных. Наемники.

— Время для разговоров истекло, — говорит Байрон. — Как и твоя польза. Хотя мне

жаль, что твоя дочь застрелила тебя. Это грубо.

Я кричу и дергаю отца вниз, но Байрон быстрее. Его мишень — идеальна. Он проделывает дыру в голове моего отца, забрызгивая мои руки кровью.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Нужно искать во всем положительную сторону. Я рано это узнала. Она всегда есть. В данном случае она заключается в том, что Клара, определенно, убежала и теперь в безопасности. Если ранее я не была уверена, то теперь я знаю точно, что она ушла. Ее книг нет, и Мадонны тоже.

И я знаю, что она не у Байрона. Потому что он пытается меня, пытаюсь найти ее.

Это такое облегчение, что я не знаю, где она.

Удар.

Я не могу быть уверена, что не сдала бы ее. Я люблю ее больше всего на свете. Больше, чем свою жизнь, правда, моя жизнь много не стоит. Я с радостью умру за нее, но дело в том, что смерть — это непросто. Не тогда, когда я лежу связанная в комнате мотеля. Я не могу наглотаться каких-то таблеток, которых у меня нет, или перерезать запястья, потому что они перетянуты веревкой. Я могу только терпеть каждый удар ремня Байрона. Я могу только выживать.

Снова удар. Опять. И опять.

Двое мужчин сидят за столом, где мы с Кларой ели вместе. У меня тревожное ощущение, что они ждут, когда Байрон закончит со мной. Что они ждут своей очереди.

— Где она? — спрашивает Байрон. Мне кажется, он знает, что у меня нет ответа. Думаю, ему все равно.

Я качаю головой.

Удар.

Мое тело дергается в оковах. Мои запястья и лодыжки привязаны, я лежу лицом вверх. Вся кровать сотрясается от удара. И боль... Боже, боль невыносима. Она ослепляет. Словно все огни на сцене, и все руки, что прикасались ко мне. Словно укусы змеи, удар ее хвоста и жжение зубов, впившихся в мою плоть.

Но я должна вынести это. Смерть непроста. Я могу только выжить.

Удар.

Я испытываю к Кенди больше сочувствия, чем прежде. Если она пережила хоть малую толику этой боли, неудивительно, что она принимала наркотики. Я бы сделала все, чтобы почувствовать онемение.

— Пожалуйста, — хнычу я.

Я не хотела этого говорить. Не хотела просить. Он не заслуживает удовлетворения.

Байрон делает паузу. Он кладет ремень на кровать. Матрас скрипит, когда он наклоняется ко мне.

— Что это было? — говорит он, его голос обманчиво нежен.

Снаружи еще люди, караулят и ждут. Интересно, зачистили ли они весь мотель. Будет безопаснее, если убедиться, что свидетелей нет. С другой стороны, зачем беспокоиться? Никто ничего не увидит к моменту прибытия полиции. И даже если бы что-то осталось, и кто-то что-то увидел, друзья друзей Байрона прикроли бы его.

— Я не знаю, где она, — шепчу я.

Он наклоняется ближе, его рот в нескольких дюймах от моего уха.

— Почему я должен тебе верить?

Я ощущаю металлический привкус на своем языке. Кровь?

— Потому что я говорю правду.

Он откидывается назад, улыбаясь.

— Я не тороплюсь, дорогая. Я долго ждал момента, когда мои руки снова окажутся на тебе, и я намереваюсь смаковать это. Ты будешь молить о смерти прежде, чем я покончу с тобой.

Чего он не понимает, так это того, что я уже молю о смерти. Я потеряла все.

Свою сестру. Я больше ее не увижу.

Удар.

И Кипа. Боже, он никогда и не был моим. Но надежда на него была такой милой.

Удар.

Даже своего отца. Я так долго ждала, что он станет за меня. Сказал ли он правду о моей матери? Это значит, что он не убил ее.

Удар.

Но если она была жива все это время, значит, она бросила меня. Отказалась и оставила для такой жизни.

Удар, удар, удар.

Слишком много. Физическая боль. Эмоциональная. Моя душа горит. Моя кожа пылает. Край моего зрения становится алым.

Байрон нависает надо мной с улыбкой на лице. И я боюсь его больше, чем когда-либо. Если он доволен, это никогда не заканчивается хорошо.

— Я знаю, что ты здесь делала. Стриптиз. Черт, я рад, что не женился на тебе. Я должен был убить тебя. Наверное, и убью в любом случае.

Не позволяй ему добраться до тебя. Он может трахнуть мое тело, но я не позволю ему трахнуть мой рассудок. У меня плохое предчувствие о том, что он сделает и то, и другое, и я не смогу его остановить.

— Я также знаю о твоём маленьком бойфренде.

Мой желудок переворачивается.

— Твоём брате?

Байрон смеется, и страх поселяется глубоко в моем сердце.

— Я удивлен, что он рассказал тебе об этом. — В глазах Байрона появляется блеск. — Он рассказал тебе о наших семейных секретах?

Немного. Я знаю об отце Кипа, и о том, как он их покинул. Я знаю, что они росли в бедности. Вот почему Байрон, казалось, ненавидел меня с самого начала: потому что у моей семьи были деньги?

— Нет.

— Гребаные драгоценности. Они принадлежат моей семье. Мне. Я думал, что они пропали... но потом ты приехала сюда, — он наклоняется. — Где они?

— Я не знаю.

— Не знаешь, где драгоценности. Не знаешь, где твоя сестра, — он фыркает от отвращения. — Ты мне не очень-то полезна, не так ли?

— Тогда отпусти меня.

— Я собирался сделать тебя моим утешительным призом. Тебя и всю гребаную империю твоего отца. Ты знала это? У меня не было драгоценностей, но у меня могло быть все остальное, — он провел пальцем по моей груди, зажимая сосок между большим и указательным пальцами. Подергивая. Сжимая. — И ты была моей маленькой жемчужиной, правда ведь? Я полировал тебя, не так ли?

Слеза скатывается по виску.

— Нет, — я задыхаюсь, но это ложь.

Потому что он отполировал меня, пока я не начала сиять, пока я не стала ровной и острой. Он использовал меня как драгоценный камень — вещь, которую нужно было носить, а затем бросить в ящик.

— Не только тебя, Хонор. Ты не была единственным драгоценным камнем в моей короне. — Его рука обвивает мое горло. — Кип рассказал тебе о нашей сестре?

Мое дыхание застревает в горле. *Какие-нибудь Эмили или Сильвии, о которых я должна знать?* Но он так и не ответил.

— Она выросла не так, как мы. У нее было все, чего мы никогда не знали.

Подозрение темной лозой стягивает мои легкие. От этого становится трудно дышать. Два бедных брата. Сестра, которая выросла богатой. Это кажется невозможным. Я молюсь, чтобы это оказалось неправдой. Молюсь, чтобы ею была не я.

Его рука сжимается на моем горле, прекращая подачу воздуха.

— Ее зовут Клара, — шепчет он.

И я отключаюсь.

* * *

Когда я снова просыпаюсь, вокруг темно. Рядом со мной сидит человек. Я узнаю его: это тот, кто сидел за обеденным столом ранее. Он один из людей Байрона. Водит рукой по моему животу, иногда обхватывая грудь, массируя ее. Я не знаю, как долго он это делает. Моя кожа покрыта мурашками. Он проводит по следам ударов, и я хватаю воздух ртом.

Он пугается, а затем удивляется.

— Ты проснулась.

Мой разум все еще вращается от того, что я знаю. Кип. Байрон. Клара. Все они связаны.

И я тоже.

Все это обретает сейчас смысл самым ужасным способом.

Рукой он тянет за мою грудь, пока я не начинаю всхлипывать. Второй мужчина прислоняется к стене, наблюдая. Оба они опасны, но тот, что у стены, пугает меня больше. В его глазах что-то хищное, что-то от рептилии.

Веревка слегка ослабла, всего на йоту. Теперь запястья чувствуются немного свободнее, чем раньше. Но я все еще не уверена, что могу вытащить руку, не повредив ее. И если бы я освободилась, было бы некуда идти. Они только привяжут меня крепче. Только причинят мне больше боли.

Первый мужчина проводит рукой по моему телу, давя на уже образовавшиеся кровоподтеки, опускаясь между моих бедер и вцепляясь в мое сухое влагище.

— Просыпайся и готовься к нам.

Я не готова ни к чему из того, что они со мной сделают.

Дверь ванной распаивается, рисуя треугольный узор света на тонком ковре. *Байрон. Я*

никогда не думала, что увидеть его станет облегчением. Но вместо того, чтобы подойти к кровати, он идет и садится на один из пустых стульев за столом. Он закидывает ногу на ногу, устраиваясь удобнее. Его итальянские туфли сияют даже в тусклом свете, костюм выполнен на заказ.

Он ухмыляется мне через комнату. Разговаривает со своими людьми, но не нарушает зрительный контакт со мной.

— Узнайте, куда ушла ее сестра. Мне все равно, что вам придется сделать, чтобы заставить ее говорить.

Человек, сидящий рядом со мной, кивает в жадном согласии. Его руки становятся грубее. Они не несут пытку, разве что моральную. Такой же позор я проживаю каждую ночь на сцене. Я понимаю, что он хочет трахнуть меня больше, чем причинить мне боль, хотя я уверена, что он сделает и то, и другое до окончания ночи.

Звук расстегивания молнии пронизывает воздух. Человек у стены не отходит со своей позиции, только тянется рукой к паху и вынимает член. Он поглаживает себя, наблюдая.

Ты должна была стать моим утешительным призом.

Я собираю в себе силу, пытаюсь очистить разум. Как в моменты, когда я стояла за кулисами, ожидая выхода на сцену. Или когда я пряталась снаружи кабинета моего отца, подслушивая, как он назначал цену за чью-то голову, умирая немного внутри.

Выхода нет. Даже смерть для меня не доступна на этой кровати.

В дверь стучат. Я закрываю глаза, размышляя, на сколько минут это спасет меня. Это, конечно, один из людей Байрона, возможно, с информацией о проверке окрестностей. Или, может быть, они доставляют кофе. Мужчины в его работе — не что иное, как лакеи на стероидах.

Человек у стены не перестает смотреть на меня, не перестает гладить себя.

Конечно, Байрон не соизволит встать, не тогда, когда кто-то другой может это сделать. Остается лишь мужчина, что трогает меня. Он выглядит недовольным из-за того, что ему нужно остановиться, но он не станет жаловаться вслух. Ущипнув меня за сосок с сожалением, он встает и подходит к двери. Здесь он не боится, окруженный своими людьми, защищенный огневой мощью проклятого батальона в одном крошечном захудалом мотеле. Он не смотрит в глазок, а просто распахивает дверь и получает пулю в грудь.

Я смотрю на него, не в силах понять, что произошло. Байрон тоже смотрит, застыв на один сладкий момент поражения. С его позиции он может видеть дверь, и то, что он видит, заставляет его зарычать. Он вытаскивает пистолет и скрывается в ванной комнате, отстреливаясь, когда начинают свистеть пули.

Человек у стены реагирует медленнее всех. Предполагаю, что поглаживание своего стояка может тебя замедлить.

Но он самый устрашающий, несущий смерть. В нем меньше всего человеческого.

Когда он понимает, что на них напали, то даже не удосуживается спрятать член. Он просто вытаскивает пистолет и начинает стрелять, не глядя; его эрекция подсакивает, оставшись незащищенной. Я дергаюсь в веревках, что меня сдерживают. Это мой шанс уйти. Я не знаю, что происходит — может, это какой-то внутренний бунт — но я должна использовать его.

Веревки слишком туго привязаны. Независимо от того, как я их тяну, они становятся только крепче.

Мои мышцы горят от напряжения. От каждого рывка синяки и раны на животе и груди

болят. Я в ловушке здесь, в середине долбаной перестрелки, совершенно голая. Еще более раскрыта, чем парень, подпирающий стену, с пистолетом наготове и высунутым членом.

Он выходит, чтобы сделать свой выстрел и получает пулю. Его тело отбрасывает назад, и он падает на пол. Ему попали в бок. Кровь брызжет в стороны. Нападающий входит в комнату и снова стреляет в него, на этот раз в колено.

Человек движется вперед, и свет из ванной падает ему на лицо. *Кип*.

У него дикие глаза. Сейчас он напоминает проклятого гладиатора, в котором больше от животного, чем от человека, в котором больше жестокости, чем милосердия. Он смотрит на мое нагое тело на кровати. Затем на человека, извивающегося и захлебывающегося на полу у его ног. Нетрудно понять, что здесь происходит, и Кип реагирует быстро — быстрее, чем мог бы. Он опускает свой ботинок на голый, вялый член и проворачивает пятку. Из мужчины вырывается ужасающий высокий звук первобытной боли, который внезапно обрывает коньробольный выстрел в голову.

Мой разум едва осознает то, что сделал Кип. Он убрал двух человек Байрона и победил. Нет, он, должно быть, убрал еще и тех, кто патрулировал снаружи. Они уже были беспомощны или мертвы, когда он прошел и постучал в дверь, вводя людей в комнату в недоумение.

Он невероятный. Он монстр. Меня сейчас вырвет. Нет способа двинуться или пошевелиться, и я захлебнусь собственной рвотой.

Однако Кип еще не в безопасности. Я пытаюсь ему сказать.

— Ванная комната, — кричу я, но получается только хрип.

Все в порядке. Кажется, он уже знает. Его пистолет нацелен на открытую дверь, готовый сделать выстрел. Но Байрон не ушел туда просто так. Он не только чертовски хитрый преступник, он также полицейский.

— Ты не хочешь этого делать, Кип, — говорит он. — Сдайся сейчас, и с тобой не обойдутся жестко.

Кип качает головой.

— Так намного проще.

— Может, ты и прошел мимо них, но ты никогда не возьмешь меня. Ты не выйдешь из этой комнаты живым, — пауза, и его тон меняется. — Только, если мы будем работать вместе, как в старые времена. Я знаю, что у тебя есть чувства к девушке. Мы можем это учесть. Можешь забрать ее.

Кип смотрит на меня, и в один ужасный момент я задаюсь вопросом, не согласится ли он с тем мраком, что Байрон планирует сделать со мной. Затем глаза Кипа темнеют от взгляда на рубцы на моей коже, и я знаю, что он никогда не причинит мне вреда. Он здесь, чтобы спасти меня. Но Байрон, должно быть, ожидал, что я отвлеку его, потому что он пользуется возможностью выскочить из ванной и расстрелять обойму.

Кип, отстреливаясь, ныряет вниз, чтобы накрыть мое тело.

Странная вещь пуля: она не чувствуется огнем, когда попадает в тебя. Может быть, я оцепенела от слишком долгого связывания. Вместо огня я чувствую лед. Понимаю, что в меня попали. Пуля вошла в бок.

Будь осторожен, хочется сказать мне. Он сражается нечестно. Так делают все. Байрон, Кип. Даже я.

Я сражалась так грязно, как могла, удерживая Клару подальше от Байрона, сохраняя ее в безопасности, и мне это удалось. Это джунгли, и выживает только сильнейший. Хотя,

возможно, теперь я не очень в форме, потому что чувствую, что угасаю. Падаю. Слава Богу, на моих запястьях веревка. В противном случае я ушла бы под землю.

Вместо этого я подвешена, ожидая.

Пули свистят по комнате. Это я могу сказать по взрывам, доносящимся до моих барабанных перепонок. Но Кип загнан в ловушку. Привязана я, но это он в уязвимом положении — прямо передо мной. Он не может спрятаться за кроватью, где он будет в безопасности. Я думаю, он не может даже ворваться в ванную, потому что это оставит меня открытой. Единственное прикрытие — это вторая кровать. Он использует ее, чтобы защитить себя, и стреляет, когда Байрон пытается прицелиться, поэтому вынужден отступить. Хотя, это не продлится долго.

Он бросится под пулю, и в этом будет моя вина. Моя. *Я не могу этого допустить.*

Я заставляю себя вернуться к настоящему. Прежде я ускользала от него. Боль и шок позволили мне плыть в какой-то другой реальности. Но теперь я полностью чувствую каждый синяк и порез на коже, остро осознавая, как сильно они болят. Я тяну привязанную руку — ничего не происходит. Веревка, может, и ослабла, но она все еще достаточно крепко держит, я не могу освободиться.

Я снова тяну, сильнее, крутюсь, так как пули рикошетят от стен. Одна врезаются в матрас под мной, ударяясь о пружину с громким щелчком. В любой момент вторая может попасть в Кипа. Он все еще блокирует меня. *Все еще защищает меня.*

Петля между рукой и веревкой слишком маленькая, и кажется, мне придется сломать руку, чтобы вытащить ее.

Что-то опускается на меня. Уверенность. Безрассудство. Иногда это одно и то же. Так пусть моя рука будет сломана. Трудно сломать собственную руку, так же, как трудно умереть. Я должна отпустить инстинкт самосохранения. Должна сломаться.

Тяну, используя все свои силы, напрягая лодыжки, чтобы обрести большую силу. Кровать скрипит.

Что-то в моей левой руке трещит.

Теперь она свободна. Это дает мне достаточно места, чтобы снять петлю со столба, так что моя правая рука тоже освобождается. Левая рука висит — сломана? — но правая все еще дееспособна. Я подскакиваю, чувствуя дрожь в ногах.

И, спотыкаясь, падаю на пол. Здесь безопаснее.

— Оставайся внизу, — приказывает Кип, прежде чем расстрелять всю обойму.

Безопасность больше ничего не значит.

Если кого-то застрелят, это будет Кип. Он имеет значение.

Я ползу к одному из мужчин на полу и беру его пистолет.

Дело в том, что мужчины всегда меня недооценивают, потому что я маленькая и слабая. Потому что у меня киска вместо члена. И мой отец, он держал меня под замком. Учитывая все эти факторы, я плохо подготовлена к миру. Но единственное, что я знаю, это насилие. Всю мою жизнь меня окружали мужчины, несущие насилие. Я была рядом с ними, когда они вытаскивали свое оружие, когда отталкивали границы безопасности. Была рядом с ними, когда они стреляли. И я смотрела.

Я целюсь и стреляю. Отдачи достаточно, чтобы отбросить мое тело назад, и в стене появляется новая дыра благодаря мне.

Я привлекаю внимание Байрона. Конечно, он ухмыляется.

Поэтому я иду к нему. Кип бросается ко мне, но этого я и жду. Я уклоняюсь от него и

направляюсь к Байрону. Я знаю, что не прицелюсь так, чтобы убить его. У меня не было месяцев или лет практики в стрельбе. И моя рука, возможно, сломана. Похоже, она горит. Но если я окажусь рядом, то смогу убрать его.

Это предполагает, что он не станет стрелять в меня первым. Он мог бы. Сейчас я не против, но не думаю, что он это сделает. Потому что он больше всего недооценивает меня.

Между нами уже всего пара футов. Кип прямо позади меня, вот-вот раскроет себя, сделает уязвимым, чтобы спасти меня. Я не могу этого допустить.

Я наставляю пистолет на Байрона. Теперь он смотрит в дуло. Считается он один.

— Ты не посмеешь, — холодно говорит он. Уверенно. Выходит, не считается.

Я стреляю. Целюсь по центру его груди. Отдача от пистолета и мучительная боль в руке означает, что я попала ему в плечо. И чувство от этого хорошее. После всех его издевательств, что вынесло мое тело, после всех дней, когда он трахал меня. Причинял мне боль. Боже, как болит рука. Но я все равно чувствую себя хорошо. *Сладкая победа.*

Хотя это не похоже на победу, если ему удастся схватить меня. Он поворачивает меня и приставляет пистолет к моей голове.

Он хочет использовать меня в качестве заложника, и это уже работает. Я вижу, как глаза Кипа темнеют от гнева. И страха. Он боится за меня, потому что у моей головы пистолет. Но я уже сломала себе руку. Я чертовски непобедима. Он направляет свое оружие на нас обоих, но я знаю, что он не станет стрелять. Он не может, не потеряв меня.

— Привет, младший братец, — произносит Байрон, и этого достаточно, чтобы шок от этого увел меня от моего плана.

Кип слегка кивает.

— Хотел бы я сказать, что рад тебя видеть.

Байрон смеется.

— Правда? Ты искал меня уже несколько недель.

— Не тебя. Ее.

— Ах, да, — Байрон смотрит на меня, опуская дуло пистолета к моему боку. — Она отлично трахается, но не стоит всех этих неприятностей, если ты спросишь меня. Девушек вроде нее пруд пруди.

Кипа охватывает ярость. Его ноздри трепещут. Вероятно, он собирается сказать что-то, чтобы защитить меня. Или, может быть, он всего лишь начнет стрелять. Я не даю ему шанса. Потому что я сама могу себя защитить.

Если я хочу выжить, я останусь единственным заложником Байрона. Но с меня хватит выживания.

Я тянусь рукой вниз и хватаю пистолет. Он мог бы остановить меня, попытайся я выхватить его у него, но я не делаю этого. Вместо этого я нажимаю на курок. Стреляю в себя. Захлопываю ловушку. Теперь ему нечего предложить взамен. У него даже нет моего тела, чтобы прикрыться им как щитом. Я падаю на пол и слышу выстрелы, которые убивают Байрона — один, два, три — прежде, чем он валится рядом со мной.

Тогда Кип переворачивает меня, прижимает руку к моему боку, молясь, ругаясь и молясь, снова и снова.

— Боже, Хонор. Почему ты... Иисус. Пожалуйста, живи. Пожалуйста, не забирай ее. Боже, пожалуйста.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Это похоже на сон.

Я под водой. Огни и тени танцуют перед моими глазами. Все приглушено, даже боль. Но он там. И голоса. Я узнаю ее голос. Впрочем, она не разговаривает со мной. Она далеко.

— Клара, — говорю я, но слово получается как хрип. Грубый звук, похожий на камни, падающие друг на друга.

Она все равно слышит меня.

— Поспи еще немного, — говорит она, и что-то прохладное и мягкое касается моего лба. Кажется, все плохо, раз она говорит это. Все кажется еще серьезнее, если она заботится обо мне, сохраняя меня в безопасности. Разве это не моя работа?

Безопасность.

Я должна убедиться, что она в безопасности. Я борюсь с водой, но она такая тяжелая и густая. Единственное, что я вижу — это стерильный белый потолок. Единственное, что я чувствую — это резкий запах чистящего средства. Я на больничной койке.

— Все в порядке, — успокаивает ее голос. — Просто отдохни.

Но я не могу дышать, когда беспокоюсь о ней. Я никогда не могла отдохнуть. *Я так устала.*

— Ты в порядке? — слова все еще искажены, но она отвечает мне.

— Я в порядке. И ты тоже. Мы все в порядке благодаря тебе.

Только тогда я могу снова расслабиться. Только тогда я могу дышать.

Это как вырваться на поверхность, к воздуху. *Безопасность.*

Ее рука обхватывает мою, даря тепло там, где я чувствую холод. Я впитываю ее жар, купаясь в ее лучах.

— Я знаю, что тебе больно, — мягко произносит она. И даже в моем бреде я знаю, что она говорит не о физической боли. Она говорит о каждом холодном взгляде на мое тело и каждом жестоком слове. Она говорит о страхе. И я боюсь, только не по тем же причинам, что раньше.

— Кип? — с грустью спрашиваю я.

— Его сейчас здесь нет. Если ты подождешь минуту, я смогу...

Но действие медикаментов, боль и усталость слишком сильны. Они утаскивают меня, как якорь, привязанный к моим лодыжкам. Я опускаюсь на дно, уплывая из сознания. Я знаю только одну вещь. Возможно, я потеряла Кипа. Возможно, он никогда и не был моим. Но у меня есть Клара.

Я освободила ее.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Я просыпаюсь, словно взмывая в воздух — внезапно и с толчком. Сажусь в постели, и в бок стреляет боль. Пуля. Байрон. *Кип.*

Память возвращается ко мне в спешке, и я ложусь обратно в кровать.

Закрываю глаза.

Хотела бы я снова уснуть.

Корабль уплыл. Я открываю один глаз и осматриваю бледно-желтые занавески и узор в

виде танцоров балета на них. Пол цвета корицы, стены — мягкого серо-коричневого. Это больше не палата в больнице. Элементы комнаты общаются друг с другом, вот, как это чувствуется. Они обоюдные друзья и доверенные лица, и мое присутствие здесь, кажется, нарушает их личное пространство.

Я не уверена, сколько времени проходит вот так, в дрейфе, в беседе с дверными ручками и гипсокартоном. Я поворачиваю голову и смотрю в окно, а потом вижу силуэт, очерченный оранжевым свечением. Это Мадонна из комнаты нашего мотеля.

— Клара, — шепчу я.

Что-то движется в углу комнаты. *Кип.*

Моя голова все еще немного кружится от каких-бы там ни было медикаментов, что они мне дали, но я бы узнала его где угодно. Несмотря на то, что он в потрепанной одежде, с кругами под глазами, с темной щетиной. Он смаргивает дремоту так же, как я, только он спал на твердом стуле в углу, а я на кровати.

— Ты проснулась, — говорит он, его голос хриплый. — Пришло время для очередной дозы.

— Нет, — я качаю головой, игнорируя боль, которую причиняет мне даже такое слабое движение. Рука болит и перевязана. Бок горит. — Никаких медикаментов.

Его лицо обретает строгость.

— Это лекарство от боли. Ты должна принимать две таблетки каждые шесть часов, а это было...

— Я не хочу этого. По крайней мере, не сейчас. — Я должна говорить медленно, осторожно, но я все больше сосредотачиваюсь на каждом слове, которое произношу. В голове туманные воспоминания о больничной койке с тонкими простынями и теплой, сильной рукой, держащей мою. Я помню, как меня выписали и перевели сюда... Он заботился обо мне?

Это слишком нереально, похоже на сон вместо жизни. Все из-за медикаментов.

Он не в восторге от того, что я не следую указаниям.

— Тебе больно, — ровно произносит он.

— Переживу.

Никакой улыбки.

— Хонор.

— О, теперь я Хонор? Я думала, я тебе нравилась больше в роли Хани.

На его лице мелькает боль.

— Тебя подстрелили больше недели назад. Тебе нужно отдыхать. Нужно принимать таблетки.

Неделя? Сколько еще дней я потеряю, если проглочу больше таблеток? Нет. Больше никаких задержек. Я слишком долго не знала правды. Особенно правды о нем. Я могу справиться с множеством плохих вещей. Черт, у всех есть прошлое, включая меня. Но теперь мне нужны ответы. Мне нужно знать.

— Где Клара?

Он встречает мой взгляд.

— Она здесь. В безопасности.

Облегчение — прохладное и обширное, как открытое пространство, так я могу дышать снова.

— И она твоя сестра?

В его глазах оживает благородство.

— Да.

Так кем же мы теперь приходимся друг другу?

— Расскажи мне все.

Он проводит рукой по волосам и вздыхает.

— Хорошо. Это справедливо. Но прежде чем я расскажу тебе это... — он отходит и возвращается. — Просто знай, что я не горжусь тем, что сделал. Возможно, у меня были причины. Типа быть эгоистичным ублюдком. Это причина. Но я не горжусь.

Я уже чувствую боль в животе, просто думая об этом, а я пришла в себя только несколько минут назад.

— Ты рассказал мне историю о том, как тигр получил свои полосы. Теперь расскажи мне, как ты получил свои.

Я спрашиваю не только о его татуировках. Я спрашиваю больше о его жизни, о его боли.

Я этого заслуживаю.

Он садится на краю кровати и берет меня за руку.

— Я говорил, что мой отец оставил нас, мою мать и меня, — начинает он. — Я не сказал, что он ушел, чтобы быть с другой женщиной. Он отвечал за безопасность богатой семьи. У него был роман с женщиной, и они сбежали вместе.

Я ее не убивал. Никто не убивал. Она еще жива.

— С моей мамой.

Кип колеблется. Затем кивает.

— Да.

— Но мы с тобой не...

Брови Кипа сходятся вместе.

— В родстве? Нет.

— Слава богу. — Я не думала об этом из-за времени, когда это случилось. Но опять-таки, я даже не думала, что Кип может оказаться братом Клары.

Призрак улыбки касается его губ.

— Клара — твоя сводная сестра. И она моя сводная сестра. Если бы нашим родителям удалось пожениться, это сделало бы нас с тобой сводными братом и сестрой. Но они этого не сделали. И поэтому мы никем друг другу не приходимся.

Никем. Слово зазвенело в моей пустой груди.

Может быть, он тоже чувствует потерю, потому что отходит, а затем возвращается. Проводит рукой по лицу. Каждое тревожное движение увеличивает мой страх в десять раз. Я думала, что теперь я в безопасности. Монстры прикончены — и мой отец, и Байрон. Я выбралась из особняка, где провела детство. Я больше не в «Гранде». Сбежала от всего, от чего когда-либо бежала. Только я не знаю, куда идти дальше. И так получилось, что мне нужен человек, который не должен был быть моим.

Оказывается, больше всего я должна была бояться мужчину, навстречу которому тянулась.

— Когда я был ребенком, у меня были проблемы. Дилерство на улице. Запугивание других дилеров. Мне хорошо платили, и у меня было что поесть.

Я киваю, потому что это все, что я могу сделать. Во всей той тьме, в которой я выросла, я никогда не знала голода.

— Я знал, что не хочу этой жизни навсегда, поэтому пошел в армию, — он качает

головой. — За все проведенное там время, единственные полезные навыки, которые у меня есть, это стрельба и борьба. Мои единственные местные контакты были преступниками, а Байрон был гребаным полицейским. Мы были на противоположных сторонах закона, только он причинял боль людям.

Я содрогаюсь. Это я знала. Примерный полицейский, который поднялся по карьерной лестнице. Который переехал в Лас-Вегас и уже сделал себе имя. *Будущий комиссар полиции*. Это то, что говорили люди. Как он был честен, насколько жесток к преступности. А между тем, он организовывал сделки в задних комнатах, устраивал засады и пользовался доверием, пока настоящие преступники срывали куш.

И я была с ним обручена. Трахалась с ним. Он был братом моей сестры. *Но не моим братом.*

— А Клара?

Кип выглядит задумчивым.

— Я долго ненавидел ее. Только, когда стал старше, то действительно засомневался в том, что они оставят ее позади. Но я знал, что у нее есть деньги и семья. Я думал: для чего ей нужен сводный брат-ублюдок?

Я вздрагиваю от его оценки самого себя.

— Кип...

Он отмахивается от моей попытки посочувствовать.

— Но потом я понял, что она сбежала, что Байрон ищет ее. И тебя тоже. Я знал, что должен что-то сделать, но понятия не имел, что буду делать, когда найду ее.

Я вспоминаю наше время в VIP-зале, на крыше, в переулке. Вспоминаю каждый раз когда мы были вместе. Он казался почти милым. Так противоречиво. И затем он стал сложным. Он трахал меня сапогом и толкал на кирпичную стену. И хотя это чувствовалось хорошо, это было не к добру.

— Если ты пришел за Кларой, чтобы защитить ее, почему не сказал мне, кто ты? Зачем ты...?

Я не могу закончить свой вопрос. Жалею даже, что начала..

Его выражение мрачнее, чем я когда-либо видела. Оно похоже на извинение. Похоже на прощание.

— Когда я нашел тебя в «Гранде», я понял, что у тебя есть ключ к поиску драгоценностей. Это то, что Байрон искал все это время.

Мои глаза наполняются слезами.

— И ты хотел найти их первым.

— Может быть. Да. Назови это соперничеством братьев. Назови глупостью.

— Соперничество братьев. — Я не вижу его сейчас. Есть только слезы. Темные красноватые цвета его силуэта, словно абстрактная живопись. — Вот, почему ты трахнул меня? Потому что знал, что он тоже делал это?

Тишина. Это и есть ответ.

Я закрываю глаза, отпуская слезу по щеке, потом еще одну. Я не хотела плакать перед ним, но уже слишком поздно. Я уже плачу. Я не хотела влюбляться в него, но и это я уже сделала.

— Ты, должно быть, подумал: до чего же я глупая, — шепчу я.

— Никогда, — грубо говорит он. — Храбрая. Сильная. Красивая. Вот кто ты для меня.

— Но ты не помог мне, когда нашел. Даже зная, кто преследовал меня. Даже зная, что у

меня нет выбора.

— Я думал, что смогу использовать тебя, чтобы приблизиться к Кларе, но держать тебя на расстоянии. Думал, что смогу трахнуть тебя и не заботиться о тебе. — Его глаза — темное море, а мучения в них — волны. Они разрушают меня. Ломают меня. — Я ошибался.

Это все, что я знала и чего боялась: что Клара — единственное, кого стоит спасти.

Не меня.

Я даже не ненавижу Кипа в тот момент. Я ненавижу себя.

— Я бы хотела побыть одна, — шепчу я.

Проходит длинная секунда, на протяжении которой я думаю, что он может не уйти. Может проигнорировать мою просьбу, как делал раньше. Затем я слышу шаги его сапог по деревянному полу.

А затем тихий щелчок двери.

* * *

Я не знаю, сколько времени проходит. Несколько минут. Несколько часов.

Дверь снова открывается, и мое сердце ухает вниз. Я больше не хочу его видеть. И в то же время хочу. Я разрываюсь.

Но это не Кип входит через дверь.

— *Клара!*

Она бежит ко мне, плачет, и я цепляюсь за нее, игнорируя боль, всхлипывая за все — за нашу разбитую семью, за Кипа, за каждый проклятый доллар, что я заработала на сцене. Две сестры, мы держим друг друга в безопасности вместе, в море холодных мужчин и еще холоднее женщин.

Клара всегда будет моей сестрой.

Меня не волнует, разные ли у нас отцы.

Меня не волнует цвет ее глаз или ДНК. Она моя сестра, потому что я целовала ее пухленькие щечки в детстве. Она моргала мне этими голубыми глазками, и я думаю, что она знала, кем я была ей тогда. Я была той, кто держал ее. Я была той, кто менял ей подгузник, когда наша мать исчезла.

Я обвиняю ее в этом, но также знаю, как ощущается потребность быть любимой.

Клара больше, чем моя сестра. Я заботилась о ней после ухода нашей матери. Я никогда не хотела, чтобы она была одна или боялась. Никогда не хотела, чтобы она заботилась обо мне.

Сегодня это меняется. Пока я плачу и обнимаю ее, а мой бок болит, она меняет наши роли.

— Возвращайся в постель. У тебя же швы могут разойтись.

Я дарю ей свой лучший суровый взгляд.

— Я в порядке.

Эффект, возможно, разрушен резким вдохом, который вырывается из меня. Дуга боли, подобна огню, проносится через мое тело.

— В кровать, — повторяет она, ее голос твердый, но руки мягкие, когда она помогает мне опуститься на кровать и поправить одеяло.

Я закрываю глаза, ожидая боли и тошноты. Когда снова открываю их, Клара держит в ладонке стакан воды и две белые таблетки.

— Нет, — говорю я. — Больше ничего из этого.

— Доктор сказал...

— Мне все равно, что он сказал. Они путают мне мысли. Я не была уверен, сплю я или бодрствую. Я даже не была уверена, жива я или нет.

Глаза Клары наполняются слезами. Ее рука сжимается вокруг таблеток, когда губа начинает дрожать.

— О, Хонор.

— Прости, — говорю я, тут же каясь. Тем не менее, так и не беру таблетки.

— Не извиняйся, — говорит она, шмыгая носом. — Я та, кто оставил тебя там. Не могу поверить, что оставила тебя. Как ты можешь простить меня?

— Прощать нечего. Я рада, что ты ушла. — Образ Клары, привязанной к этой кровати, избитой ремнем, никогда не покинет моей головы. Меня тошнит от него.

Со вздохом она бросает таблетки на стол. Одна катится, пока не падает с края, другая останавливается.

— По крайней мере, выпей воды. Тебе нужна жидкость и отдых.

— Теперь я в порядке, ты здесь. — Не совсем в порядке, не тогда, когда между мной и Кипом миллионы миль. Я остаюсь в его доме, но теперь между нами больше расстояния, чем когда-либо. — Кстати, как ты узнала, что было безопасно вернуться?

— Я никогда не уходила. Не на самом деле. Ты знаешь нашего соседа справа?

— Тот, у кого стрижка 80-х?

— Нет, с другой стороны. Того, кто готовит метамфитамин в горячей тарелке. В любом случае, он пришел и предупредил меня о том, что какие-то ребята ищут нас повсюду. На самом деле это было мило.

Подождите. У нее на лице слишком благодарное выражение лица.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты не влюблена в парня с метом...

Она закатывает глаза.

— Я не была уверена, что они были там из-за нас. Ты знаешь, в этом месте много темных людей, но я подумала, что было бы безопаснее уйти. Я убрала статую из окна, поэтому, если бы ты вернулась раньше меня, то поняла бы, что это небезопасно.

— А потом ты уехала бы из города. — В любом случае, это был план, но у меня появились подозрения. Особенно с этим выражением слабой вины на ее обычно честном лице.

— Не совсем, — она вздыхает с раздражением. — Я не хотела уезжать без тебя, понятно? Это преступление?

— И куда ты пошла? — Внезапно потолок становится для нее самой интересной вещью на свете. — Клара?

Она все еще избегает моего взгляда.

— Я пошла искать тебя, вот и все.

О, нет. Я прищуриваю глаза.

— Где бы ты вообще меня искала?

— Я пошла в «Гранд», ясно? — Слова, слетевшие с ее языка, звучат прерывисто. — Я пошла туда, и я знаю, что ты будешь беситься, но не надо. Все в порядке.

Ладно, я как-то пережила Байрона. Но не уверена, что смогу сделать это сейчас. Это похоже на молот над моей головой.

— Ты врешь мне прямо сейчас? Скажи, что ты врешь.

Вздых.

— Слушай, ты ходила туда каждый день, а я не могу сходить хоть раз?

— Нет, — категорично отвечаю я. Я хочу топнуть, но это сильно навредит мне. Более того, я хочу обернуть ее в пузырь, где жуткие парни никогда не посмотрят и не прикоснутся к ней.

— Они оказались очень милыми.

Это вызывает во мне лишь больше подозрений.

— Кто оказался милым?

— Все! Я встретила Лолу и Кенди. С ними оказалось круто, как только они узнали, что я твоя сестра. Сначала они беспокоились о том, что Иван увидит меня, но он сказал, что я могу остаться до тех пор, пока мне нужно.

Так вот как чувствуется аневризма. Ну отлично.

— Он гангстер, Клара. Как папа.

Она задумчиво поворачивается.

— Возможно, поэтому я чувствовала себя комфортно с ним. Может быть, взросление в таких условиях, в каких выросли мы, исказило нас или что-то вроде этого, так что теперь опасные парни кажутся для нас безопасными.

Я в шоке смотрю на нее. Откуда она знала? Мне потребовалось время, чтобы понять это. И к тому моменту было уже слишком поздно. Я уже была по уши влюблена в опасного человека. Уже влюблена в его сапоги и его щетину, и рассказы, слетающие с его уст.

Замечаю что-то на ее шее. Я узнаю это, но оно висело не на ней.

— Что это? — спрашиваю я.

Она смотрит вниз, на ее губах пляшет слабая улыбка. Ее пальцы хватают мраморный крестик, который я видела у Кипа.

— Он сказал, что это для меня. Что-то, что мой отец — мой настоящий отец — оставил, когда... Он сказал, что я могу его забрать.

Мое сердце тает от изумления в ее голосе. Конечно, она знала, что она не дочь моего отца. И Кип, должно быть, рассказал ей всю историю. Или, по крайней мере, сокращенную версию. Я рада, что теперь у Клары может быть чувство семьи, даже если оно связано с изменой и болью. По крайней мере, теперь она знает, откуда она.

Я кладу руку на ее ладонь.

— Я рада. — Что-то покалывает внутри. У меня смутные воспоминания от том, как я попала в больницу и вернулась домой. Должно быть, я просыпалась достаточно, чтобы поговорить с Кларой, но из-за медикаментов теперь все выглядит туманными. И меня что-то беспокоит. — Откуда ты знала, что Кипу можно доверять?

— Я не доверяла, — она печально улыбается мне. — Я устроила ему адский прием, особенно когда узнала, что он брат Байрона.

Это моя девочка.

— Что заставило тебя передумать?

— Ну, он спас тебе жизнь. Когда полицейские допросили нас примерно в сотый раз, это стало ясно. Даже тогда он требовал увидеть тебя, а я говорила «нет». Я хотела, чтобы ты полностью проснулась и выздоровела, чтобы сама смогла решить, хочешь ли ты его видеть.

Я вскидываю бровь, немного нервничая из-за того, что она избегает моего взгляда.

— Что-то должно было случиться, потому что у меня есть смутные воспоминания о нем в моей больничной палате.

Ее бледные щеки становятся ярко-розовыми.

— Ты продолжала звать его.

— Оу, — теперь я думаю, что тоже краснею, представляя, как зову его. Разве я не должна злиться на него? Он лгал мне. Обвел меня вокруг пальца. Но он также спас мою жизнь. И, может быть, как сказала Клара, то, как мы выросли, исказило нас или что-то в этом роде. Возможно, опасные парни заставляют меня чувствовать себя в безопасности.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Следующую неделю я иду на поправку. Я провожу время с Кларой и читаю книгу рассказов Рэдыарда Киплинга, которую моя сестра украла внизу и принесла мне. Я даже скорблю о своем отце. Возможно, у него не было ничего святого, но он попытался помочь мне в конце. Я думала о том, что он бы сделал это, если бы Байрон не обратил его на свою сторону. У меня был настоящий отец, которого я жаждала, но только на несколько секунд. Вот по кому я скорблю.

Я многое делаю на этой неделе, но мало говорю с Кипом.

Вернее, он мало говорит со мной.

Навещает меня один раз в день, и даже это кажется обязательством. Под его глазами всегда мешки, как будто он не спит. Он спрашивает меня напряженно, нужно ли мне что-то. Как будто он хозяин, а я официальный гость. Не его любовница. Не сестра его сестры.

Я не знаю, сможем ли мы снова сблизиться, смогу ли я снова ему доверять. Я даже не уверена, что такое доверие. Это все темная сторона лжи, искривленный узел в моем животе. Смерть моей матери. Мои странные сестринские отношения с Кипом и Байроном. Может быть, мне и безразлично, что мы не связаны кровно, но если бы я знала, то никогда и ни за какие деньги не коснулась бы Кипа. А теперь я прикасалась к нему везде. Он прикасался ко мне. *Слишком поздно.*

Я обдумываю покинуть дом, но даже не знаю, куда пойду. Может быть, Кипу будет легче, если я уйду. Может быть, он удерживает меня только из-за вины от того, что произошло.

Или из-за Клары.

Что, если он испытывает отвращение от того, что увидел меня на той кровати, обнаженную и избитую? Что, если он проводил со мной время только потому, что я была стриптизершей, потому что я была легкой добычей, и теперь, когда я лежу в постели, я ему не нужна?

На следующий день, когда Кип приходит ко мне, я уже сижу.

Он хмурится, когда видит меня. У него загнанные глаза, но, по крайней мере, он достаточно отвлечен от всего этого, чтобы поругать меня.

— Ты должна лежать. Ты еще не полностью восстановилась. Если будешь давить на....

— Подойди, присядь возле меня, — говорю я, поглаживая простынь рядом со мной.

Обычно Кип вообще не садится. Однажды, когда я вынудила его, он сел на край кресла, выглядя настолько неуклюже, что я попросила стакан воды, лишь бы у него был повод уйти. Но на этот раз я не собираюсь легко его отпускать.

Он готов отказаться. Боже, он еще больше похудел? Как будто тоже не ел...

Спустя долгую паузу, он кивает и садится на край кровати. Мой желудок ухает вниз.

Кип действительно выглядит отвратительно.

— Что-то не так? — тихо спрашиваю я.

Он выглядит удивленным. Затем смеется, немного хрипло.

— Это не меня подстрелили.

— Ммм, но я полностью выздоровела. А вот ты, напротив...

Он качает головой.

— Последнее, о чем тебе нужно беспокоиться, это я.

— Ты хочешь, чтобы я уехала? — Мое сердце больно сжимается, когда я задаю этот вопрос. Я не хочу уходить. Но уйду, если он захочет. Я не поняла, могу ли я с ним жить.

Но, что уже понимаю, так это то, что без него я жить не смогу.

— Нет! Боже, Хонор. Ты слишком слаба, чтобы переезжать.

Я хмурюсь.

— Ты говоришь так, будто я умираю.

— Ты почти умерла, — его голос звучит грубо. — Я держал тебя на руках, наблюдая, как ты истекаешь кровью. Ты хоть представляешь, сколько я... Ты не можешь уехать. Точка. Не пытайся спорить со мной в этом.

Я вообще не хотела уезжать, но что-то по-прежнему было не так.

— Ты... ты питаешь отвращение ко мне? Из-за того, в каком состоянии нашел меня? — Прежде, чем он успевает ответить, я спешу добавить: — Потому что я не обиделась бы на это. Я имею в виду, это было ужасно. Я ненавижу то, что ты увидел меня такой.

Кип отворачивается. Мышцы на его челюсти дергаются, грудь поднимается и опускается, как будто он заставляет себя успокоиться, но когда он смотрит на меня, то излучает все, кроме спокойствия. В его глазах пылает ярость.

— О чем, черт возьми, ты говоришь? *Отвращение?* Думаешь, ты *отвратительна*?

Он говорит, словно это абсолютно смешотворно, но я не думаю, что это вообще смешно.

— Ну, я имею в виду... это было довольно отвратительно.

Отметины не зажили. Я вижу их каждый раз, когда принимаю душ, хотя Кларе приходится помогать мне. Она вздрагивает при взгляде на них. Я предполагаю, что некоторые из них более глубокие и оставят шрамы, но в конце концов они обретут обычный цвет вместо черно-синего, как сейчас.

Кип просто пялится на меня сейчас. Безмолвно.

Я превращаю разговор в сумбур, но не уверена, каким образом.

— Послушай, я не хочу, чтобы ты думал, будто я жду от тебя чего-нибудь. Типа отношений или что-то в этом роде. Я знаю, что мы были просто... что ты был просто... Я знаю, кем я была, — заканчиваю я бессвязно.

Кип встает, напряжение от него исходит волнами. Он подходит к двери, и думаю, он хочет уйти. Открываю рот, чтобы позвать его, чтобы извиниться, попросить его остаться, но затем он поворачивается на пятках. Даже с такого расстояния я чувствую, как его взгляд обжигает меня.

— Позволь мне прояснить, — говорит он. — По твоим словам, я просто использую тебя для секса. Думаю, что ты отвратительна, потому что тебе было *больно*. И хочу выбросить тебя на холод, пока ты все еще выздоравливаешь. Я все правильно излагаю?

Мой голос ослаб.

— Когда ты так выражаешься, это звучит плохо.

Его глаза похожи на расплавленную медь, текущий металл. Он тяжело дышит, как бык,

готовый напасть, а мои слова кажутся ему красным флагом.

— Нет, Хонор, — говорит он, делая шаг вперед, — я не хочу, чтобы ты уходила. Никогда, если это будет от меня зависеть.

Мое сердце грохочет в груди.

— Оу, — говорю я очень-очень тихо. Потому что... оу.

Еще один шаг.

— И когда я увидел тебя, связанную на той кровати, я хотел разорвать каждого, кто помог сделать такое с тобой, каждого, кто причинил тебе боль. Я хотел забрать твои раны на свое тело, почувствовать боль вместо тебя. Я думал только о том, насколько ты красива.

Я с трудом сглатываю.

— Кип?

— А что касается использования тебя ради секса... — он достигает края кровати, но не останавливается. Он наклоняется ко мне, опираясь руками по обе стороны от моей головы, его лицо оказывается в футе от моего. С такого близкого расстояния его глаза напоминают чистую энергию, вихрь, который всасывает меня и крадет воздух из комнаты.

— Это правда. Я хочу снова и снова использовать тебя для секса. Я не хочу, чтобы когда-либо наступало время, когда я не смогу использовать тебя для секса, для дружбы, для каждой проклятой вещи, потому что я люблю тебя. Блядь, я тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю, — шепчу я. Это чувствуется почти волшебно, и если я заговорю слишком громко, то разобью заклинание. Как он мог любить меня после всего? Как я могу любить *его*? Но это так.

Любовь не задает вопросов. И любовь не лжет.

— Нет, — говорит он, отступая.

Хм...

— Что?

— Ты не любишь меня, — категорично заявляет он. — Ты даже не знаешь меня.

* * *

Ночь наступила к тому времени, когда я вышла на улицу. Мне пришлось подождать, пока Клара не заснет. В противном случае она бы волновалась.

Приятное чувство — искать его в темноте, вспоминая как мы гуляли, держась за руки, как лежали на крыше. Луна с нами в тайном сговоре, поливает нас достаточным количеством света, чтобы мы могли увидеть очертания друг друга, но недостаточно, чтобы увидеть все шрамы.

Кип сидит на перилах веранды, глядя на двор в его темном утреннем великолепии. Он не поворачивается, когда я выхожу. Не двигается, когда я приближаюсь. Но он знает, что это я.

— Полагаю, бесполезно просить тебя вернуться в кровать, — говорит он без тепла.

— Ты мог бы попробовать.

Кип бросает на меня взгляд.

— Почему у меня такое чувство, что тебе бы это понравилось?

— Потому что ты меня знаешь, — я понижаю голос, изображая серьезность. — Ты знаешь обо мне все.

— Думаешь, это шутка?

— Я не смеюсь. Я просто... Ты не можешь сделать такое расплывчатое заявление и ожидать, что я просто приму это. Если ты меня не любишь... — Мне приходится проглотить комок в горле. — Я пойму это. Но ты любишь меня, и это похоже на чудо. Я не могу просто притвориться, будто ты не говорил мне этого. Только если... если ты не имел это в виду.

Он приподнимает мой подбородок костяшками пальцев, поэтому мне приходится встретиться с его взглядом.

— Я имел это в виду. Никогда не сомневайся, что тебя любят. Не сомневайся, что я сделаю для тебя что угодно.

— Тогда будь со мной, — шепчу я. И телом, и душой. Он отдаляется от меня, и он это знает. Это больно. Больнее, чем удары ремня Байрона.

Кип перекидывает ноги через перила, поэтому теперь сидит ко мне лицом. Проводит рукой по моему предплечью.

— Ты действительно должна быть в постели. Хоть и не в моей. Ты должна быть подальше от меня.

— Ты продолжаешь предупреждать меня, но я знаю человека, которым ты являешься. Этот человек хотел помочь мне, когда все остальные отвернулись. Этот человек спас мне жизнь. И ты отказался от вознаграждения, чтобы сделать это...

— Нахер вознаграждение, — говорит он, сурово и громко. Слово «вознаграждение» отскакивает от кирпича и дерева на крыльце. За металлическим забором есть озеро. Я вижу, как оно выглядывает из-за деревьев, подмигивая отблесками лунного света, маня. Я чувствую себя внезапно уставшей, словно единственный отдых, что я могу найти, это под водой. Я помню стихотворение, о том, что ключ сокрыт под землей. Теперь я понимаю его больше, чем раньше, как кто-то может желать смерти. Не поспешной, не насильственной и не быстрой — всего лишь медленное погружение на дно пруда.

Я смотрю на этого человека передо мной, такого сильного, такого злого. На себя?

И моя сестра внутри дома, неизменно веселая, хоть и потеряла всю свою жизнь. Отца, которого она знала, и того, кто оставил ее до рождения. Она потеряла все.

Я подвела их обоих, Кипа и Клару. Я потерпела неудачу. Я думала, что раньше смотрела опасности в лицо. Считала каждый вдох, когда взяла Клару и сбежала, зная, что любой из них может оказаться последним. Я столкнулась с сумасшедшим и получила пулю. Но ничего из этого не приносило столько боли, как это пустынное умиротворение.

Глаза Кипа находят мои, темные и знающие.

— Ты заслуживаешь лучшего, — бормочет он.

Когда я отвечаю, мой голос хрипит.

— Ты все, что я хочу.

Он закрывает глаза. Когда снова открывает их, я вижу в них решимость, новую открытость. Нет никаких сорняков, нет шипов. Существует только широкое пространство, бесконечная земля.

— Ты появился там, — мягко говорю я. — Как?

— Я сказал тебе, что мой отец обеспечивал твоему безопасность. Я был просто ребенком, бродил по территориям, по которым мне не разрешалось бродить. Видел, как ты играешь. Ты выглядела одинокой. Красивой. Даже тогда, я думаю, что любил тебя.

— Когда ты понял, что это я? — спрашиваю я. Мне немного больно, что он не сказал мне. Мы оба выглядим иначе теперь, старше, но он ясно осознал это в какой-то момент.

— Я всегда знал, — говорит он. — Это то, что я имел в виду в комнате. Я всегда знал,

что это ты. В ту первую ночь, когда я увидел тебя на сцене и в приватной комнате, я точно знал, кто ты.

Мой желудок переворачивается. Может, то, что он знал, не должно ничего означать. Он мог потянуть меня за волосы и заставить меня трахнуть его сапог, если бы я была незнакомкой. От этого было бы легче. Знать, что я для него почти семья, и позволять себе унижаться перед ним.

— Я ненавижу то, что мне нужно было сделать в комнате в мотеле, но я не жалею об этом. Байрон всегда... слетал с катушек. Когда он стал старше, стало еще хуже. Жалобы от других детей. Мертвые животные во дворе. Мы водили его на консультации, но я отправился в армию, был слишком занят, пытаюсь не получить пулю в задницу, чтобы беспокоиться о том, что происходит дома.

— Кип...

— Затем я возвращаюсь, чтобы узнать, что он теперь является частью гребаной семьи. Я чертовски гордился, когда услышал, что он стал копом, и тогда я узнаю, что он так же коррумпирован, как и они. У него всегда был этот ебанный пунктик по поводу драгоценностей, и он думал, что они наши, что он заслужил их. — Кип проводит рукой по голове. — Я должен был остановить его раньше. Должен был усыпить его, как бешеное дикое животное, которым он стал.

— Это ты и сделал, — говорю я, чувствуя головокружение от того, как мой мир рушится вокруг меня. Вроде рассказов моего отца. *Delitto d'onore*. — Почетное убийство.

Одно дело думать, что он планировал использовать меня, когда я была ему не знакома. Другое — то, что он знал меня все время, что пришел ко мне и позволил мне испугаться. Сейчас я в отчаянии. Достаточно, чтобы оправдываться. Я не хочу потерять то, что у нас было в спальне. *Блядь, я тебя люблю.*

Он смеется неуверенно.

— Значит, ты и это простишь? Забудешь о том, что я не сказал тебе, кто я? Забудешь то, что я не защищал тебя с первого дня? Ты все спустишь мне с рук, не так ли? — Он берет прядь волос в ладонь, протирая ее между большим и указательным пальцами, точно так же, как в старом открытом бальном зале. — Ты мой собственный мученик.

Я отклоняюсь, пораженная.

— Я знаю, ты не причинишь мне вреда.

— Но позволил, чтобы тебе причинили боль, Хонор. Мы оба знаем это. Я позволил тебе работать в этом гребаном клубе. Я должен был вытащить тебя в ту же секунду, когда нашел.

— На каком основании? Что знал меня пятнадцать лет назад? Я бы не позволила тебе.

Взгляд, которым он на меня смотрит, говорит, что у меня не было бы выбора.

— Я позволил Байрону остаться с тобой, хотя знал, что он тебя использует. Он видел это как какое-то кармическое возмездие за то, что наш папа оставил нас. Я был так рад, когда узнал, что ты сбежала. Даже когда я узнал, что за твою голову назначено вознаграждение, и я искал тебя...

Я жду, затаив дыхание. Мое сердце ощущается тяжелым, словно камень, который тянет вниз. Уже под землей.

— Что?

— Я думал, что смогу остаться хладнокровным с тобой. Не я один таил обиду. Думал, что смогу использовать тебя, чтобы встретиться с твоим отцом, убедить его увидеть Байрона таким, каков он есть. И я думал, что смогу использовать тебя, чтобы добраться до Клары,

чтобы наверстать все упущенное время. — Он качает головой. — Но я увидел тебя на этой сцене, и мне пришлось ждать. Я сказал себе, что лучше подождать, чтобы получить доверие. Было и дополнительное преимущество — я мог прикоснуться к тебе и трахнуть, погрузиться пальцами в твою мягкую шелку.

Теперь эта щелка сжимается, мускулы напряжены и источают желание.

— У меня были принципы, Хонор. Были планы. Но когда я посмотрел на тебя, все, о чем я мог подумать, это удержать тебя возле себя, неважно какой ценой. Я бросил все, чтобы иметь тебя, и единственное, о чем я сожалею, это то, что тебе причинили боль. Если бы не это, я бы сделал так снова и снова. Я бы связал тебя сексом и деньгами, и что бы там еще не понадобилось, даже не думая о том, чего хочешь ты.

Я тянусь к краю рубашки и поднимаю ее над головой. Она задевает раны под тканью, и я вздрагиваю, скрывая их, потому что знаю, что Кип воспротивится больше, чем я.

— Тогда скажи мне, чего я хочу сейчас, Кип. — Мои пижамные штаны идут следом, я спускаю их насколько могу, а дальше они сами скользят вниз по ногам. Далеко не сексуальный стриптиз. Всего лишь тускло освещенное крыльцо — противоположность сцене. Но Кип все равно в восторге, наблюдает за мной, тяжело сглатывая. Я вижу выпуклость на его джинсах.

Сегодня вечером не будет никаких танцев на коленях. Я не могу извиваться телом, даже если бы захотела. И, может быть, он прав, в конце концов. Может быть, я должна быть в постели. Мне все равно, если я разорву швы. Мне все равно, больна ли я. Болит хуже, когда я не здесь с ним, вот так. Когда не ощущаю этих толстых пальцев внутри моей киски, готовой для него. Я всегда была к нему готова.

Кип скользит рукой по моему бедру, обхватывая мою задницу. Его стон — все, что мне нужно. В чем разница между хваткой и прикосновением, между раздеванием и *этим*? Темный жар в его глазах. Остановки в его дыхании. Или, может быть, то, как он говорит:

— Так хорошо? Тебе больно от этого?

То, как он заботится.

— Я в порядке, — выдыхаю я. Мне на самом деле больно, но не потому, что он прикасается ко мне. Я в огне, горю, но его рука на мне — успокаивающая прохладная вода. Я не хочу, чтобы он когда-нибудь останавливался.

Но затем он замирает, когда его темный взгляд падает на мои бледнеющие синяки. Его челюсти сжимаются.

— И ты думаешь, что мне чертовски жаль, что я убил его? Единственное, о чем я сожалею, что его нет в живых, чтобы я мог сделать *это* с ним, прежде чем пристрелить.

Но это будет означать лишь больше боли для Кипа, больше чувства вины.

— Я рада, что это было быстро.

— Ты и должна, — мрачно отвечает он. — Ты всегда была слишком прощающей.

Может быть, так, но я знаю, что он никогда не простит себя. Ни за то, что позволил мне получить травму, ни за то, что оставил Клару в детстве. Ни за убийство монстра, которым был его брат.

Хотя я сделаю все, что могу для него. Я дам ему безусловную поддержку лучшим способом, который знаю. Любая практика в раздевании пригодится. Я пробегаюсь руками по груди, привлекая его внимание, предлагая себя.

Он смотрит на мою грудь с голодом, с нуждой. Его взгляд опускается ниже.

И я замираю, зная, что он увидит.

Обычно я ухаживаю за собой. Я полностью брила киску, когда работала в клубе. И до этого, с Байроном, я пользовалась воском. Я не смогла сделать ничего из этого, пока восстанавливалась последние несколько дней. Там, в области паха, короткие, колючие волоски, которые я не обрезала и не ухаживала. Поняв это, я сдвигаюсь, чтобы прикрыть себя.

Рукой он хватает меня за запястье.

— Не надо, — грубо произносит он.

— Что не надо?

— Не прячься от меня.

Я закрываю глаза, и опускаю руку. Доверие. Вот что это значит. Он знает это, и я тоже. Доверие в том, что ему понравится мое тело, когда я перестану быть гладкой, скользкой стриптизершей, которую он видел на сцене. Доверие в том, что он хочет меня для большего, не только для секса. Я мало знаю о доверии. Это язык, на котором я не говорю, но слышу его звучание, когда нахожусь рядом с Кипом. Хочу его достаточно, чтобы попробовать. *Нуждаюсь* в нем достаточно, чтобы попробовать.

— Сядь, — говорит он, указывая на выступ крыльца.

Я сажусь на гладкую древесину, чувствуя, как переключатель вдавливаются в мою кожу. Прямая идеальная осанка не остается надолго. Прикоснувшись одним пальцем к моему подбородку, он приподнимает его, пока я не упираюсь взглядом вверх, и откидывает мою голову назад. Крыльцо скрипит немного, как и я, но я не сомневаюсь, что оно выдержит. Даже если мы будем трахаться на нем, оно выдержит.

Как в бальном зале, как в «Гранде», все в этом месте построено, чтобы выдержать.

— Ты боишься? — спрашивает Кип. Он, должно быть, чувствует мою дрожь.

— Да, — шепчу я.

Он оставляет поцелуй у меня на щеке, затем ниже по челюсти, спускается к моей шее.

— Ты боишься меня?

Спустя удар сердца, я киваю.

Он сдвигается по моему плечу, оставляя поцелуи, пока его рука скользит между моих ног.

— Боишься, что я похож на своего брата?

— Ты не такой, как твой брат, — говорю я, задыхаясь, потому что он держит пальцы на моей киске, мягко потирая, и это слишком много. Даже такого легкого прикосновения слишком много. Что я почувствую, когда он трахнет меня?

Кип встает на колени, внимательно наблюдая за моей киской. Твердой рукой он разводит мои ноги. Затем наклоняется и целует клитор. Я потираюсь об него бедрами, но потом он исчезает, оставляя меня с чувством потери. Я издаю мягкое хныканье.

— Он не делал этого? — спрашивает Кип.

— Никогда.

Кип наклоняется и облизывает мои половые губы, пока я дрожу от ощущений. Я уже натянута, напряжена и близка. Затем он кружит языком вокруг моего клитора.

— *Кип*.

Его глаза вспыхивают, глядя вверх на меня.

— Ты останешься сидеть очень спокойно, чтобы ничем не навредить. Просто сиди. Позволь мне позаботиться о тебе. Понимаешь?

Я кусаю губу. Это не совсем ответ.

Он проталкивает в меня два пальца, и я стону.

— Что такое, Хонор? Расскажи мне, о чем думаешь. Не прячься от меня.

— Этого он тоже никогда не делал, — шепчу я.

Его пальцы сгибаются во мне, задевая определенное место.

— Не делал что? — спрашивает он хриплым голосом.

— Не заботился обо мне. — Я рассказываю ему то, что, знаю, он хочет от меня, точно так же, как он дает мне то, что нужно мне. — Ты абсолютно на него не похож.

Кип не отвечает. Он просто наклоняется вперед и сосет мой клитор, вращая пальцами — сильно — и меня бросает в оргазм, я не в силах сжать бедра или трахнуть его руку, неспособна двигаться вообще, пока он берет удовольствие от моего тела, пока толкает меня к краю, а затем ловит меня в падении, убедившись, что я не порву свои швы или не наврежу себе, пока кончаю.

— Почему ты меня боишься? — тихо спрашивает он, прежде чем я успеваю даже перевести дыхание.

И я отвечаю ему. Я бы не посмела утаить ответ.

— Потому что ты мне нужен.

Он всегда был мне нужен. Еще до того, как я узнала, кто он, когда увидела его в «Гранде», мне нужно было, чтобы он был настоящим. Нужно было обещание о помощи, об облегчении, о безопасности быть настоящей. Мне нужен был спаситель. Не для того, чтобы увести меня от опасности. Я и сама сбежала. Сама выжила. Мне нужен был спаситель, потому что я нуждалась в ком-то, кто мог бы обо мне позаботиться.

Его веки опускаются. Кип похож на большого довольного льва, облизывающего сливки, которые я пролила. Его эрекция все еще выпирает — он должен быть твердым, как сталь, должен чувствовать боль — но он, похоже, не возражает. Нет, он гораздо больше заинтересован в том, чтобы всосать мою чувствительную киску в рот, пробежать языком по моей щели, снова возбуждив меня, когда я едва спустилась с небес на землю.

Он не возражает против того, что я не брилась, или что на моем теле шрамы. Он согласен со всем, что касается меня. И я понимаю, что он имеет в виду сейчас. Мне не нужно скрываться от него. Мне не нужно бежать и прятаться. Никогда больше.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Через неделю я все еще читаю толстую книгу рассказов Рэдьярда Киплинга. Старые, сцепленные уголками между собой пожелтевшие страницы влекут так же, как и этот дом, как и «Гранд». Как и Кип. Разбитый и красивый.

Снаружи доносится громкий стук. Кип был занят восстановлением внутреннего дворика. *Я годами собирался это сделать*, сказал он мне. *Но никогда не чувствовал вдохновения, пока не появилась ты.*

Он не один здесь разбитый и брошенный. Я тоже через это прошла.

Клары в доме нет. Мы смогли записать ее в школу, как только я получила законную опеку над ней. Судья изначально подозревал обстоятельства, в которых мы жили. Отстойная комната в мотеле и работа стриптизерши не внушали доверия. Но оказалось, что он брал взятки у Байрона, когда тот был в Тэнглвуде. Кип с глазу на глаз напомнил ему, что некоторые скандалы лучше всего замести под ковер.

И поэтому коррупция Байрона на самом деле помогла нам на этот раз.

Как уже много раз делала прежде, я перехожу к началу книги и смотрю на стихотворение, написанное там: "*Джунгли — страшное место для тех, кто блуждает...*" — это написала мама Кипа, которая любила поэзию. Я нашла несколько блокнотов, исписанных мыслями — строфа здесь, фраза там. Полностью рифмованных стихов не так уж и много. Этот стих в чем-то особенный.

Формулировка проще, чем обычно, не несет глубокий смысл. Более простой. Больше похожий на детский? Однако тема не детская. Жизнь и смерть. Быть потерянным и никогда не найденным. Так зачем писать такое в книге историй для детей? В книге, что она отдала сыну?

Скрывают секреты, молчат пред ветрами.

Это не всегда было здесь. Я спрашивала об этом Кипа. Все время, когда он читал эту историю в детстве, эта страница была пуста. Только после того, как его мать умерла, он в память о ней заглянул в книгу и впервые увидел эти слова.

Джунгли — страшное место для тех, кто блуждает...

Есть что-то, что возвращает меня к этому стихотворению, к этой книге. Как будто она оставила сообщение для Кипа. Или меня. Как ни странно, мне кажется, что это стихотворение предназначено для меня. Я знаю, как страшно в джунглях. Знаю чувство, когда кажется, что смерть — единственный способ выбраться.

Я вздыхаю и делаю глоток чая. Остывший. Я сижу здесь долгое время, разглядывая. Провожу пальцем по давно высохшим чернилам. Ее почерк мило наклонен и имеет закручивания у хвостиков букв. Это заставляет меня почувствовать надежду. Из того, что Кип рассказал мне о ней, *она* тоже надеялась, несмотря на то, что сделал ее муж, несмотря на то, кем стал Байрон. Так зачем писать что-то такое страшное, пока ее второй сын Кип был в армии?

Я снова прочитала стихотворение, задерживаясь на последней строке.

Найдешь ты тот ключ, что сокрыт под землей.

Что, если она говорила о буквальном ключе?

Все думали, что у моей матери были драгоценности. Или у отца Кипа. Но что, если они все это время были у его матери? Я чувствую родство с этой женщиной, с которой никогда не встречалась, достаточно, чтобы предположить, что она не хотела бы использовать то, что получила от дел своего мужа. Она осталась в этом скромном доме. Хотя, могла ли она полностью отказаться от драгоценностей? Смогла бы она выбросить их, отдать их, зная, что ее сын может когда-нибудь воспользоваться ими? Я не уверена, что сама смогла бы, подумав о том, что Клара могла бы сделать с такими деньгами. Точно так же, как я использовала имя Байрона в случае с судьей, чтобы убедиться, что Клара может остаться со мной. Мы сделаем все для людей, которых любим, даже станем полагаться на тех, кого ненавидим.

Вставая, я беру книгу в руки и бегу во двор.

— Кип!

И тут же чувствую раскаяние, когда вижу его на лестнице. Что, если бы мой испуганный крик стал причиной того, что он бы упал? Хотя он и не выглядит удивленным, и даже не пошатнулся. Вместо этого он наклоняется к металлической лестнице так же небрежно, как если бы это была стена, и будто он не находился в пятнадцати футах от земли.

— Доброе утро. — На нем те сапоги и те джинсы, которые мне нравятся. Его ноги выглядят невероятно сильными и великолепными.

Я останавливаюсь поглазеть мгновение, признавая, что он мой. Что теперь, словно на сцене, смотреть можно на него, а не на меня.

Он замечает, конечно. Его улыбка скромная, но самодовольная и *мужская*.

— Что-то нужно, милая?

Ему нравится называть меня так, когда у него на уме секс. В первый раз он внимательно наблюдал за мной, думая, что это может оскорбить меня. Но под таким пристальным взглядом он мог увидеть, что это слово делало со мной — мне становилось жарко. Что я могу сказать? Я — животное, когда дело доходит до него, и я была обучена тому, чтобы мне нравилось это слово, слетевшее с его языка, чтобы нравилось то, что он делает со мной, что говорит.

Но сейчас я не могу отвлечься. Я поднимаю книгу.

— Мне нужно поехать в «Гранд».

Его лицо темнеет.

— Зачем?

— Кажется, я знаю, о чем это стихотворение. И вроде бы знаю, где она спрятала драгоценности.

* * *

Мы стоим перед фонтаном. Раньше он был разбит, статуя отсутствовала, и осталась только дыра там, где она должна была быть. Отверстие, в которое кто-то мог что-то положить. Понадобится строительный инструмент, чтобы раздолбить ее. Камень крошится на куски. Его никогда не удастся отремонтировать.

И Кенди, и Лола — обе здесь, хоть «Гранд» откроется только через несколько часов. Они здесь, чтобы увидеть меня. Это похоже на конец.

Но и на начало тоже.

Я обнимаю каждую из них. Мы подруги. Это единственная настоящая вещь, которая получилась из этой истории. Это дружба, рожденная среди выживания и силы, тьмы и огня. Мы прошли этот огонь вместе. Я выбралась живой, но с повреждениями. На моей коже есть шрамы — некоторые из них видны, вроде темно-красных отметин там, куда вошли пули. Некоторых вы не видите, а только чувствуете.

Нижняя губа Лолы дрожит, но я та, кто пускает слезу первой. Это ведь я уйду. Хоть я и не хочу возвращаться, мне все же грустно прощаться.

— Приходите ко мне, — говорю я. Часть меня хочет сказать: *«Идемте со мной. Бросьте это место»*, но это было бы неуважением.

У всех нас есть причина для работы в «Гранде». Моя исчезла.

Она грустно улыбается, отстраняясь.

— Тебе лучше найти других подруг.

Богатых подруг, она имеет в виду. Не стриптизерш или проституток, или наркоманок. Я сжимаю ее руки, удерживая рядом.

— Я не жалею о тех, что у меня есть. Я так и не поблагодарила вас за то, что вы сделали для меня и Клары.

После небольшого допроса я смогла спокойно отдохнуть. В ту ночь Клара не видела слишком много, и Иван не распускал руки.

Лола отмахивается.

— Тебе не нужно благодарить меня за это.

— Но я благодарю, — затем более низким голосом спрашиваю: — Думаешь, было неправильно, что я спрятала ее вот так?

Ее темные брови поднимаются.

— Как? Да ни за что. Ты сохранила ей жизнь. Сохранила ее в безопасности.

— Да. — Я знаю, что это правда, но есть часть меня, которая все равно чувствует вину. Наш отец тоже держал нас под видимостью защиты. Возможно, у него не уме тоже были хорошие помыслы.

В ее взгляде читается понимание.

— Послушай ту, кого перебрасывали из одного приюта в другой. Кто не имел семьи, не важно, сколько денег у тебя было или где ты жила.

Я не могу сдержаться. Мне нужно еще раз обнять ее.

— О, Лола.

— Гордись, вот и все. И возьми немного от того, — она кивает туда, где Кип ждет меня. — Вы тоже заслуживаете счастья.

— И ты, — говорю я тихо.

— Конечно. — Опустошение вспыхивает в ее глазах, прежде чем она скрывает его.

Я смотрю на Блу, наблюдающим за нами. Наблюдающим за *ней*. Его выражение лица невозможно прочесть, и я не могу не задаться вопросом: хочет ли он ее?

Тогда почему не возьмет?

Передо мной снова Лола со сцены, кокетливая и уравновешенная.

— Может быть, я к тебе приду, — говорит она, подмигивая. — Мы можем показать твоему парню то, чем занимаемся. В VIP-зале. Вместе, — она говорит последнюю часть достаточно громко, поэтому Кип слышит. Выражение на его лице и угрожающее и любопытное, взгляд темнеет, что горячит меня.

Лола, будучи Лолой, замечает и смеется. Она возвращается в клуб. Я хмурюсь, когда замечаю, что Блу следует за ней. Что-то между ними происходит. Я буду настаивать, чтобы она действительно навещала меня, и выясню, в чем дело.

Затем есть Кенди. Она напряжена, когда я обнимаю ее.

Я быстро отступаю, не желая отталкивать.

— Спасибо...

— Это все Лола. Поверь мне, если бы это зависело от меня, я бы заставила ее вилить задницей на танцполе до истощения два часа подряд. — Кенди выглядит скучающей, но опять же, так она выглядит всегда, когда находится рядом со мной и Лолой. Она как противоположность. Она может подделывать интерес на сцене или на коленях какого-то придурка, но поставьте ее перед людьми, которых она действительно любит, и она превратится в ледяную королеву.

Поэтому самое интересное, это то, что холоднее всего она относится к Ивану.

Я одариваю ее взглядом, который говорит, что я не куплюсь на эту ее фигню. Она просто улыбается, таинственно и со смыслом.

Она уже уходит, когда я выкрикиваю.

— Ты знала?

Ее лицо ничего не говорит, когда она поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Что?

— Ты спросила меня, когда увидела вместе с Кипом: «*Она знает, что вы в родстве?*»

Ты знала о нем и Байроне?

— В этом клубе не так много из того, чего я не знаю.

— Всегда все видишь, — говорю я. — Учишься у Ивана?

Ее глаза сужаются.

— Это абсолютно не имеет отношения к Ивану.

Затем она уходит.

Тогда Кип зовет меня, потому что они достигли дна отверстия под фонтаном.

Конечно, мы находим кучу грязи и листьев, заброшенных туда ветрами. Там также масса окурков и других неприятных предметов. В конце концов, фонтан стоит перед стрип-клубом.

И тогда мы находим кожаный чехол, который набит драгоценными камнями, стоимости которых в денежном эквиваленте хватит на всю жизнь.

Сокровища.

Богатство, с которым не мог соревноваться даже мой отец.

Кип держит коробку, заглядывая внутрь. Интересно, что он видит. Чистые, яркие драгоценности. Грех его отца? Позор его матери?

Я кладу руку на его предплечье.

— Теперь у тебя есть все, что хотела для тебя мать.

Он с недоумением смотрит на меня.

— Что?

— Особняк. Поездки по всему миру.

Он улыбается.

— Я храню дом своей матери в память о ней. Я почти не жил там. В основном путешествовал. Всегда по работе над обеспечением частной безопасности. Просто есть и другие места, в которых я хотел бы побывать.

— Оу.

— В любом случае, это твое, — мягко говорит он. — Это принадлежит твоей матери, тебе, а не мне.

Да, я могла бы использовать деньги. Намного больше, чем Кип, по-видимому, с его работой в службе частной безопасности и полетами по миру. У меня было несколько тысяч, спрятанных под матрасом в мотеле. И деньги моего отца, большинство из которых были отправлены на оффшорные счета, к которым у меня не было доступа.

Грязные деньги. Мне лучше без них. Я верю в это, но это также означает, что я банкрот.

Но я также не хочу брать драгоценности.

Кип не видит их богатых оттенков, мерцающих нитей золота и отшлифованных камней. И я тоже. Я вижу желание моей матери к настоящей любви — и ее предательство, когда она оставила меня, чтобы найти такую любовь. Я вижу самую глубокую боль моего отца, когда его жена оставила его... и странную милость, которую он проявил, когда позволил ей жить.

Эти драгоценности принадлежали моей матери, но они были подарком от моего отца. Купленным на деньги от брокерства и проституции, вытряхивания их из других преступников. И тогда отец Кипа украл эти драгоценности. Так кто может сказать, кому они по праву принадлежат?

— Клара, — говорю я.

Кип поднимает бровь.

— Наследство?

— Мы не скажем ей, как они оказались у нас. Просто они все, что осталось от нашей матери. И они для нее. Она может купить себе особняк или путешествовать по миру. Может делать все, что захочет.

Он поднимает рубиновый кулон, ярко-красный против его загорелой кожи.

— А ты? Чего хочешь ты?

— Я бы не прочь попутешествовать. — Я смотрю вниз на трещину на тротуаре. Из нее пробивается цветок. Это не место для чудес, но я все равно хочу одно. — В основном, я хочу остаться в доме с желтыми занавесками и старыми книгами.

Он берет меня за руки, затем скользит по талии ладонями и притягивает к себе.

— Не густо для наследницы мафии.

Я смотрю ему в глаза, на этого мужчину из твердых мышц и с татуировками, в коже и с хромом, с сердцем и честью.

— Мы создадим свое собственное наследие.

Он легонько проводит губами по моей щеке... по челюсти... и ниже.

— Мне нравится, как это звучит.

— Это не эвфемизм.

— Ммм... — Его очень тяжелое *наследие* прижимается к моему животу, мягко подрагивая.

— Кип, мы снаружи. Сейчас разгар дня. — По крайней мере, полуденные часы означают закрытие клуба для бизнеса. Иван ворчал о спорах по поводу раскопок в фонтане и деньгах, которые нужно будет потратить, чтобы восстановить все как было, но он снова отступил под негромкими требованиями Кипа. Я подозреваю, что он нарыл что-то на Ивана, но не собирается это использовать.

Кое-что в семье не меняется.

Например, тот факт, что меня это не заботит. Это вознаграждение по праву принадлежит моей сестре. И на этот раз, наконец, я знаю, что наш побег принес хороший результат. Я знаю, что ей лучше в комнате для гостей в доме Кипа, лучше пойти в колледж, а затем освободиться от связей ее прошлого.

Что касается меня, я получила собственное вознаграждение. И это определенно эвфемизм.

Его рука скользит под мою юбку, задирая ее вверх. Любой прохожий мог бы увидеть гораздо больше меня, окажись он в клубе в часы открытия, но я больше не ублажаю их. Больше не снимаю одежду ни перед кем, кроме Кипа.

— Крыша, — я задыхаюсь, когда он облизывает и покусывает нежную кожу, где шея переходит в плечо.

— Поднимайся.

Он мой тигр с его тихим способом управления и его темными полосами, его кодексом чести и дикостью. Красивый и бесплатный.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net